

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь
№ 4 (95)

Рига 2024

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 4 (95) 2024

К читателю

Школа (для) жизни
Ян Левченко 5

Тема номера

*«На политической сцене возможны
любые изменения»*
Данута Пишвара 9

Зима недовольства польской демократии
Славомир Сераковский 23

Гражданское общество

Почему демократия?
Валдис Биркавс 26

Выборы

*«Грузия – это не диктатура
и не союзница путинской России»*
Иван Беляев 35

*Почему нынешняя политическая система
в России будет существовать долго*
Игорь Минтусов 40

Я так и знал
Сергей А. Медведев 43

Экономика

Об импортозамещении
Сергей Петров 46

Философия

Чужестранцам нет / чужестранцев нет
Джонатан Ре 64

Разум имеет онтологические границы
Руслан Лошаков 79

Опыт истории

Вольномыслие.

*Материалы «круглого стола»,
посвященного А. Д. Сахарову* 94

In Memoriam

Голгофа

Михаил Зыгарь 108

Наш анонс

Война и интеллект

Анатолий Ахутин 112

Книги

«Альтернативная Россия» и Гитлер 116
Андрей Симбирцев

Контрапункт

Максим Горюнов 119

Nota bene

Наконец-то Просвещение!

Диана Пинто 128

Школа (для) жизни

Ян Левченко,
филолог, культуролог

К старому и новому читателю

В этом номере «Общей тетради» опубликовано выступление второго премьер-министра независимой Латвии Валдиса Биркавса на семинаре Школы весной 2024 года. Участник важнейших событий последней четверти XX века в Восточной Европе напомнил собравшимся о дуэли в романе Томаса Манна «Волшебная гора», на которую консерватор Нафта вызвал демократа Сеттембрини.

Напрасно человек с нефтяной фамилией кричал: «Стреляй!» — его благородный противник выстрелил в воздух. Затем случилось то, что отличает мир модернистской литературы от мира торжествующего цинизма, в котором мы, по утверждению Биркавса, живем примерно с 2014 года. Даже будучи на стороне зла, Нафта остается в парадигме чести и стреляет в себя сам, то есть волею Томаса Манна разделяет четкие этические императивы. Современные последователи Нафты, крайне заинтересованные в одноименном сырье, ничего такого не разделяют. Они действуют по принципу «выживай сам за счет другого».

В советской анимационной экранизации «Книги джунглей» Редьярда Киплинга, более известной на русском языке как «Маугли», искажается смысл оригинального понятия The Law of the Jungle. Закон Джунглей у Киплинга отсылает скорее к девизу королевских мушкетеров у Александра Дюма: «Один за всех и все за одного». Волк защищает стаю, а стая

не бросает волка — таков Закон. В советской же трактовке Закона Джунглей проступает и пренебрежение к животным, и пропагандистская проекция. Сильный ест слабого — такова картина, которую построили переводчики Киплинга, наделяющие «колонизаторов-кровопийц» собственными представлениями об этике борьбы.

Ярче всего русифицированный Закон Джунглей иллюстрируется как раз российской политикой постсоветского периода. Девяностые годы, когда государство занималось дележом собственности и даже не пыталось победить

*Ярче всего русифицированный
Закон Джунглей
иллюстрируется российской
политикой постсоветского
периода*

криминал, позднее получили определение «лихие». Путинские пропагандисты заимствовали этот термин из самой эпохи: ее обитатели определяли неприлично устроенное время как «лихое», реагируя на снижение общей безопасности и повышение своей осведомленности об этом. В противопоставленные девяностым «тучные» нулевые, когда криминал влился в истеблишмент и сросся с государственной властью, сформировался консенсус, который преобладает и ныне.

Он состоит в том, что конкурирующие группировки сильных богатеют за счет рядовых граждан, которым продается миф о государстве, гарантирующем их существование. Наиболее активные граждане либо добровольно служат коррупционно всеильному государству, либо уклоняются от

контактов с ним, то есть буквально прячутся в щели, оставляемые его институциональной беспомощностью. Вскоре после возвращения Путина в Кремль в 2012 году контракт государства и общества был перестроен. Первое продавало второму гордость за государство, поддерживать которую можно лишь перманентной мобилизацией. Иными словами, тотальной войной.

Закон Джунглей в его советской пропагандистской трактовке реализовался в самой архаичной, согласно «Левиафану» Томаса Гоббса, форме социального устройства, которая оказалась выгодна нынешнему российскому руководству. Однако гоббсовская «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*) — это «естественное» состояние человека, предшествующее общественному договору и формированию государства. Получается, что в России действует особый общественный договор, состоящий в его отсутствии, когда государству и обществу удобно игнорировать друг друга. Специфика этой практики в том, что даже криминальные «понятия» в ней не работают. Господствует беспредел, когда «кинуть» — это доблесть, которой поначалу гордятся, а привыкнув, считают нормой.

Синхронизация зимней Олимпиады в Сочи с аннексией Крыма — демонстративный цинизм. Этот жест иллюстрирует слова латвийского экс-премьера о том, что в 2014 году «кончились времена... свободы, начались другие времена». Многим это обобщение может показаться чересчур масштабным, но его происхождение понятно. Период свободы для Центральной и Восточной Европы, в особенности для стран, вышедших из распада СССР бенефициарами,

синонимичен постсоветскому периоду. Он-то в тот год и завершился всплеском имперского реваншизма.

Продолжающаяся уже более десяти лет российско-украинская война — одно из самых заметных проявлений цинического вызова демократии периода после Второй мировой войны. Речь, конечно, о представительной либеральной демократии условно «западного» типа — именно на нее ориентировались страны, не испугавшиеся саперных лопаток в Тбилиси и отстоявшие вильнюсский телецентр, дождавшиеся падения Берлинской стены и казни Чаушеску. Идеализируя западную модель, они путали внешнее благополучие с устойчивостью институтов, но причина не только в чьей-то наивности или недостатке опыта. Дело в эрозии самого института, долгое время не принимавшего всерьез рост популярности авторитарных моделей по всему миру.

Демократию еще не поздно переоборудовать, отремонтировать. Это очень нелегко, учитывая неуклонный рост благосостояния граждан в странах с более или менее авторитарной моделью управления. Приходится признать, что поизносившаяся демократия внешне уступает подражавшей ей когда-то, а ныне окрепшей и повывисившей свою самооценку тирании.

Уже в прениях Валдис Биркавс напомнил: основная причина внешне быстрого успеха авторитарных режимов состоит в том, что харизматичный лидер ни с кем не согласовывает своих решений. Это помогает обойти страны, где в ходу длительные дискуссии. Но автократии лишь обольщают своих подданных демагогией — рано или поздно они обращаются к репрессиям и развязывают войну.

Именно длящийся кризис демократии и ее тактическое поражение на большей части бывшей советской империи помогает уточнить общую миссию и конкретные задачи Школы гражданского просвещения. Свое нынешнее название Школа получила в 2013 году, то есть в самом начале исторического периода, сменившего постсоветский.

Гоббсовская «война всех против всех» — это «естественное» состояние человека, предшествующее общественному договору и формированию государства

Как раз тогда пересматривался контракт государства с обществом, поэтому институтам, возникшим в России на волне демократических реформ 1990-х, начали указывать на дверь или предлагать различные сделки. Так Московская школа политических исследований, возникшая в 1992 году для просвещения и политического образования государственных и муниципальных служащих и региональных политиков, получила менее вызывающее название, а в год аннексии Крыма еще и статус «иноагента».

За минувшее десятилетие смысловой фундамент Школы — гражданское общество, демократия, верховенство права — не изменился. После вторжения России в Украину Школа не только не приостановила свою работу, но, сохраняя пространство просвещения, удвоила усилия по укреплению солидарности среди гражданских активистов, правозащитников, журналистов, исследователей всего постсоветского пространства.

Цель Школы — поддержка горизонтальных связей между интеллектуалами стран Восточной и Центральной Европы — помогает объединять ресурсы выходцев из Украины, Беларуси и России; последняя после поражения нынешнего государства в войне встанет на путь деколонизации.

*За минувшее десятилетие
смысловой фундамент
Школы – гражданское
общество, демократия,
верховенство права –
не изменился*

Школа — это интеллектуальный хаб, место встречи и диалога, позволяющее выйти за границы, налагаемые на участников их гражданской и этнической идентичностью. Такое место необходимо для нетворкинга и преодоления локальных интересов. В определенном смысле это модель ассамблеи Восточной Европы, участники которой занимаются критикой своих и чужих «очевидностей».

В условиях эмигрантского бытования большинства участников и во многих случаях экспертов Школы ее тактические задачи состоят в разработке максимально открытого, дружественного и инклюзивного языка общения. Критика в значении, тяготеющем к английскому criticism, предельно далека от инструмента уничтожения оппонента, в который ее превратили советские общественные дискуссии 1920-х годов, увенчавшиеся террором 1930-х.

Критика – способ думания, который купирует и конвертирует насилие, но

никак ему не благоприятствует. Жестокый век, новый виток лихих времен заставляет сомневаться в гуманитарных основах общения. Поэтому миссия Школы — напоминать, что будущее обеспечивается мирным договором сторон, а не соперничеством без соблюдения правил.

Что касается естественных языков, принятых для общения на семинарах Школы, то уже давно это не только русский, но и английский, уравнивающий в правах всех участников. Период его постколониальной токсичности в целом позади. Те же стадии адаптации и принятия предстоят и русскому языку, остающемуся одним из мировых lingua franca, несмотря на текущие обострения.

К этим базовым языкам школьного общения будут добавляться новые, в первую очередь украинский и белорусский, способные хотя бы символически уравновесить многовековое насаждение русского языка. Возможность выступить на родном языке чрезвычайно важна для всех участников из Восточной Европы, и по сей день нередко рассматриваемой в терминах инерционного доминирования России.

Школу можно сравнить с кораблем или орбитальной станцией. Как и демократия, она обновляется в процессе движения. Завершая эту аналогию, стоит зафиксировать, что она в силах помочь демократии в Восточной Европе. Равно как и демократия может помочь Школе сохраниться и приблизить новую историческую эпоху.

«На политической сцене возможны любые изменения»

Роль польского гражданского общества в построении демократического правового государства*

Сопrotивление и всходы

В восьмидесятые годы прошлого века в Польше не было такого жесткого режима, как в других социалистических странах. Тем не менее уже со второй половины семидесятых давление государства нарастало, а с ним и недовольство граждан. Отсюда появление «Солидарности», которая начала оказывать довольно сильное влияние на происходящее в стране. Это, конечно, не нравилось лидерам Восточного блока, и в декабре 1981 года в Польше было введено военное положение, интернированы, то есть задержаны без всяких законных оснований, почти 10 000 человек. Их поместили в лагерь для интернированных, и мы не знали, какой будет их дальнейшая судьба. Разумеется, это не могло не вызвать сопротивления, и в результате с декабря 1981 по 1989 год в Польше стало действовать подполье.

С одной стороны, это были профсоюзные организации, «Солидарность». А с другой — движения и организации, преследующие демократические цели и оказывающие сопротивление репрессиям властей: работали крупные издательства, связанные с «Солидарностью», независимые издательства, функционировавшие еще в семидесятые годы, а также небольшие организации, которые занимались правами человека, — в том числе Хельсинкский комитет в Польше, членом которого я была.

Как вы, вероятно, знаете, первым Хельсинкским комитетом была московская Хельсинкская группа, созданная в 1976 году. Ее изначальное назначение — контролировать советские власти. Затем в странах, в которых действовал комитет, появились другие организации.

*Данута Пишвара,
председатель Совета
Хельсинкского фонда по
правам человека*

* Выступление на семинаре Школы в Варшаве 17 сентября 2024 г.

В семидесятые годы была создана группа, связанная с защитой прав рабочих, тогда же — Хельсинкский комитет в Польше. Он, как и другие организации польского подполья, действовал негласно. Открыто, под своим именем работала только комиссия профсоюза «Солидарность».

И так все продолжалось до 1988–1989 годов. Что касается Хельсинкского комитета, то мы готовили систематические отчеты о нарушениях прав и свобод в период военного положения и в последующие годы, информируя о них международное сообщество.

Напомню, что восьмидесятые и отчасти девяностые годы — это время, когда в нашей части мира не было интернета. Мы жили в совершенно иной коммуникационной реальности: информацию поставляли официальные, контролируемые властью источники. Но в эфире звучало

Какими инструментами, способными влиять на реальность, располагает гражданское общество?

«Радио Свобода», радиостанции Америки.

Нашим союзником выступала влиятельная в Польше католическая церковь: в то время она была, можно сказать, базой для некоторых оппозиционных групп, и мы тоже тесно сотрудничали с ней.

В рамках католической церкви действовал комитет помощи заключенным; на улице Пивна располагался главный офис этой организации, куда поступали документы, связанные с политическими процессами. Там с помощью сотрудников комитета можно было связаться с политическими заключенными, его сотрудники имели доступ к тюрьмам и к лагерям для интернированных.

Очень важный вопрос: какими инструментами, способными влиять на реальность, располагает гражданское общество?

Прежде всего — мониторинг. Мы контролируем власть, с тем чтобы она выполняла свои обещания. Если она этого не делает, если отступает от демократических ценностей, от сути и принципов правового государства, нарушает права человека и его свободы, мы доносим соответствующую информацию до всех — и до наших сограждан, и до госчиновников. Мы защищаем тех, чьи права и свободы нарушаются, либо стараемся заставить соблюдать эти права. В конце концов это работает на создание искомой правовой среды.

Поэтому первый период — период борьбы, в Польше он закончился в конце 1988 — начале 1989 годов. В восьмидесятые мы, конечно, не предполагали, что быстро изменим политическую систему, но теперь, спустя десятилетия, ясно, что уже тогда мы готовили почву для этого.

Затем — период до 2003–2004 годов. Этот период я называю победой. Мы праздновали тогда сам факт выхода из социалистической системы и меняли ее на демократическую.

Третий период — с 2003 по 2014–2015 годы. Это годы стабилизации: в то время мы уже могли утверждать, что главные цели достигнуты и что мы стараемся совершенствовать то, что удалось построить в предшествующий период.

Тадаси Кавамата (Tadashi Kawamata). Переполненность. 2019

Время с 2015 по 2023 год я называю периодом защиты.

В принципе сейчас вроде бы уместно говорить и о пятом периоде, берущем начало в октябре 2023 года. Хотя пока я даже не знаю, как его назвать.

Но я хотела бы подробнее остановиться на периодах победы и стабилизации.

Ура, победа!?

1988 год. Вспомним, что тогда была специфическая обстановка, включая политическую. В период перестройки уже слабел Советский Союз, при этом влиятельные западные страны, несомненно, были заинтересованы в том, чтобы Восточный блок рухнул. В Польше — экономический кризис, начавшийся во второй половине семидесятых.

Оппозиция была удивлена масштабом победы и не готова взять всю власть

Кризис усугублялся, и коммунистические власти отдавали себе в этом отчет. Осенью 1988-го началась волна забастовок, они повторяются в 1989 году. «Солидарность» предлагает провести Круглый стол; на нем представлена часть оппозиции, сторонники демократических перемен, лидеры профсоюза, коммунистические власти. В результате переговоров коммунисты идут на некоторые уступки: регистрируют независимые профсоюзы и позволяют им действовать, соглашаются провести частично свободные выборы, готовы признать, что суды должны быть более независимыми. На этом, в принципе, заканчивается документ, подписанный после завершения Круглого стола. На базе подпольного еженедельника «Tygodnik Mazowsze» появляется первое официальное издание «Gazeta Wyborcza» («Газета избирателя»), которое довольно быстро набирает большой тираж. 4 июня 1989 года проходят частично свободные выборы.

Коммунистическим властям нанесен удар. Комитет, созданный при Лехе Валенсе, в результате выборов выигрывает всё, точнее, всё минус один: занимает треть мест в Сейме и все места в Сенате за исключением одного (упущение при создании так называемого «национального списка депутатов»).

То есть в июне 1989 года коммунисты понимают, что проиграли, а оппозиция выиграла все, что только возможно. Оппозиция, в свою очередь, удивлена масштабом победы: лагерь сторонников демократии не был готов к тому, чтобы на самом деле взять всю власть, но так случилось.

Начинает работать Сейм, большинство представлено в нем бывшими партиями, а также гражданским парламентским клубом. Отдельно работает Сенат. Появляется лозунг «Ваш президент, наш премьер-министр». В рамках договора, подписанного после Круглого стола, парламент выбирает генерала Ярузельского президентом Польши, однако формируется правительство Мазовецкого.

С этого момента и стоит начать рассказ о роли гражданского общества в создании правового государства. Мы столкнулись тогда с беспрецедентной задачей, у нас не было примера, который бы подсказал, как это сделать.

Согласно договоренностям ПОРП и «Солидарности» оппозиция в лице Гражданского комитета «Солидарности» получила право выставить своих кандидатов, но при этом 299 мест (65 процентов) в нижней палате (Сейме) резервировалось за ПОРП и ее союзниками, а на альтернативной основе избирались только 161 депутат Сейма и все 100 сенаторов. Из-за этой особенности формирования Сейма он получил название «Контрактный», или «Договорной». Все началось уже во время Круглого стола, но после неудачных попыток формирования правительства коммунистами и в условиях продолжающихся переговоров оказалось, что демократические тенденции и решение изменить политическую систему становятся все более настойчивыми. Контрактный сейм это принимает, то есть вводит изменения в конституцию. В принципе, первые изменения были введены еще коммунистическим Сеймом, но Контрактный сейм начинает работу (которую закончил уже следующий Сейм) над так называемой Малой конституцией; она меняет фундамент политической системы в стране, и с этим соглашаются все политические силы. Таким образом, Контрактный сейм решает на изменение политической системы в Польше со всеми вытекающими последствиями. Изменения заключались не только в перераспределении власти и контроля за второй палатой парламента — были приняты и решения о реприватизации средств производства и о том, как провести эту реприватизацию.

Что касается гражданского общества, то вы, вероятно, знаете, что демократическая оппозиция периода подполья уже тогда начала делиться. То есть часть субъектов стала частью власти, а часть действовала в независимых общественных организациях или в различных СМИ. Однако они не теряли контактов друг с другом.

Я по ходу рассказа дальше буду чаще ссылаться на Хельсинкский комитет, потому что я его лучше знаю.

Подпольный Хельсинкский комитет раскрыл фамилии своих членов в 1988 году. Некоторые из них приняли участие в заседании Круглого стола не как члены комитета, но как отличные эксперты и специалисты, и затем они появились в избирательных списках. В 1989 году половина представителей Хельсинкского комитета стала депутатами Сейма или Сената.

В 1989-м мы приняли решение, что расстаемся с нашими коллегами, решившими пойти во власть. Ведь если учреждается юридическое

*В 1989-м мы расстались
с нашими коллегами,
решившими пойти во власть:
невозможно одновременно
и быть представителем
власти, и контролировать ее*

лицо под названием «Хельсинкский фонд по правам человека», значит, хельсинкская группа хочет на легальных основаниях контролировать власть. А многие прежние коллеги стали частью законодательной либо исполнительной власти, в том числе правительства Тадеуша Мазовецкого. Но ведь невозможно одновременно и быть представителем власти, и контролировать ее, это было бы абсурдом.

Чтобы оставаться полностью независимыми от власти, мы решили, таким образом, не претендовать на финансовую поддержку из средств центрального или местного бюджета — причем даже не из опасений, что это станет инструментом влияния власти на нас, а чтобы защититься от автоцензуры: дескать, «не будем критиковать, иначе у нас заберут деньги» или «глупо критиковать, а потом просить, чтобы нам что-то дали».

Денег у нас в тот период было негусто. В распоряжении гражданского общества были в основном поступления от американских спонсоров, направлявшиеся в поддержку посткоммунистических стран.

Мы чувствовали себя частью лагеря сторонников демократических перемен и участвовали в перестройке юридической системы. Мы осуществляли функции своего рода «министерства по вопросам прав человека»

Тогда же мы пришли к консенсусу: если прежние коллеги не скомпрометировали себя за время пребывания во власти, мы можем восстановить их членство в организации защитников прав человека. И некоторые из них вернулись. Те же, кто решил делать политическую карьеру и навсегда остаться во властных структурах, вернуться не захотели. Это, поверьте, для многих оказалось непросто. Друзья по подполью, сопротивлению, мы

некогда были едины и вместе действовали во имя общей цели. Предполагалось, что именно мы будем впредь контролировать власть, следить за тем, что она делает, причем еще более сурово, чем это делалось в отношении коммунистических структур. Ведь кто как не наши прежние товарищи были в курсе прав и свобод человека, и они знали, как больно, когда эти права нарушаются.

Тем не менее сложные перипетии не меняли сути: мы чувствовали себя частью лагеря сторонников демократических перемен и участвовали в перестройке юридической системы. Власти направляли нам вновь создаваемые проекты юридических актов, запрашивая наше мнение с точки зрения действующих международных демократических стандартов, связанных с защитой прав человека. Мы по собственной инициативе участвовали в подготовке законодательных актов.

Я говорю о Хельсинкском фонде начала и середины девяностых годов. В то время создавались и другие неправительственные организации, фонды, ассоциации, но тех, что занимались правами человека, было всего около одного процента от общего числа. За нами был опыт семи лет работы в подполье, нам было что представить международному

сообществу, спонсорам, и это имело большое значение. В отличие от вновь создаваемых небольших организаций, у которых не было финансовой поддержки, мы располагали средствами для реализации наших проектов. Мы, как сами шутили, осуществляли функции своего рода «министерства по вопросам прав человека». И действительно, даже в Сейме, когда в кулуарах обсуждали новые законодательные акты, проходило согласование и с нашим, Хельсинкским, комитетом, что нас очень радовало. При этом комитет остался незарегистрированной гражданской инициативой, в отличие от Хельсинкского фонда.

Мы полагали, что и дальше будем следить за соблюдением прав человека, вести образовательные проекты. В Польше тогда не было литературы по правам и свободам, за исключением малотиражных изданий Польской академии наук в Познани. Там работал так называемый «Центр прав человека», он в числе прочего публиковал и законодательные акты, но тиражи его изданий составляли не больше тысячи экземпляров. И это было всё! А мы намеревались заняться образовательными проектами, организуя семинары, встречи, издавая серии книг. При содействии государственного телевидения мы собирались снять серию фильмов (каждый по 20 минут) о правах человека. Появилась Школа лидеров, в 1990 году мы уже начали обучение. Мы также планировали проводить обучение чиновников, сотрудников государственных служб, органов полиции, системы тюремной охраны, погранслужбы, судей и других представителей юридической сферы, запустили юридические программы фонда, которые должны были поддерживать жертв нарушений прав человека. Мы продолжали мониторить ситуацию.

Но особое внимание уделяли Хартии прав и свобод, которая должна была дополнить Малую конституцию, принятую парламентом в 1992 году. Малая конституция сохранила некоторые статьи сталинского периода, что нас не устраивало. Нашу Хартию прав человека, при содействии президента Валенсы, удалось вынести на обсуждение парламента. Была создана Верховная чрезвычайная комиссия для принятия этого, тоже чрезвычайного, законопроекта. Председателем чрезвычайной комиссии стал молодой депутат Дональд Туск. Мы с ним очень активно работали. Он хорошо понял то, что содержалось в Хартии прав и свобод — в этом каталоге прав человека.

Наша Хартия была полностью сопоставима с Хартией Европейского союза по правам человека. Мы считали очень важным, чтобы они стыковались между собой, соответствовали, а не противоречили друг другу. Хартия не вступила в силу, но она стала важной частью одного из семи проектов конституции, над которыми работала комиссия Национального собрания в девяностые годы. На основе этого проекта в итоге и появилась Конституция 1997 года.

В тот период мы также рецензировали законы, включались в процесс так называемой люстрации, то есть в изучение политического прошлого

политиков. Мы работали над законами об этнических, религиозных и прочих меньшинствах, которые также были приняты.

После 1996–1997 годов в лагере, выступавшем за демократические перемены, происходит сильное разделение. На одной стороне — те, кто делал ставку на либеральную демократию, на другой — так называемые христианские демократы. Из-за отсутствия единства довольно быстро во власть вернулись представители посткоммунистической формации. Это касалось и исполнительной власти, и должности президента. Все произошло, на наш взгляд, слишком быстро. Произойди это хотя бы годом позже, мы бы успели реализовать больше необратимых перемен.

На политической сцене при коалиции условно «правой» и «левой» сил изменения происходили достаточно систематически, однако при полном уважении к принципам демократии.

В доме, который нам вернули

Перехожу к следующему периоду. Несмотря на споры и дискуссии девяностых годов, то было время единства взглядов в отношении общего направления необходимых изменений. Естественно, в каких-то деталях, по отдельным решениям мнения часто не совпадали, но никто не сомневался в том, что Польша должна стать членом Евросоюза. Относительно членства Польши в НАТО было уже чуть больше «искр» согласия-несогласия.

Референдум по вопросу вступления в Европейский союз стал большой победой демократического лагеря. Явка — более 58 процентов,

Референдум по вопросу вступления в Европейский союз стал большой победой демократического лагеря

---

74 процента проголосовавших высказались за вступление в Евросоюз. То есть уже никто не мог поставить под сомнение волю народа, хотя некоторые и пытались это сделать.

Гражданское общество того времени оставалось очень активным и поддерживало либеральное направление перемен. Для нас это была действительно победа. Девяностые годы я называю «строительством дома, который нам вернули». То есть нам вернули дом и мы начали его восстанавливать и обустраивать так, как сами хотели, пусть порой и ссорясь между собой.

В этом строительстве не было острых конфликтов, но расхождения, которые наметились тогда, сохранялись. Расхождения касались, в частности, степени независимости судебной власти, темпа закрытия тем, связанных с коммунистической эпохой. Проект, который был выведен из обсуждения на три года перед принятием Конституции, предполагал в Польше систему, значительно усиливавшую роль президента.

В любом случае этот период я называю периодом независимого строительства, без явного участия внешних субъектов. Правда, политические группировки, несколько дистанцировавшиеся от Европейского

союза, уже тогда утверждали, что влияние международных институтов на финальную форму демократических институтов в Польше нарушает основы суверенности. Тем не менее они участвовали в разрабатываемой концепции демократического строительства и затем, после вступления Польши в ЕС, принимали соответствующие решения Евросоюза.

Далее переходим к периоду стабилизации.

Я уже говорила, что мы осознавали: никто не дал нам демократию, права и свободы раз и навсегда, и мы должны об этом постоянно помнить. В начале периода стабилизации мы все немножко расслабились и угодили в своего рода «зону комфорта». Польша уже член НАТО, Европейского союза, Совета Европы; мы, коль скоро Евросоюз принял нас, вправе считать, что уровень нашего законодательства и состояние демократии в Польше отвечает стандартам ЕС, проблем здесь нет. Разумеется, нужно будет реагировать на различные рекомендации и директивы ЕС, но мы уже закончили «бег с препятствиями», мы можем ограничиться требованиями Европейского союза. А если мы можем еще больше? Есть же хорошие примеры: наша работа над законодательными актами, законами о доступности юридической помощи для бедных, законы об этнических, национальных меньшинствах, о равенстве.

Мы осознавали: никто не дал нам демократию, права и свободы раз и навсегда

Мы как страна, наверное, побили все рекорды по количеству проектов. Мы готовили решения, и, если наш проект не реализовался в период работы Сейма одного созыва, мы продолжали работать над ним в течение следующих созывов Сейма. Например, закон о бесплатной юридической помощи для малоимущих, работа над которым началась в конце прошлого — начале этого века, парламент принял в июле 2015 года, то есть спустя 15 лет.

И тут возникла ситуация с изменением позиции властей. Мы не говорим, что власти наплевать на общество. Она принимает законы о волонтерстве, о некоммерческих организациях, благотворительных организациях, запускает Фонд гражданских инициатив — первый фонд, который позволял некоммерческим организациям получать деньги. Это были институциональные действия, направленные на проекты и организации типа Watchdog (беспартийных наблюдателей на выборах. — Ред.) и целый ряд других. Нас они не касались, но они значительно облегчали существование новых некоммерческих организаций. Время после 2004 года вообще период появления многих профессиональных, специализированных некоммерческих организаций демократического толка. Они занимаются не только образовательной деятельностью, как происходило раньше, но и мониторят ситуацию, «смотрят на руки судебной власти», следят за ней, чтобы не нарушались права человека. Появляются некоторые юридические

инициативы, в частности сообщество юридического противодействия нарушению прав человека, нарушению личного пространства, права на информацию.

В девяностые годы вершиной использования квазисудебных институтов, осуществляющих функции разрешения общественных конфликтов посредством внесудебных процедур, был Хельсинкский фонд. Хочется верить, что обучение и семинары, которые мы проводили, привели к тому, что люди, работавшие в специализированных общественных организациях, тоже стали ими пользоваться. И граждане, чьи права

*Время после 2004 года –
период появления многих
специализированных
некоммерческих организаций
демократического толка*

и свободы нарушались, чаще получали после этого поддержку в своих процессах против государства.

Но и мы продолжали пользоваться этими механизмами: ведь то, что прежде удавалось решать просто вмешательством или указанием на факты нарушения, в конкретный момент уже

требовало более сильных аргументов и инструментов. Если власти не принимали к сведению информацию о том, что положения того или иного законодательного акта не до конца соответствуют международным стандартам либо приводят к нарушению прав человека, мы, как и любое физическое лицо, могли обратиться за помощью в Польский конституционный трибунал, задача которого — проверять на соответствие конституции страны все нормативные акты.

Словом, юридические инициативы активизировались. Глядя на действия неправительственных организаций того времени, я вижу, что главная их активность была направлена на повышение уровня защиты прав человека: на то, чтобы либо включаться в новые сферы, в новые группы, представляющие их интересы, либо более профессионально использовать европейские инструменты. То есть делался акцент на европейские механизмы.

Наш «дом, который мы вернули» и который более или менее соответствовал новым условиям и требованиям, мы построили до 2004 года, а сейчас совершенствуем его. И это делают фактически все организации.

После «зоны комфорта»

Но в 2005 году, после периода правления посткоммунистических группировок, впервые к власти приходит экзотическая коалиция партий «Право и справедливость» (PiS) и «Лига польских семей». Уже тогда нам стало ясно, в каком направлении могут делаться попытки устранения изменений, которые были введены конституцией (я имею в виду те самые изменения, которые нам позволили вступить в ЕС). Эта коалиция развалилась, что в результате привело к досрочным выборам.

И PiS выигрывает эти выборы.

Почему выиграла эта партия? Сказались первые признаки разочарования, вызванного пребыванием в составе Евросоюза. В ЕС нас ввели «левые» партии, но оказалось, что отнюдь не всё стало прекрасно и идеально, как ожидали многие избиратели. Экономические факторы повлияли больше, нежели политические, поэтому партии, которые в 2004 году привели Польшу в ЕС, крупно проиграли.

К власти приходят партии, старающиеся частично изменить взгляд на вступление в Евросоюз — изменить не полностью, потому что огромное большинство поляков, конечно же, «за» ЕС.

В интернете появляется проект конституции, разработанный PiS. Он целиком использует идеи, которые существовали еще до одобрения конституции 1997 года. Перед выборами 2015 года этот проект быстро исчезает, и, что именно задумала та партия, посмотреть уже невозможно.

Заканчивая свой рассказ 2015 годом, я признаю, что мы недооценили того, что может дать Польше приход к власти партии PiS. Мы испытывали, что-то вроде похмелья после демократических изменений прежних лет и считали, что в принципе нет причин для особых огорчений: нет возможности возврата к прошлому. Хотя и при демократии всегда надо помнить, что на политической сцене могут произойти любые изменения, мы, однако, не предполагали, что эти изменения будут столь драматичными.

Мы недооценили того, что принесет Польше приход к власти партии «Право и справедливость»

Честно скажу, что после победы Анджея Дуды я впала в ступор. Я не ожидала, что темп вводимых изменений и деструкция основ политической системы в Польше будет такой быстрой.

25 октября прошли выборы, а 12 ноября 2015 года был созван Сейм в новом составе. В 2019 году была сделана жесткая попытка ликвидировать Конституционный суд. А потом со скоростью японского поезда «Синкансэн» мы покатались дальше.

Мне кажется, гражданское общество не было готово к столь внезапному и стремительному ходу событий. Соппротивление этому началось с момента, когда люди вышли на улицы.

Вопросы из зала

– Как вы считаете, обществу сложнее, когда угроза снаружи, например при военном положении, или когда наблюдается юридическая эрозия внутри самого государства?

– Эмоционально легче сражаться с внешним врагом. Это очевидно. Но нужно считаться и с другим обстоятельством. В восьмидесятые годы разделение происходило и внутри польского общества. Не все воспринимали социалистическую систему как нечто насильственное, как то,

что нам привезли на штыках. Ведь и военное положение в 1980-е ввели польские власти, на улицах была польская армия, проводила обыски, арестовывала нас польская милиция. Разделение между частью общества, выступающей за демократические перемены, и теми, кто чувствовал себя скорее приверженцами прежней власти, было довольно четким. Я не считала, что оно такое уж глубокое, пока не стала много ездить по Польше. За три последних года я побывала в нескольких сотнях городков и поселений. Там в рамках продвижения проекта конституции мы организовывали встречи, стремясь убедить людей, что к конституции можно и нужно относиться как к полезному документу, защищающему наши права и свободы.

Парадокс поляризации двух главных сил вот в чем: представители обоих лагерей утверждают, что они за демократические перемены

Поляризация мнений и отношения к переменам разделяет сейчас общество на два главных лагеря. Плюс к ним — прочие более или менее индифферентные люди.

Вот результаты недавних выборов: порядка 30 процентов — сторонники PiS, около 30 — Гражданской коалиции, за объединенные левые силы голосует, к сожалению, совсем незначительное число избирателей. «Левые» партии действительно переживают серьезнейший кризис, и продолжается он как минимум девять, если не все десять лет. И плюс ко всему безразличный центр.

Парадокс поляризации двух главных сил заключается вот в чем: представители обоих лагерей утверждают, что они за демократические перемены. Но при этом сторонники PiS декларируют, к примеру, что они за мажоритарную демократию, а Гражданская коалиция и связанные с ней партии — за ограниченную демократию, то есть либеральную демократию. При этом в данный момент сторонники тех и других даже не разговаривают друг с другом — не только сами политики, но и избиратели. В последние восемь лет между ними образовались уже не трещина, а пропасть, вплоть до того, что политики угрожают друг другу судебными разбирательствами. Для меня это огромный вызов и огромная проблема, ведь противостояние никуда не денется, не исчезнет само по себе.

Каждый день приносит очередные попытки убрать те «мины», которые оставлены в юридической сфере. Тот же Национальный юридический совет, который не признается ни международными институтами, ни правительством, ни продемократическим большинством, счел правительство Дональда Туска нелегитимным, а значит, и законы, которые принимались, неконституционными.

Так что нет в обществе согласия или попытки протянуть руку и двигаться дальше. Пропасть становится только глубже.

Для меня ситуация сейчас сложнее, чем тогда.

Дуэт KwieKulik. Моисей. 1970/1992

— Скажите, исходя из вашего опыта, из опыта Хельсинкского фонда, опыта переломного для Польши периода, на какие компромиссы ни в коем случае нельзя пойти ни той, ни другой из сторон?

— Я отвечу вам с точки зрения правозащитника. Если мы принимаем решение относительно создания какой-то системы — а для меня важно, чтобы она соответствовала принципам либеральной демократии, причем не потому, что я считаю эту систему лучшей на Земле, просто для правозащиты ничего лучшего пока не придумали, — я защищаю эту систему. Но здесь опять же проблема. Что важнее — то, что определяется

Что важнее – то, что определяется нашей юридической системой, либо то, что отвечает международным требованиям?

самой нашей юридической системой, либо то, что отвечает международным требованиям и потому само по себе является ценностью?

По образованию я социолог, и до недавних пор я пребывала в довольно комфортной ситуации, поскольку все мои юридические консультанты — люди, относительно которых у меня не было никаких сомнений: если они говорили,

что нечто не соответствует тому-то и тому-то, понятно было, что действительно не соответствует. Теперь же они сами спорят друг с другом. Одни говорят, что можно бы идти дальше, не оглядываясь на нынешнее несовершенство законов, другие — что нет, потому что нельзя, дескать, переходить некую черту, иначе мы утратим направление движения и тот фундамент, что лежит в основании всего движения.

Сама я как бы сбежала с поля дискуссий, все больше ориентируюсь на международные вердикты. Они не столь пристрастны, не так зависят от местной ситуации. Для меня важнее заключения Венецианской комиссии*, которая сыграла ключевую роль в принятии восточноевропейскими странами конституций, соответствующих стандартам европейского конституционного наследия. Или, скажем, вердикты Европейского суда по правам человека, даже если я с ними не полностью согласна. Именно они та последняя «инстанция», которая может удерживать юридическую систему и вообще систему государства в целом.

Знаете, вы задали действительно сложный вопрос, и, наверно, мой ответ вас не удовлетворил. Но если бы кто-то знал ответ на ваш вопрос, он был бы достоин Нобелевской премии.

---

* Официальное название — Европейская комиссия за демократию через право.

Зима недовольства польской демократии*

Славомир Сераковский,
польский журналист,
социолог,
директор Института
перспективных
исследований

Спустя год после того, как коалиция во главе с Дональдом Туском победила правящую партию Польши «Право и справедливость» (PiS), настроение в стране подавленное. Хотя победа продемократических партий на свободных, но явно несправедливых выборах была необходима, ее оказалось недостаточно для устранения нелиберальной популистской угрозы. Вытаскивание щупалец PiS из каждого уголка и щели государства оказалось гораздо более длительным процессом. Тем временем PiS ищет политические преимущества на скамьях оппозиции.

Если бы сегодня состоялись еще одни выборы, то, по предварительным оценкам, на избирательные участки пришло бы 47–48% имеющих право голоса избирателей, что стало бы одним из самых низких показателей явки за последние 20 лет и намного ниже рекордных 75% явки в прошлом году. Такие результаты резко контрастируют с данными прошлого года, когда молодые люди голосовали толпами, особенно молодые женщины, и это оказалось решающим фактором поражения PiS.

Почти ничего не осталось от этой предыдущей мобилизации. Половина недавно опрошенных (51%) идентифицируют себя с программой и посланием правительства сравнительно или очень мало. Хуже того, PiS сохранила свою поддержку, а поддержка крайне правого альянса «Конфедерация» удвоилась за последний год.

Многие поляки до сих пор помнят, что PiS курировала широкий спектр финансовых переводов, включая крупные выплаты на содержание детей и пенсии. Новые выборы, согласно текущим опросам, вероятно,

* Project Syndicate. 28 октября 2024 г.

заменяют правительство Туска (которое имеет около 28% поддержки) на коалицию PiS (30%) и «Конфедерации» (15%). Около 31% поляков, которые намерены голосовать на следующих выборах, сделают другой выбор, чем в прошлом году.

Еще важнее любого снимка более широкие трендовые линии, которые все больше благоприятствуют «Конфедерации» и не благоприятствуют двум партиям в коалиции Туска:

Сторонники «Левых» и «Третьего пути» больше всего разочарованы результатами своей победы год назад

«Новым левым» и «Третьему пути». Хотя «Гражданская коалиция» Туска получила сильную базу избирателей, успехи «Конфедерации» были больше. В то время как 61% из тех, кто голосовал за «Конфедерацию» в 2023 году, хотят сделать это снова (и 59% за

PiS), только половина избирателей «Гражданской коалиции» и «Левых» готовы удвоить свой выбор.

Сторонники «Левых» и «Третьего пути» больше всего разочарованы результатами своей победы год назад. Например, типичные сторонники «Левых» встревожены тем, что правительство просто ввело административные изменения для декриминализации аборт, а не легализовало их. Этот вопрос важен, потому что он стал ключевым показателем того, развивается ли Польша как современная страна или возвращается к своему темному католическому прошлому. Не помогает и то, что в соправящей партии левых доминируют мужчины, несмотря на то, что они опираются на преимущественно женскую электоральную базу.

Другие сегменты электората «Гражданской коалиции» разочарованы отсутствием прогресса в восстановлении верховенства закона и при-

Другие сегменты электората «Гражданской коалиции» разочарованы отсутствием прогресса в восстановлении верховенства закона

влечении политиков PiS к ответственности за злоупотребление властью. Большинство этих усилий было заблокировано президентом, связанным с PiS, Анджеем Дудой. Более того, сокращающаяся государственная казна затрудняет предложение каких-либо быстрых материальных благ польским избирателям, как это сделала PiS.

«Третий путь», со своей стороны, переживает кризис как вовлеченности, так и лидерства, и он состоит из двух партий, которые в конечном счете несовместимы: партии «Польша-2050» спикера Сейма Шимона Холовни и консервативной Польской народной партии вице-премьера и министра обороны Владислава Косиняка-Камыша. Каждой из них угрожает не только демобилизация их традиционных избирателей, но и партия Туска «Гражданская платформа» и «Конфедерация».

Лидер «Конфедерации» Кшиштоф Босак становится все более популярным среди многих слоев электората, заручившись поддержкой половины всех мужчин в возрасте до 40 лет. Однако партия совершила

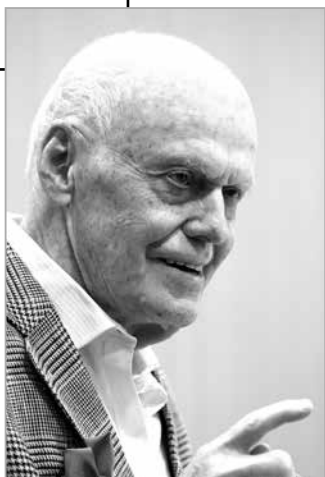
серьезную ошибку, выдвинув Славомира Ментцена в качестве своего кандидата на президентских выборах в следующем году. Как лидер партии он популярен среди рядовых членов партии, но не среди широкой общественности.

В отличие от PiS, «Конфедерация» имеет потенциал привлечь разочарованных избирателей практически из любой партии. Она предлагает более честную версию правого консерватизма, чем PiS, и не обременена бесчисленными скандалами бывшей правящей партии. Около двух третей недавно опрошенных, включая треть избирателей PiS, считают, что по крайней мере некоторые политики или чиновники PiS заслуживают того, чтобы оказаться в тюрьме. Среди первых имен в списке — бывший премьер-министр Матеуш Моравецкий (которого, по мнению 34%, следует привлечь к ответственности); давний лидер PiS Ярослав Качиньский (30%) и бывший министр юстиции Збигнев Зебро (19%).

Но Туск не закрывает глаза на угрозу, которую представляет «Конфедерация». Его новая иммиграционная политика, которая временно запрещает предоставление убежища в Польше заявителям из России и Беларуси, призвана отпугнуть крайне правых.

Более того, счастливый конец истории остается возможным. Следующие президентские выборы должны состояться до 18 мая 2025 года, и они могут устранить самое большое препятствие для прогресса правительства. Явным фаворитом при этом является мэр Варшавы Рафал Тшасковский из «Гражданской платформы», рейтинг которого составляет около 33%, тогда как у других кандидатов не превышает 8%. Его избрание станет прорывом, который нужен Туску и остальной прodemократической коалиции Польши.

Следующие президентские выборы должны состояться до 18 мая 2025 года, и они могут устранить самое большое препятствие для прогресса правительства

Валдис Биркавс,
премьер-министр Латвии
(1993–1994), министр
иностраных дел
(1994–1999),
министр юстиции
(1999–2000)

Почему демократия?*

Начну с древнего высказывания римлян: *Omnis definitio periculosa est* — любое определение, любая дефиниция *ограничена* по сути и даже опасна. Поэтому я не буду стараться определять, что такое «демократия», что такое «автократия». Свое интуитивное, литературное и, наверное, даже научное понятие об этих явлениях, процессах, системах у вас есть.

Я попытаюсь взглянуть на все возрастающее противостояние двух политических режимов совершенно с другой стороны.

Демократия — это полифония. Только в полифонии, в оркестре все голоса, все инструменты равны: и первая скрипка, и хор, и фанфары, и даже барабан. И этот оркестр звучит гармонично только тогда, когда дирижер знает каждый голос и каждый инструмент.

В гомофонии есть *один* голос. И даже если есть еще другие, то их подавляют, звучит один голос, довлеющий над всем, — это *автократия*.

Почти ровно 200 лет назад в венском театре (Kärntnertor-Theater) голодный, глухой, нищий гений представил публике триумф демократической музыки — Симфонию № 9, финальная часть которой стала официальным гимном Европейского союза. И в ней звучит — даже в оде «К радости» — барабанная дробь *тревоги*.

Но все забыли, что ода «К радости», написанная Шиллером, который, как и многие из вас, был вынужден жить в другой стране, где цензура запретила пользоваться словом «свобода», — это была ода не к радости, а ода к свободе. И Бетховен об этом знал.

Когда музыка отзвучала — можно, конечно, сказать, как Грибоедов: «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали», — на самом деле бросали и

* Выступление на семинаре Школы в Риге 30 марта 2024 г.

шляпы, и все, что было под рукой, потому что Бетховен не слышал аплодисментов. Они продолжались так долго, что императорская полиция была вынуждена вмешаться.

Это чувство, этот всплеск эмоций, который прозвучал 200 лет тому назад, мы в Латвии испытывали 4 мая 1990 года, когда проголосовали за Декларацию независимости.

А что происходит в наше время? Кого мы должны противопоставлять Бетховену? Мне интересно, кто из вас знает имя Адриана Леверкюна?

Адриан Леверкюн — гениальный композитор, герой романа «Доктор Фаустус» Томаса Манна. Прообразом ему послужил Арнольд Шёнберг, автор атональной музыки.

Адриан Леверкюн говорит своему другу Цейтблому:

«— Я понял, этого быть не должно.

— Чего, Адриан, не должно быть?

— Доброго и благородного, — отвечал он, — того, что зовется человеческим, хотя оно добро и благородно. Того, за что боролись люди, во имя чего штурмовали бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого не должно быть. Оно будет отнято. Я его отниму.

— Я не совсем тебя понимаю, дорогой. Что ты хочешь отнять?

— Девятую симфонию, — отвечал он».

Он представляет собой антипод демократической традиции, который возникает при холодном, бездушном отношении к миру и человеку. То ли в мыслях, то ли в действительности заключив договор с дьяволом, он получил 24 года свободного развития и развлечений. А как только этот срок закончился, дьявол получил и душу, и тело Леверкюна.

Что-то мне напомнили эти 24 года, и я подумал: ну этого же не может быть! Томас Манн не мог этого предусмотреть! Конечно, это случайность.

С 1990 по 2014-й прошло 24 года.

2014 год обозначил смену. Кончились времена некоей свободы, начались *другие* времена.

Но основа этих времен была заложена в 1979 году. Почему 1979-й?

С 1979-го в течение примерно 35 лет мы жили в периоде относительного благополучия и растущей экономики, растущего материального благосостояния, растущей демократии. Мы все — дети этих времен. Но то, что началось в 1979 году, воздействует на нас до сих пор.

Так что же было в 1979 году? Кто-то вспомнит — кто-то нет.

По крайней мере, я вам назову главные события, которые тогда казались совершенно неважными, не мировыми, которые надолго определят развитие мира.

Это было начало неолиберальной политики Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана, которая, хотя сейчас и подвергается сильной критике, *работала* и инерция которой чувствуется и теперь. Но в 2012–2014 гг. можно сказать, этот период закончился.

В том же 1979 году избрали папу Иоанна Павла II, и польская «Солидарность» развернулась вовсю. Многие из вас почувствовали благоприятные последствия и чувствуют их до сих пор.

В 1979 году Дэн Сяопин начал свои экономические реформы, внедряя свободные экономические зоны, и результаты этого мы тоже ощущаем по сей день и будем ощущать в дальнейшем.

Что лучше: сильная власть, которая быстро может решить проблему, или несколько хаотичная демократия?

В том же году Иранской революцией был смещен шах Мохаммед Реза Пехлеви, и страну возглавил аятолла Хомейни. Результаты этого чувствуются до сих пор — особенно в одном регионе мира, но и в других регионах тоже.

В том же году Советский Союз начал войну в Афганистане, а США посредством ЦРУ стали готовить моджахедов для борьбы в том числе с Советским Союзом. Результаты, которые слились с результатами изменений в Иране, в виде терроризма мы чувствуем до сих пор.

Но в то же время весь этот период был периодом научной, политической, просто человеческой *дискуссии*. Что лучше: сильная власть, которая быстро может решить проблему, или несколько хаотичная демократия? По существу, это была мирная дискуссия, в которой демократия явно начала расти, преобладать. Все знают работу Фукуямы «Конец истории».

Так вот, эта мирная дискуссия закончилась. И это мне очень напоминает другой роман Томаса Манна — «Волшебная гора».

Идет постоянная дискуссия между демократом итальянцем Сеттембрини и иезуитом, социалистом, тоталитаристом Нафтой — глубокая, интересная дискуссия. Каждый отстаивает свои взгляды. Никаких внешних конфликтов. И тут неожиданно спор между ними приводит к тому, что Нафта вызывает Сеттембрини на дуэль. Сеттембрини, как демократ, который пишет книгу о всемирных нарушениях гуманизма — он хочет собрать все страдания в одну книгу, — естественно, стреляет в воздух. Нафта кричит ему: «— Вы будете стрелять еще раз!» — «И не подумаю. Теперь ваша очередь», — отвечает Сеттембрини и не стреляет.

Для меня было полной неожиданностью, что Нафта вдруг стреляет в себя сам. Интерпретировать это можно по-разному. Скорее всего, это символ братоубийственной войны, началом которой завершается книга.

Но авторитаристы и тоталитаристы сегодняшнего мира не собираются стрелять в себя. Я думаю, что они, скорее, мечтают стрелять — и уже стреляют — в других.

В 2014 году прозвучали первые выстрелы именно *этой дуэли*, которая далеко не закончена.

Давайте теперь от моих литературных изысканий обратимся к планете. Посмотрим на политическую планету и на то, как складывается судьба демократии и автократии после 2012 года.

Я беру 2012–2022 годы по одной причине: как раз в это время были проведены крупнейшие исследования. Дальше я приведу некоторые наиболее существенные цифры.

Представим себе глобус и разделим его на два полушария. В одном полушарии разместим все автократические страны. В другом — все демократические. И в каждом полушарии создадим по два «континента».

В «автократическом» полушарии будет континент «закрытых» автократий, диктатур, где нет никакой демократии. И на втором континенте — «электоральные» автократии, в которых есть выборы, но за ними так строго следят, они так контролируются и ими так управляют, что всегда выигрывает лидер и его партия.

А в «демократическом» полушарии создадим «континент» либеральной демократии, где слушают Бетховена и не только. Это высокоразвитые демократии, в которых действуют все институты демократии: с ошибками, проблемами, но работают, действуют. И второй континент — «электоральные» демократии. В такой демократии есть выборы, и они проводятся более или менее нормально, но во всем остальном эта демократия слаба.

А теперь я буду называть цифры.

Континент «закрытых» автократий: сколько людей живет на этом континенте в процентном отношении ко всему населению мира? Для меня это был не то чтобы шок, но первая неприятная цифра: 28%, то есть 2,2 млрд человек живут в диктатурах.

Теперь прикиньте, сколько в другом полушарии живет людей в либеральных, настоящих демократиях. Это была вторая цифра, которая испортила мне настроение: 13%, ровно 1 млрд.

А теперь назову еще одну цифру, которая мне кажется просто безбоязненной: за 10 лет количество живущих в «автократическом» полушарии повысилось с 46 до 72%. То есть в «демократическом полушарии» нас осталось 28% — столько, сколько в автократических «закрытых» диктатурах.

Ну хорошо... Что же там происходило? Конечно, большие страны многое решают. И к тому же за последние несколько лет 9 стран перешли из «электоральных» автократий в «закрытые».

А сколько же таких стран, которые хотят стать настоящими демократиями? Таких стран всего 14. Так мало их было более 50 лет назад, в 1973 году. В этих странах, стремящихся к демократии, живет 2% мирового населения. Это главным образом африканские страны. Есть, правда, и европейские, и азиатские.

В общем, по числу жителей мы выглядим не очень хорошо.

Но ведь сила не только в жителях. Давайте посмотрим, что на этих «континентах» происходит с экономикой.

Сколько стран, которые хотят стать настоящими демократиями? Всего 14. Это главным образом африканские страны

Следующая неприятная цифра: автократические страны к 2022 году уже производят почти половину мирового валового продукта — 46%. А главное, что они стали гораздо менее зависимы от торговли с демократическими странами, по операциям импорта-экспорта они более независимы. И это сказывается на мировом торговом балансе: в 1998 году на демократические страны приходилось 74% мирового торгового баланса, к 2022 году эта величина сократилась до 47%.

Зависимость демократических стран от автократических удвоилась.

Этим исследованием руководил Стаффан И. Линдберг, основатель и директор Института демократии в Гетеборге (Швеция). Ему помогли 4000 экспертов, исследование проводилось в 180 странах. То есть

Для демократии нужны миллионы и миллионы людей, которые каждый день трудятся на нее

это добротное исследование, которое осуществлялось уже в седьмой раз, каждый раз совершенствуясь.

При этом Стаффан И. Линдберг остается оптимистом, он по-прежнему говорит: *баланс есть*. Потому что из 180 стран 90 находятся

в «демократическом» полушарии и 89 — в «автократическом». Правда, мне не удалось найти, куда делась еще одна страна.

Понимаете, ведь даже эту границу, где «электоральная» автократия переходит в «электоральную» демократию, определить очень трудно. А как «электоральные» демократии поднимаются по ступенькам вверх — определить еще труднее. Это как дизели и бемоли в музыке: на полтона выше и на полтона ниже — на слух это не определишь, нужно быть очень хорошим специалистом.

Так вот, в некоторых случаях преодолеть высокий «забор» между «электоральными» демократиями и либеральной демократией высшего типа очень трудно.

Консолидированная демократия — это демократия высшего типа. У профессора Йельского университета Роберта Алана Даля семь критериев идеальной демократии, *полиархии*, которой нигде не существует. Я эти семь критериев называю «семеро гномов». Они каждый день копают и копают золото и драгоценности демократии — а их отравляют, их убивают, их сажают в тюрьму. С ними легко покончить. А вот добиться, чтобы все они работали, — это и Белоснежке не под силу, потому что, кроме Белоснежки, влияние оказывают и *соседи*.

Я думаю, что эта картина пока ухудшается. И мой ответ на вопрос: «Почему демократия?», который я каждый раз, в том числе и сегодня, задаю в своих выступлениях, — один и тот же: для демократии нужны миллионы и миллионы людей, которые каждый день трудятся на нее.

И вот мы возвращаемся к Шиллеру, к его оде «к свободе», а не «к радости». И в ней звучат слова: «Обнимитесь, миллионы!»

---

* В. А. Тишков. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

Дискуссия: вопросы и ответы

Савелий, Украина: У меня два вопроса. Почему в обществе происходит так, что автократии продолжают расти? Каким вы видите будущее, опираясь на свой опыт и свои знания?

В. Биркавс: Я думаю, что автократии развиваются очень быстро в силу того, что они, как правило, начинаются с харизматических лидеров, которые обещают реформы — прежде всего экономического порядка. А экономические реформы при автократическом режиме ни с кем не надо согласовывать.

В качестве примера я могу привести прежде всего чилийский опыт. Даже при кровавом диктаторе — благодаря, правда, помощи американских ученых — были проведены экономические реформы, которые работают до сих пор, и Чили стала самой удачной демократической страной Латинской Америки.

То есть в автократиях таким образом в первые годы проходит активное внедрение экономических реформ, которые иногда получаются, а чаще нет.

Я встречался с тремя диктаторами. Один в то время был демократом — это большая наша соседняя страна. Кроме того, я встречался в

Адель Абдессемед (Adel Abdessemed). Голубиная почта. 2021

Уганде с Мусевени и в Камеруне — с ныне действующим президентом, который у власти уже 40 лет.

Автократии имеют свои преимущества. Автократия как атональная музыка Шёнберга: прекрасная музыка, но это все равно автократия, люди ею недовольны, хотя она дает свои результаты. И автократии друг друга поддерживают, иногда эффективно.

За последние 20 лет автократия получила три «инъекции допинга»: после финансового кризиса нулевых была пандемия и начало войны

Что касается будущего... Главный вопрос для будущего: удастся ли сохранить баланс хотя бы между автократиями и демократиями? Потому что, если вы раскрасите на карте то, что я «сдвигал» в один континент, вы увидите, что окружение государства играет исключительно *важную роль*. Большое государство, несомненно, влияет на соседние страны.

Качество демократии снижается. Именно за последние 20 лет автократия получила три «инъекции допинга»: после финансового кризиса нулевых была пандемия и начало войны — эти факторы очень сильно повлияли, и в результате в демократических странах снизилось качество демократии.

Если мы не будем всюду каждый день бороться за демократию, автократия нас задушит. Она, как ковид, распространяется со страны на страну и экономически становится сильнее, потому что изменилась экономика. Ведь одно из исследований установило, что всюду растет роль государства и снижается роль либеральной демократии и демократических институтов — всюду, даже в Соединенных Штатах!

Будущее в ваших руках. Это единственный ответ — правда, неточный.

Участница семинара: Вы описывали известную экономическую проблему, в основе которой лежит «дилемма заключенного», — когда два рациональных игрока не сотрудничают друг с другом, даже если это в общих интересах. Вы приводили пример восьмидесятых годов: тогда в интересах одной и другой стороны было выгодно сотрудничать, и они сотрудничали. Какие-то рынки открывались для новых технологий — например, Китаю для реформ нужны были новые технологии. А сейчас мы видим, что авторитарные страны не будут сотрудничать. Вы привели цифры по ВВП и сказали, что они способны сами себя обеспечивать.

Меня интересует другая сторона «дилеммы заключенного», касающаяся демократических стран. В самом начале вы сказали про оркестр. И знаете, с приходом правых и левых популистов к власти есть ощущение, что каналы обратной связи очень сильно нарушены. Поэтому мы как члены активного сообщества можем способствовать тому, чтобы в авторитарных странах была как-то решена «дилемма заключенного», но будут ли демократические страны иметь возможность принять в этом участие, в этой игре?

В. Биркавс: Я попытаюсь коротко ответить. Видите ли, на то, что происходит внутри страны, очень сильно влияют глобальные процессы. В тот период, когда *было* сотрудничество, развивались также и миграционные процессы, информационные технологии, которые меняют мир. Практически оказалось, что совокупность этих процессов автократия использует как для собственного развития, так и для отрицательного влияния на демократию. На самом деле это неспособность демократических стран реагировать на внешние процессы единым фронтом.

Мир начнет изменяться только после еще большего кризиса, чем пандемия

Я согласен, что мы находимся в периоде очень темном, в том смысле, что не видно, каким образом каждый процесс может быть завершен или как он будет влиять на будущее. Почему нет ни одного лидера, который готов принять решительные меры в этой ситуации? Потому что нет, очевидно, достаточно сильного раздражителя.

Им не стала и пандемия, хотя она и повлияла очень отрицательно на ряд процессов. Но таким раздражителем не явилась, к сожалению, и война России против Украины.

Мир начнет изменяться всюду, видимо, только после еще большего кризиса, чем пандемия.

Алексей: Большое количество либерально-демократических исследований конца девяностых — начала двухтысячных годов сейчас подвергаются серьезной критике. Вы уже упоминали Фрэнсиса Фукуяму. Я могу вспомнить еще исследование Эрики Ченовет, которая говорила о ненасильственном протесте и его эффективности в том случае, если в нем принимает участие больше половины процента от населения. Тем не менее мы видим сейчас обратные результаты: сошлюсь на протесты в Беларуси, протесты в Грузии, протесты в Иране.

В то же время менее эффективно работает санкционный режим. На примере войны России против Украины это прекрасно видно: санкции — и это признают многие западные политики — оказались не такими действенными, какими планировались. Не были эффективными и санкции, введенные против режима аятолл в Иране. Обходятся санкции, введенные ООН в отношении Северной Кореи. Сейчас Россия торгует нефтью в нарушение всех возможных договоренностей.

В то же время в демократиях как будто бы происходит обратный процесс: они становятся менее гибкими и более уязвимыми. В демократиях появляются популисты, которых очень часто спонсируют из авторитарных государств, и здесь, в Европе, много таких примеров.

В общем, сейчас как будто бы больше инструментов повлиять на демократию, чем на автократию.

Отсюда мой вопрос: может ли демократия предложить какие-то свои инструменты, чтобы повлиять на автократические режимы, и нужно ли ей их предлагать?

Оливер Бир (Oliver Beer). Оркестр сосудов. 2017

В. Биркавс: Видите ли, поиск того, как объединить силу демократических и автократических режимов, избежав и нейтрализовав слабость демократии и автократии, вроде бы проявляется в гибридных режимах.

Я даже пытался — но оказалось, что профессор Шмиттер в США уже придумал это до меня, — соединить эти слова, создав два типа режимов: *диктократия* и *демократура*, где есть элементы обеих сторон.

Когда я говорил об оркестре и дирижере, то вспомнил некоторых дирижеров: они своей дирижерской палочкой бьют оркестрантов, которые фальшивят. Вот этой *дирижерской палочки*, которой бьют по пальцам тех оркестрантов, кто играет неправильно, мне кажется, демократии не хватает.

Участник семинара: Как строить демократию, когда автократия является частью культуры?

В. Биркавс: Хороший вопрос. Ответ короткий: постепенно.

Парламентские выборы в Грузии 26 октября завершились победой находящейся у власти уже 12 лет партии «Грузинская мечта».

«Грузинская мечта» уклоняется от поддержки Украины, заимствует авторитарные методы контроля гражданского общества и все чаще использует антизападную риторику, поэтому ключевое противостояние грузинской политики часто интерпретируют в парадигме конфликта «пророссийских» и «проевропейских» сил. Насколько это оправданно и нет ли здесь подводных камней?

«Грузия – это не диктатура и не союзница путинской России»

Во множестве публикаций либеральных русскоязычных изданий «Грузинская мечта» так часто упоминается с эпитетами «прокремлевская» и «пророссийская», что это становится аксиомой и уже воспринимается как данность. У подобной ситуации два источника. Во-первых, привычка журналистов и экспертов к самой этой бинарной оппозиции, в результате чего пророссийскими оказываются и Виктор Орбан в Венгрии, и Роберт Фицо в Словакии, и — чуть раньше — Милош Земан и Андрей Бабиш в Чехии. Во-вторых, зависимость от зачастую предвзятых местных источников: представление о пророссийскости «Мечты» транслируют местные активисты и политические комментаторы, которые сами очень сильно вовлечены в борьбу с ней. Но первое, в чем здесь стоило бы разобраться, — это как именно проявляется пресловутая «прокремлевскость», а для этого придется немного отмотать назад.

«Грузинская мечта» пришла к власти на фоне усталости от политического климата эпохи Михаила Саакашвили — времени бурных реформ, сильной политической турбулентности и лихорадочных конфликтов. Реформы этой команды были удачно преподнесены внешней аудитории (вспомним, например, знаменитую книгу Л. Бураковой «Почему у Грузии получилось»), но они, хотя во многом и правда были плодотворны, значительной частью населения воспринимались болезненно. Тем более что, как это часто бывает, позитивные результаты реформ вошли в повседневную жизнь и стали ощущаться как нечто привычное, тогда как их издержки полностью легли

Иван Беляев,
журналист

на личную политическую репутацию экс-президента. Судя по почти полному безразличию общества к его теперешней судьбе, сейчас эта репутация уже просто уничтожена.

Если говорить о внешней политике и безопасности, то главным итогом правления Саакашвили стала сохранившаяся по сей день расстановка сил на границе с Россией: несмотря на некоторые надежды первых лет его президентства, Южная Осетия и Абхазия не вернулись под

«Грузинская мечта» пришла к власти на фоне усталости от политического климата эпохи Михаила Саакашвили

контроль Тбилиси, а Москва подтвердила, что будет удерживать их в своей орбите, в том числе и военным путем. Россия заявила о «признании суверенитета» обеих территорий, и этот шаг не нашел поддержки ни на постсовет-

ском пространстве, ни во всем остальном мире (за вычетом нескольких специфических исключений), но устранил все формы возможной реинтеграции и все переговорные процессы Сухуми и Цхинвали с Тбилиси. Сомнительность правового характера и международной легитимности сложившейся конструкции очевидна, однако тестировать ее устойчивость на практике оказалось рискованным.

В результате политика «Грузинской мечты» на российском направлении действительно отличалась двойственностью. Грузинское правительство не восстановило разорванные при Саакашвили дипломатические связи с Россией и полностью сохранило в публичной сфере дискурс «страны-оккупанта». За эти 12 лет не случилось никаких шагов, направленных на символическое сближение, но одновременно с этим возобновлялись и росли экономические связи двух стран, которые, просто из-за соотношения сил, для Грузии оказывались важнее, чем для России. На сегодняшний день Российская Федерация — один из ключевых партнеров Грузии и в импорте, и в экспорте, тем более что официальная статистика недоучитывает теневой товарооборот. Россияне с большим отрывом находятся на первом месте как туристы, но и сами грузины после Турции больше всего ездят именно в Россию (ей уступают все страны Европейского союза, вместе взятые, и это несмотря на безвизовый режим с Шенгенской зоной и активную работу нескольких лоукостеров). Самое большое количество граждан Грузии, постоянно живущих за границей, находится именно в России; по официальным данным, это почти половина всей грузинской диаспоры.

Последние приведенные факты говорят уже не столько о целенаправленной политике «Грузинской мечты», сколько о силе сохранившихся связей двух стран. Каха Бендукидзе еще в 2006 году советовал грузинским виноделам представить, что на месте России море. Спустя 18 лет можно сказать, что заметная часть грузинского общества этому призыву не вняла и в целом спокойно настроена на какой-то нейтральный способ сосуществования с Россией. Этот способ и предлагает ей «Грузинская мечта».

Неизбежно возникает вопрос: как это мягкое, избегающее конфликтов сосуществование уживается с ответственностью России за отторжение сепаратистских территорий? Дело в том, что проблема территориальной целостности во многом ушла на второй план и политическая реальность не равна официальным декларациям. Абхазия и Южная Осетия фактически никогда не были подконтрольны грузинскому правительству после развала СССР. Грузинам, пережившим изгнание из Абхазии в детстве, уже за сорок. Совместную мирную жизнь застали люди самое меньшее предпенсионного возраста. Для молодежи это в значительной степени мифологизированное пространство, реального опыта за ним нет.

Конечно, часть общества, особенно изгнанников и их детей, воспринимает эту тему глубоко и эмоционально. Если внимательно взглянуть на биографии добровольцев Грузинского национального легиона, который сражается сейчас на стороне Вооруженных сил Украины, то там абхазский след очень заметен. Возможно, что и эта война в каком-то смысле становится для них символическим продолжением той. Но у множества грузин военная травма проявляется иначе — через вытеснение, эта часть прошлого сохраняется лишь в виде нескольких символов и риторических формул. Скорее наоборот, актуализация этой темы воспринимается как угроза.

На эксплуатации этого страха и сыграла «Грузинская мечта». Еще весной 2022 года появилось много разговоров о том, как российская агрессия может оживить постсоветские конфликты. Рождались прямо противоположные сценарии: например, что Россия, захватив Одессу, сможет пробить себе прямой сухопутный коридор в Приднестровье и, наоборот, что Молдова может при помощи Украины ликвидировать автономное положение Тирасполя. В это же время возникла и тема «второго фронта» со стороны Грузии. Во многом она была инспирирована российской пропагандой, но оказалась подхвачена и проукраинскими спикерами; время от времени возможность возврата неподконтрольных территорий упоминается и сейчас.

Важно отдавать себе отчет, что эта возможность бесконечно далека от реальности и грузинское правительство не планировало ничего подобного; более того, я совершенно уверен, такие планы не возникли бы и у возможного правительства нынешней оппозиции. Но само существование подобных разговоров позволило лидерам «Грузинской мечты» создать образ мифической «партии глобальной войны», якобы угрожающей миру в стране, а затем наклеить ярлык этой партии на оппозицию. «Они толкают нас к войне, а мы защищаем мир», и все это

За эти 12 лет не случилось никаких шагов, направленных на символическое сближение Грузии с Россией, но одновременно возобновлялись и росли экономические связи двух стран

с баннерами, на которых мирные грузинские города противопоставлялись разбомбленным украинским. Ход циничный, но, как оказалось, эффективный.

Другой гипотетический полюс — это «прозападность» и «проевропейскость». Если «Грузинская мечта» не делала никаких русофильских заявлений и не восхваляла Путина, а ее «пророссийскость» — это в значительной степени ярлык, наклеенный оппозицией, то уже для самой оппозиции и стремление на Запад, и судьба вступления в Европейский союз были важнейшей частью предвыборной риторики. Сразу несколько оппозиционных партий сделали ставку на акцентирование своей «проевропейскости» в противовес «пророссийской» «Мечте». Казалось

Казалось бы, в стране все опросы говорят о единодушной поддержке европейского выбора, но этого не случилось. Что же тогда упускают социологи и политические аналитики?

бы, в стране, где все опросы говорят о единодушной поддержке европейского выбора, ставка должна была сыграть, но этого не случилось. Что же тогда упускают социологи и политические аналитики?

Это упущение заключается в том неизбежном зазоре, который возникает между любой публичной декла-

рацией и интересами самого человека или, может быть, социальной группы, к которой он принадлежит. Европейский вектор, чувство сопринадлежности Грузии Европе — все это важные вещи, которые на протяжении многих лет определяли публичный дискурс и влияли на самосознание. И да, абсолютное большинство респондентов поддерживают вступление Грузии в Евросоюз. Но вот принципиальный момент: если людям задают уточняющий вопрос о том, помешает ли это отношениям с Россией, уровень поддержки сразу падает. Еще не критично, большинство по-прежнему остается «за», но ведь аналогичным образом можно задать и другие вопросы: о влиянии евроинтеграции на цены, безработицу, отток населения (особенно молодежи). Все важнее становится вопрос традиционного уклада жизни — секуляризация, конечно, затронула и Грузию, но по европейским меркам это очень религиозная страна. Тема семейных ценностей — еще один предмет успешной манипуляции со стороны «Грузинской мечты», выставляющей себя их защитницей.

В результате разделяемое на словах стремление в Европу оказывается отнюдь не столь безоговорочным. Весь последний год правящая партия активно задействовала антизападную риторику, но, даже по максимально критичным оценкам, за нее все равно голосовали до 40% избирателей, а еще треть осталась дома, тем самым молчаливо соглашаясь на статус-кво — при этом протесты постепенно сходят на нет. Если учесть все это, прозападность грузинского общества выглядит и вовсе преувеличенной.

Но на проблему нужно взглянуть чуть глубже. Все «про» и «анти» не существуют сами по себе, это интенции, которые одновременно заложены в любом обществе и лишь усиливаются или ослабевают в зависимости от контекста. Были моменты, когда евроинтеграцию тормозили процветающие страны, максимально выигрывающие внутри Евросоюза, такие как Дания или Нидерланды. Отдельный и сложный путь сближений и размолвок с европейскими институтами прошла Великобритания. Сейчас внутренней

Сейчас то, что принимают за «пророссийскость», — это не только попытка избежать нового витка российской агрессии, но и более широкий курс на изоляционизм

оппозицией в ЕС считаются Венгрия, Словакия, в правление «Права и справедливости» — Польша, иногда Чехия, а ведь в момент крушения социалистического лагеря все эти страны стремились в Европу.

Были эпизоды, когда европейские устремления совпадали и резонировали с борьбой за национальный суверенитет и с идеей экономического благополучия. Сейчас то, что ошибочно принимают за «пророссийскость», — это не только попытка избежать нового витка российской агрессии, но и более широкий курс на изоляционизм, продиктованный и осознанием экономических рисков, и страхом за идентичность, курс, хорошо известный на примере многих европейских стран. Конечно, может показаться курьезным, что евроскептицизм возобладали в Грузии задолго до возможного вступления в ЕС, но это так.

Разумеется, европейский импульс снова может усилиться. Это произойдет, когда большинство избирателей на деле поверят, что выиграют от вступления в ЕС, что это не принесет в их жизнь резких негативных перемен, что Евросоюз сможет использовать во благо и Грузии, и себе ее географическое положение и постсоветские экономические связи. В конечном счете дело даже не в формальном вступлении, а в общем векторе развития — в сторону от авторитарных популистских и псевдоконсервативной демагогии. И если сама Европа заинтересована в усилении этого импульса, то до того времени, когда маятник снова качнется, ей необходимо «сохранить» Грузию.

А для этого нужен баланс между содержательной критикой политики Тбилиси с универсалистских ценностных позиций, с одной стороны, и осторожной дипломатией — с другой. Ни Европа, ни США не в состоянии в одночасье превратить Грузию в процветающую демократию, но усилить изоляционистский тренд и подтолкнуть страну на новый виток авторитаризма они вполне могут. Чтобы этого избежать, не имеет смысла говорить с Тбилиси на языке ультиматумов, спешить с санкциями и безоговорочно играть на стороне оппозиции. Со всеми возможными претензиями к нынешнему политическому режиму Грузия — это не диктатура и не союзница путинской России. Символическая сдача Грузии Путину была бы слишком вольной и совершенно непрагматичной интерпретацией прошедших выборов.

*Игорь Минтусов,
вице-президент
Российской ассоциации
политических
консультантов*

*Почему нынешняя политическая система в России будет существовать долго**

Нынешняя политическая система, под которой понимаются формальные и неформальные механизмы осуществления власти, политические и ценностные установки политических элит и глубинного народа, будет существовать в России неопределенно долгое время, измеряемое десятилетиями (не путать политическую систему с политическим режимом, то есть способом правления правящей группы и конкретного лидера в авторитарном государстве, обычно заканчивающимся в связи с отставкой или смертью конкретного лидера).

Какова основная причина долговечности политической системы в России, которая создана В. Путиным и которая будет существовать многие годы после его отставки или смерти?

Неработающий механизм смены власти в стране (институт выборов). Речь идет о президентских выборах, так как в России президент определяет внешнюю и внутреннюю политику государства. Опыт последних двадцати лет показал, что без доброй воли президента выиграть выборы у него технически невозможно. Поэтому переизбираться неограниченное количество раз будет либо действующий президент (как в 2004, 2012, 2016, 2022 гг.), либо его преемник (как в 2008 г.).

Почему институт выборов в стране не обеспечивает проведение выборов на реальной конкурентной основе?

Первое препятствие — сбор подписей. Де-юре все формальные предпосылки предусмотрены: парламентские партии выдвигают своих кандидатов без сбора подписей, любой гражданин России теоретически без всякой партии может также выдвинуться на президентских выборах, если соберет 300 тыс. (!!!) подписей (см. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19 ФЗ в ред. от 08.08.2024).

* <https://tlgrm.ru/channels/@kremlebezBashennik> Кремлевский безБашенник [30/10/2024]

Более того, п. 7 ст. 36 указанного закона гласит: «Участие органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов управления организаций всех форм собственности, учреждений, членов избирательных комиссий с правом решающего голоса в сборе подписей избирателей не допускается. Запрещается в процессе сбора подписей принуждать избирателей ставить свои подписи и вознаграждать их за это в любой форме...»

Доказать «участие» указанных государственных структур и органов управления в сборе подписей «согласованных» с исполнительной властью кандидатов практически невозможно по причине зависимости судебной системы (точнее, механизма назначения судей всех уровней) от исполнительной власти. Ни одна судебная инстанция не будет возбуждать соответствующее дело. И все это будет в соответствии с действующим законодательством. Может ли быть найден противовес этому? Да. Институт парламентского расследования в Государственной думе РФ. Поэтому судебная практика по нарушениям п. 7 ст. 36 отсутствует.

Вывод: ни один кандидат на президентских выборах не сможет собрать необходимое число подписей без поддержки ресурса исполнительной власти, которой, в свою очередь, должна дать распоряжение политическая власть.

Второе системное препятствие для регистрации независимых от исполнительной власти кандидатов, которое оформлено законодательно (ст. 38 того же закона), — процедура проверки собранных подписей так называемыми почерковедами. Эти специалисты не согласовываются со всеми заинтересованными кандидатами или партиями, которые принимают участие в данных выборах, что было бы логично. Выводы специалистов-почерковедов, рекомендованных МВД для избирательных комиссий, являются главным руководством для принятия итоговых решений. Оспаривание заинтересованной стороной заключения о недействительности подписи в поддержку кандидата бессмысленно, так как избирательные комиссии, отказав кандидату в регистрации, предлагают ему обратиться в суд. Многие кандидаты так и поступали. Но даже когда суды выносили вердикт в пользу незарегистрированных кандидатов, это делалось через несколько месяцев после подведения итогов голосования. А в таком случае юридические последствия решения о восстановлении неправильно отбракованных подписей оказывались ничтожными: выборы состоялись, победитель определен, получил удостоверение депутата,

Какова основная причина долговечности политической системы в России? Неработающий механизм смены власти в стране

Первое препятствие – сбор подписей

Второе системное препятствие – процедура проверки собранных подписей так называемыми почерковедами

Адель Абдессемед (Adel Abdessemed). Гражданин. 2015

начал работать — и тут приходит решение суда, что его потенциального соперника не зарегистрировали незаконно по причине необоснованно забракованных подписей. Фактически процедура бракования подписей носит для несистемных кандидатов запретительный характер.

Вывод: ни один независимый кандидат на президентских (или губернаторских) выборах не сможет быть зарегистрирован при наличии необходимого количества собранных подписей без соответствующей команды специалистам-почерковедам, которую дает политическая власть через структуры исполнительной власти (в данном случае — через органы МВД).

Два указанных препятствия, по существу, исключают участие независимых кандидатов в выборах. Поэтому смены политического режима в России и тем более политической системы через институт выборов, действующий в соответствии с нынешним законодательством, не предвидится.

Я так и знал*

О том, что Трамп победит, я подумал в этом году трижды — и с каждым разом эта мысль только укреплялась. В первый раз — в мае, когда я поехал на легендарную гравийную велогонку Unbound Gravel (200 миль) в самой глубинке Америки, в Эмпории (Канзас), в тех самых flyover states, которые мы перелетаем по пути из Нью-Йорка в Калифорнию, не особо о них задумываясь. Я провел более недели в Техасе, Оклахоме и Канзасе, проехал за рулем две тысячи миль, общался с местными и непрерывно слушал радио, местные станции. Я услышал другую Америку, где Трамп — герой-одиночка, бросивший вызов системе, где ненависть ко всем институциям Восточного побережья, включая вашингтонскую бюрократию, либеральный истеблишмент, к газете The New York Times и к самому Нью-Йорку искренна и глубока. Где при входе на заправку оружие надо оставлять в пикапе, где на квадратную милю пространства приходится сотня американских флагов, даже на пустынных ранчо in the middle of nowhere. Где на всех станциях то и дело звучат проповеди, а в песнях кантри и рок-композициях из местных чартов слово Jesus — в каждом втором куплете. Там я понял, что Трамп маркирован как свой глубинной Америкой и все эти уголовные дела, скандалы и разоблачения только укрепляют людей в их антисистемной конспирологии и вере, что Трамп послан свыше, чтобы спасти Америку от либералов.

Во второй раз я понял, что Трамп победит, после покушения — это был слишком голливудский и сказочный сюжет. Неважно, подстроено ли все это было (не верю) или произошло в реальности, — важно то, что он показал себя как боец, а мессиански настроенный электорат увидел в этом божью волю. И вот теперь этот феноменальный камбэк от 6 января 2021-го до 6 ноября 2024-го: снова и снова Америка опознает

*Сергей Медведев,
русский журналист,
теле- и радиоведущий,
политолог, писатель*

* <https://t.me/SergeiMedvedevPublic>, 6 ноября 2024 г.

себя в этих голливудских сюжетах; по сути, это Голливуд и Вегас воображают и пишут Америку, а не наоборот (об этом хорошо говорил в «Америке» Бодрийяр).

И окончательно я поверил в победу Трампа, когда они номинировали Камалу. Во второй раз демократы наступили на те же грабли, предложив американцам безликую женщину-политика, плоть от плоти вашингтонской бюрократии. Европа к таким типажам готова, а Америка — нет.

В этой запущенной ситуации я вижу Трампа как окно неопределенности. Это сильно повышает риски, но вместе с рисками повышает и шансы на выход из тупика

Как ни парадоксально, при всем либеральном сиянии обоих побережий это все еще библейская пуританская страна, и миграция эту патриархальность только углубляет. Демократы вообразили свою Америку, словно на университетских семинарах, — меньшинства, женщины, ЛГБТ, право на аборт. Но на дворе не 1960-е и не 1990-е со всеми их правами черных, геев, маршам на Вашингтон и цифровыми утопиями

ми; на дворе мутные 2020-е, которые, как и сто лет назад, порождают неуверенность, страх и фашизм, — эпоха аятолл, террористов, царя Владимира, султана Реджепа и императора Си. Все эти традиционные анклав демократов, от испаноязычных до мусульман, дружно пошли под патриархальные знамена Трампа, который вносит порядок в расстроенный мир и ставит женщин на место. А сами женщины пока еще не способны стать решающей электоральной силой — это все красиво выглядело на графиках у социологов и либеральных политологов, но не в реальной жизни.

В итоге Трамп заслуженно победил, и надо признать, что эта клоунская маска — лицо демократии. Демократическая процедура вообще не залог счастливого будущего, как мир узнал в 1933-м. Трамп является таким же продуктом развития американской цивилизации, как Путин — русской. Да, гротескным, опасным, ностальгическим, ретроградным и, скорее всего, тупиковым, но объективным: один в Белом доме, другой в Кремле, и миру надо исходить из этой реальности на годы вперед.

Поскольку я внутренне был совершенно готов к этой победе, то я не расстроен и не разочарован. Откровенно говоря, инкубент оказался настолько безликим и его партия настолько бездарной, что жалеть тут особо не о чем, — думаю, что Камала была бы еще более невыразительна. Ситуации на Дальнем Востоке, на постсоветском пространстве, в странах Ближнего Востока и Персидского залива до такой степени запущенны и вышли из-под контроля (плоды долгого заката американской мощи), что, мне кажется, хуже уже некуда, разве что случится мировая ядерная война (а ее, полагаю, не будет). И Камала тут не вытянула бы, и Трампу тут особо доламывать нечего. Скоро будет три года, как Россия денно и ночью убивает десятки тысяч украинцев, строит планы на

Арнаут Мик (Aernout Mik). Барьеры. Фото. 2022

Европу и грозитя уничтожить мир, а Америка не собирается это прекращать и не видит в этом для себя экзистенциальной угрозы — жалеть ли нам об уходящей администрации? Ход войны в Украине все равно определяется не решениями стратегов в Вашингтоне, а готовностью сотен тысяч россиян умирать за сходный прайс.

В этой запущенной ситуации (и глобально, и на самом Западе, который, похоже, прежде всего деколонизовал и закэнселил себя сам) я вижу Трампа как окно неопределенности. Это не хорошо и не плохо, это сильно повышает риски на всех направлениях, но вместе с рисками оно повышает и шансы на выход из тупика. Я далек от того, чтобы приветствовать Трампа, я не могу не испытывать легкого отвращения вперемешку с изумлением, но я еще более рад, что ломается нынешняя парадигма, которая не принесла и не принесет избавления для Украины и безопасности для мира. И я не могу не видеть в возвращении Трампа логики истории — американской и мировой. Кто-то видит в пуле, оцарапавшей ухо героя, волю Бога, а я, гегельянец со школьной скамьи, слышу, как копают свои кротовые ходы мировой дух и выходит на поверхность в виде этой комичной фигуры в галстук до яиц.

Сергей Петров,
основатель компании
«Рольф»

Об импортозамещении*

Когда я решил рассказать вам об импортозамещении, о прогрессе в этой области на примере двух отраслей (автомобильной, которую хорошо знаю, и авиационной, которую знаю похуже, но с которой знаком), я понял, что начинать рассказ нужно с ответа на вопрос: почему у нас не получается с бизнесом?

Почему не получается сейчас, когда нередко слышишь: «Ну раз запретили импорт хороших автомобилей, давайте будем — ведь это позитивно! — внедрять производственные программы, чтобы заместить привозное. Это же полезно, хорошо!» Поэтому начнем с этого «хорошо».

Я, как и все мы в свое время, и в школе, и в институте слышал о Карле Марксе и классовой борьбе, о том, что, в общем-то, бизнесом занимаются бандиты, которые готовы на любое преступление, если прибыль будет достаточной. Я с этим вырос, а в 1991 году открыл свой бизнес.

И сегодня есть люди, которые считают, что быть жуликоватым — это естественно: ведь, перепродав за углом селедку на два рубля дороже, заработаешь деньги быстрее. Да, деньги у вас будут, но у вас *не будет бизнеса*.

Итак, тыходишь в бизнес и понимаешь: вокруг девяностые годы, бандитизм, правительство куда-то исчезло, а если появляется, то лишь для того, чтобы что-нибудь взять с предпринимателей. Слово «предприниматель» ругательное (и до сих пор еще оно в России звучит неодобрительно). И вот шаг за шагом вдруг узнаешь вещи, которые противоречат расхожим идеям.

Например, компания «Вольво» в 1959 году первой изобрела ремень безопасности — и тут же открыла патент: пожалуйста, пользуйтесь! Мы это не продаем, потому что это касается безопасности всех людей; мы поступаем по-человечески!

Это меня резануло: как же так? Где же эти 300% прибыли?

* Выступление на семинаре Школы в Вене 7 октября 2024 г.

Потом я видел компании, которые, что называется, занимаются «перепродажей за углом», зарабатывая на этом и вкладывая деньги в то, в чем ничего не понимают. Это компании без миссии, без идеи. Они, как правило, потом теряют все.

То есть любая крупная компания имеет какие-то свои ценности, свою миссию — и под них подбирает людей. Например, знаменитая фармкомпания «Мерк» написала о своей миссии так: «Фармакология не для прибыли, фармакология для пациентов». Казалось бы, простое заявление, но на самом деле за ним стоит огромная разница в подходе. Вы начинаете бизнес не для того, чтобы заработать, а для того, чтобы сделать хорошие лекарства и гордиться этим. Вы подбираете соответствующих людей — постепенно и на очень тонком фантинтинге.

Казалось бы, сформулировал миссию и действуй. Нет, этого недостаточно! Работают только те компании, которые реально осуществляют свою политику, подбирают людей, ставят свои КРІ*, что особенно важно.

Я занимался этим. В нашей автоторговой компании в России не всегда было понятно, какие КРІ поставить. Вначале клиенту, посещавшему сервис, механик выписывал счет, скажем, на 100–200 долларов и получал с этого счета процент в виде зарплаты. Естественно, он стремился при этом включить в счет как можно больше новых деталей, особенно если клиентом была девушка. Какая девушка будет разбираться: «шрус», еще какие-то слова... Она пугается, берет счет — и, конечно, не очень удовлетворена, потому что не понимает, за что она платит.

Чтобы это изменить, недостаточно призывать потенциального механика любить клиентов, а не деньги. Конечно, часа два он об этом будет помнить, но потом все равно начнет играть его личный интерес.

Нам пришлось пригласить из Австрии специалистов, которые изменили всю систему оплаты: деньги стали платить в зависимости от *довольства* клиента, а не от счета, который ему предъявлен. А для этого надо правильно замерять степень удовлетворения клиента, потому что он, в свою очередь, может шантажировать: «Я скажу, что я доволен, если вы мне бесплатно поменяете колеса за счет компании...»

Это очень сложная работа, которую, по моим наблюдениям, россияне обычно не любят.

Главное для создания бизнеса — репутация, о которой надо задумываться, уже когда начинаешь строить бизнес. Репутация — это очень тонкая материя, она создается долгой работой. У нас думают о том, чтобы *hit-and-run*, то есть быстро заработать, ну а дальше неважно, — поэтому импортозамещение и не работает.

Я видел, как это происходит на заводах. Автомобильные, авиационные заводы в девяностые годы были, естественно, очень оторваны от

* Key Performance Indicator — ключевой показатель эффективности, измеримый показатель результатов деятельности, который используется для оценки работы компании, отдела или сотрудника. — *Здесь и далее прим. ред.*

существующих технологий. Сейчас ситуация практически не изменилась. Каждый следующий шаг стоит усилий. Первые шаги даются легче: 20% усилий обеспечивают 80% результата, а вот последние шаги даются с огромным трудом — это известный закон Парето.

И вот здесь я увидел, что эти трудности, о которых сейчас рассказываю, в автоторговле (уж, казалось бы, такая примитивная деятельность!) еще увеличились.

Главное для создания бизнеса – репутация. Это очень тонкая материя, она создается долгой работой

Кто помнит, что «Опель» хотели продать российскому Сбербанку и это не получилось? Была такая проблема, и все объясняли это тем, что нам не хотели отдавать технологии. Я, как человек,

которому «Мерседес» предложил 10% участия в российском заводе «Митсубиси» (тогда «Мерседес» владел «Митсубиси»), очень хорошо помню это. Как акционер я получил бы доступ ко всем технологиям. Хотя мне и предложили небольшую долю, но, возможно, они хотели, чтобы из нашей компании выросла бы и автопроизводительная компания. А я понимал, что это нереально, ведь тогда придется производить на весь мир и в таких количествах, чтобы были деньги на research and development, то есть на людей в первую очередь.

Именно этого в России не понимают: купят станок, купят линию, купят завод, а целый ряд автозаводов стоят сейчас и ждут китайских производителей. Работает только один китайский автомобильный бренд «Хавейл» (Haval) под Тулой.

Что же с остальными? А все остальные были куплены за копейки у уходящего европейского, японского, корейского бизнеса и предложены китайцам. Купили, а теперь перепродадим китайцам.

Чтобы производить машины, нужны огромные вложения в людей

Но это не самое главное, это чисто экономический аргумент. А главное, что и китайские производители, и особенно европейские ставили в России заводы не для того, чтобы *производить* машины, а для того, что-

бы *обойти* таможенные пошлины.

Чтобы производить машины, нужны огромные вложения в людей, в компании типа «Бош» и прочих поставщиков, производящих для вас запчасти. При этом они должны производить их так, чтобы вам стыдно было за такую же свою деталь. «Мерседес» может сделать руль, но он никогда не будет этого делать сам, а закажет у поставщика. Руль — это простая вещь, но в каждой стране свои требования, а новые требования международные: чтобы руль был мягкий, безопасный, вместе с airbag и так далее. Конечно, компания, которая занимается только рулями, сделает руль лучше, чем компания «Мерседес». И когда Мишустин говорит: «Что же вы — не можете руль произвести?» — понятно, что с

ним импортозамещения не будет. Потому что это люди из другого мира, не понимающие бизнес, его сложность, растущую из долгосрочных отношений.

Я приведу пример. Расскажу через призму своего переживания, так как сам был в это вовлечен. Мантуров и Путин требовали от автопроизводителей локализации*. Я был дистрибьютором по России двух крупных компаний — «Митсубиси» и «Хёндай», был вовлечен в переговоры и видел: от нас хотят постоянного повышения локализации.

Сделать первые стекла, коврики постелить — 10–15% локализации — было очень просто. Но как только локализация превысила 30% и шла к 50%, когда уже нужно было производить двигатели, коробки передач, — все встало. И оставалось лишь торговаться с министерством «мантуровского круга», которое требовало: сделайте локализацию, и мы позволим вам завозить комплектующие беспошлинно; нет локализации — нет такой возможности. Притом с каждым работали индивидуально, не было общих правил. Это была для нас самая опасная и неприятная вещь — что всё в России где-то «под ковром» и нужно ходить и договариваться. Чем это заканчивалось? Производство автомобилей уперлось в сложности: еще до двигателей и коробок передач нужно было штамповать железо.

Простая вещь: купите стан 1500 метров длиной, чтобы катать этот лист, стан стоит 380 млн долларов — и пожалуйста, производите металл для наших автомобилей. Почти все наши автопроизводители купили такие станы: и Череповецкий, и Магнитогорский, и Новолипецкий — все стали катать этот металл, вернее, *готовились* к этому. Я помню, мы с менеджерами посещали компании «Ниппон Стил» и «Хёндай».

«Хёндай Стил» — совместная компания «Поско» (есть такая компания в Корее, которая занимается металлами) и «Хёндай Мотор» — делает металл именно для автомобилей. Вот этот металл, казалось бы, самый простой, и нужно было произвести в России, только купить для этого стан. Все наши олигархи говорили: уже завтра начнем производить.

Как-то мы сидели в ресторане «Паризьен», и японцы сказали мне:

— Ну что, значит, металла у вас не будет?

— То есть как? Все уже готовы! — возразил я.

И они мне объяснили: производители вкладывают 380 млн в эти станы, тогда как нужно вкладывать вдвое больше *в людей* вокруг этого процесса. И я первый раз спросил: что значит «вкладывать в людей»? Такие деньжищи!

Оказывается, нужно постоянно следить за тем, чтобы наш металл был конкурентоспособным. Нужно, чтобы каждую пару лет он становился на 5% легче, на 7% дешевле (естественно, с учетом инфляции),

* Локализация — это производство в России все большего количества и большего объема составляющих автомобиля.

на 8% прочнее по сравнению с тем, что было. То есть постоянно экспериментировать, постоянно обеспечивать высокий уровень RAID*, постоянно инвестировать не только в этот RAID, но и в *специалистов*, которые долгосрочно в этом работают. А тех надо привезти из Европы или Америки, создать из них команду под миссию, которую вы выбрали. Чтобы люди гордились тем, что делают, а не просто зарабатывали деньги. Только тогда вы сможете оставаться в конкурентном поле.

Сама концепция импортозамещения – это какой-то бред.

Зачем замещать, когда весь мир глобальный?

И вот теперь нужно сделать импортозамещение *вот этого всего*?! Этой сложнейшей вещи!

Для начала нужно вообще понять, что это такое. А я сколько ни разговаривал с тем же Мантуровым... Этого понимания в министерстве нет. Помню, последний разговор был о таможенной пошлине; по соглашению с Всемирной торговой

организацией таможенные пошлины у нас должны были уменьшиться с 25 до 15%, но этого не произошло, потому что в стране неэффективно все. И Мантуров говорит: «Ну так это нормально, мы введем сейчас налог, утилизационный сбор».

По сути, он есть и в Германии, но там действительно утилизируют автомобили. А у нас это использовали как замену таможенной пошлины для обычного обмана тех, кто любит выполнять правила ВТО.

И что же получилось? Мы защищаем свой рынок от конкурентных, эффективных компаний, позволяя, например, АвтоВАЗу просто *поднимать цены*. И, как результат, утилизационный налог сейчас повышается с 1 октября, то есть опять вырастут цены на автомобили плохого качества, которые будет выпускать, видимо, тот же АвтоВАЗ.

Объясню, почему я считаю, что сама концепция импортозамещения — это какой-то бред. Зачем *замещать*, когда весь мир глобальный? Нет, решили делать все сами! Сами делать автомобили для рынка в полтора миллиона, сами делать самолеты... 600 самолетов в год (может быть, это число будет снижаться).

Теперь — *как* это делается. Вы должны понять разницу.

До сих пор так называемый металл В2 — из него делали «Солярис» (Solaris), например, — использовался только для российского внутреннего потребления. На экспорт его отправлять было довольно сложно, хотя для дешевых машин какое-то время можно. Это как айфоны: отрежьте сейчас Китай от Калифорнии — он будет производить айфоны, но старой марки и через какое-то время, когда станут выходить новые модели, начнет отставать: ведь вся маркетинговая политика находится в Калифорнии.

---

* RAID (англ. Redundant Array of Independent Disks) — технология виртуализации данных для объединения двух и более дисков-накопителей в единый логический элемент с целью повышения производительности.

Поэтому какое-то время можно жить и нам. Мы будем продолжать производить автомобили, но плохого качества, с большими издержками. И бюджет, естественно, должен будет дотировать их производство. А почему не получается по-другому, я и пытаюсь рассказать.

Представьте себе, что в автомобильной компании собираются около 200 человек и говорят: мы хотим произвести новую машину. Для студентов и пенсионеров, стоимостью 15–20 тысяч, с такими-то параметрами. Что вы можете нам посоветовать?

Как это происходит на АвтоВАЗе? Согласно традиции, по вертикали. Автовазовский научно-технический центр дает поставщикам чертежи — скажем, для производства такой-то втулки в таких-то количествах. Он считает, что вы лучше знаете, как это сделать эффективнее. Но вас надо вовлечь. А культуры вовлечения людей в инженерно-технический процесс, процесс создания какой-то новой ценности, нет, как нет ее и в политическом процессе.

Нет культуры вовлечения людей в технический процесс, как и в политический

Вот из-за таких вещей и не происходит и не произойдет конкурентного импортозамещения. Неконкурентное, конечно, может быть — спорить не будем. Можно (я не знаю, какими силами) заставить сегодняшних студентов изучать, как устроены какие-нибудь колосники в паровозах, и выпускать паровозы. Но и студенты, я думаю, уже понимают, что это не будет иметь перспектив, что завтра можно остаться без работы, потому что это все вчерашний день. Вам нужно принимать новые законы, чтобы студент не сбежал, чтобы он сдавал безумные экзамены на знание ненужных вещей, изучал карбюратор и так далее. Это все придется делать и делается, так что никакого импорта мы не заместим.

Любовь ко лжи и невежество — это колоссальные проблемы

Последствия понятны: все большее напряжение бюджета, потом крах — по сути дела, сценарий СССР-2 — и снова возвращение к какой-то новой итерации. Либо конкурентная среда, где уже не будет, видимо, желания делать все самим. Потому что это желание безумное, неэффективное и ни к чему хорошему не приведет.

Отчего все это происходит? Я вижу несколько причин, которые обуславливают этот негативный фон, когда нет технического подъема, хотя цифры роста ВВП временно могут показывать, что «где-то что-то растет».

Во-первых, любовь ко лжи. Это колоссальная проблема. Все на всех этажах постоянно лгут. Но самое интересное, что те, кому лгут, тоже хотят слушать приятную ложь: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Нам приятно слышать, что у нас все растет, индустрия развивается.

Это очень большая проблема. Потому что если вы лжете себе, если вы неправильно определяете уровень нуля, то все ваши действия по реорганизации промышленности будут неправильные. Вы просто не с того уровня поднимаете производство, не туда вкладываете, не то делаете. Вместо *инвестирования в людей* вы покупаете новые линии или думаете, как привезти какой-то станок, который, по сути дела, ничего вам не даст. Но вы не хотите этого слышать и знать. Ложь приятна, но всегда контрпродуктивна.

Вторая причина — *невежество*. Я не представляю, как выбить из человека то, с чем он вырос. Можно научить его, видимо, «всем буквам», но он сформировался в определенной среде и ее ценности останутся с ним, скорее всего, на всю жизнь. Есть такая мысль: новые идеи приходят как химеры, а уходят только с поколением. Возможно, и нам надо ждать, пока наше поколение «совков» не уйдет, чтобы можно было донести: бизнес, экономика — это сложнее, чем привыкли думать. Что есть конкуренция и *конкуренция*. Мне рассказывают до сих пор люди с коммунистическим прошлым: «Нам же нужна была конкуренция, вот фотоаппараты ФЭД и конкурировали с фотоаппаратами “Зенит“». У них явно какое-то другое представление о конкуренции.

Невежество — это колоссальная проблема. Видимо, не случайно было замечено, что история повторяется дважды — сначала как трагедия, потом как фарс. Она действительно повторяется, потому что людей с социалистическим пониманием и экономики, и отношений еще очень много. Около 30%, по словам наших социологов.

В этой связи я невольно вспоминаю эпизод из своей биографии, когда в 1982 году нас, нескольких человек, повыгоняли из партии и с работы и лишь случайно не посадили. Потом была перестройка. В 2003 году мы выставили своего кандидата на должность губернатора в Оренбурге, где я родился и вырос: против коммуниста Чернышёва вышел Олег Наумов, в тот момент депутат Госдумы от партии СПС, мой друг, один из тех арестованных. На момент ареста он был, кстати, завотделом обкома комсомола. Что вы думаете: коммунист победил легко!

Я дал Наумову необходимые для подготовки к выборам ресурсы, через месяц после агитации он мне сказал: «В каждой деревне у нас есть своя ячейка СПС, сейчас мы!..» Но еще через месяц я услышал от него: «Если я не буду нести *эту чушь*, то мы здесь ничего не получим! Люди не хотят слышать сложных вещей. Они пока еще *такие*. Нужно, чтобы сменилось поколение — не при сталинском режиме, а уже при каком-то рыночном».

И, когда выиграл Чернышёв, вся оренбургская номенклатура стала относиться к нам презрительно: «А, это диссиденты там, что ли? Да знаем мы их, они ничего не соберут, никаких голосов». И они были правы. Мы не смогли. Мы говорили правильные вещи, но нас не хотели слушать. Как с этим бороться, я не знаю.

Дэмиан Ортега (Damián Ortega). Инсталляция с выставки «Космические вещи». 2002

Ложь продолжается. По опросам «Левада-центра», проведенным лет 7–8 назад, 57% людей готовы были слушать эту ложь, которая звучит с экрана телевизора, с официальных трибун, в том случае если она, как говорят, *в интересах государства*, то есть если она призвана их подбодрить.

При таком отношении к лживым данным, к лживым настроениям невозможно рассчитывать не только на импортозамещение, но и на любую подвижку в экономике. В девяностые годы мы надеялись создать слой нормального бизнеса. Но олигархи — это не бизнес! Я всегда говорю: олигархи — это просто люди с фантастической зарплатой, это *чиновники*, но с очень большой зарплатой. У них другая мотивация, другое поведение, они не работают долгосрочно — даже самые лучшие из них. Гусинский, например, вроде бы создал телекомпанию — очень хорошую. Я в тот момент тоже хотел создать конкурентную телекомпанию, но не мог! Потому что рядом прекрасная телекомпания занимается шантажом «Газпрома», выжимает из него какие-то нерыночные зарплаты. И я, как человек, приверженный все-таки честной игре, не мог ничего открыть. Гусинский — при всем моем уважении — сделал черное дело. НТВ делало черное дело, работая *нерыночно*. Фактически они убивали тогда самую возможность двигаться дальше.

Итак, я все-таки хочу закруглиться, потому что иначе мы далеко уйдем.

Я не вижу пока возможности восстановления в России ни автомобильной, ни авиационной промышленности без политических изменений (Китай не приводите в пример, это особый случай: он сначала долго отставал, потом резко догонял и вот-вот тоже начнет стагнировать).

После Второй мировой войны Англия тоже защитила себя пошлинами и осталась к 60-м годам без своей автомобильной промышленности.

Рынок — это очень и очень тонкий инструмент, и он точно не для этих людей, которых я постоянно видел, работая с правительством. Нельзя даже подпускать их к тарифной политике! Хотя она иногда работает.

*Рынок — это очень
и очень тонкий
инструмент.*

Не надо ему мешать

Шансов у нас немного, и аргумент мы слышим один и тот же: «Ну что же, нам ничего не предпринимать? Что будут делать наши рабочие?» Как ни странно это звучит, рынок найдет себе задачу. Не надо ему мешать. Лучше заниматься независимыми судами, возможностью честной игры, привлечением тех инвесторов, которые могут на какое-то время дать свои ноу-хау, на всех

уровнях, потому что невозможно делать все это сверху.

Поэтому я закончу на том, что, если мы хотим что-то делать, нужно признать правду: да, мы не потянем.

Есть прекрасные страны: Новая Зеландия выращивает киви, например. Россия добывает ресурсы, и может это делать хорошо. Но невозможно создавать конкурентную продукцию в Омске, доставляя детали из Краснодара и из Петербурга. У нас, например, логистика убила завод даже в Татарстане: первое предложение по строительству завода «Хёндай» нам сделали именно там, но мы построили его затем в Петербурге, потому что возить туда-сюда все эти вещи... Помню цифры: услуги транспортировки увеличивали стоимость машины на 2300 долларов. Вы представляете, какая дорогая логистика, когда нужно несколько раз через всю Россию перевозить разные машинокомплекты! Несмотря на то что в Елабуге нам предложили и прекрасный налоговый режим, и какие-то образовательные программы, все убивала логистика.

Там, где один человек работает на заводе (например, на заводе «По-лет» в Омске), а на него работают еще пять человек: чистят снег, топят батареи, — там произвести конкурентную продукцию нереально. В таких местах нужно оставлять только какие-то добывающие предприятия, на которых можно работать вахтовым методом, появляясь на неделю-две, — и исключить, конечно, железные дороги, не строить там театры, больницы и школы, как мы сегодня делаем.

Проблема: как это объяснить избирателям, чтобы они потом в этих городах за нас проголосовали?

Дискуссия: вопросы и ответы

Инна Березкина: Короткий математический вопрос. Вы говорите, что замещение невозможно, однако мы как раз прошлую сессию заканчивали тем, что замещение все же происходит. Да, это влияет на качество жизни, при этом мы знаем, что любое общество способно адаптироваться. Были большие надежды на санкции, но они не работают. И уже открыто говорят об этом: санкции *в таком виде* не работают. То есть мы получаем некую «имитационную Россию будущего», в которой в лучшем случае — потемкинские деревни. Сколько такая Россия может просуществовать?

С. Петров: Я категорически не согласен с тем, что санкции не работают. Они работают. Просто это работа вдолгую.

На самом деле очень важно снижение уровня жизни сопоставить с ростом и сменой поколения. Это все медленно делается. А если хотите быстро — вы имеете риск скатывания к ядерной войне.

Человек падает с двадцатого этажа, а на десятом его вдруг спрашивают: «Как дела?» — «Да все хорошо, пока обдувает». Санкции работают!

Олег: Я полностью с вами согласен. Спасибо, что хорошо проговорили достаточно базовые вещи. При этом не кажется ли вам, что, говоря о невозможности импортозамещения, вы вкладываете в этот термин немножко не тот смысл, что они?

Вы говорите — и я считаю так же, — что бизнес должен быть эффективным, конкурентоспособным, должен производить хороший товар, удовлетворять потребностям людей и т.д. Но если посмотреть на это с точки зрения государственника, задумывающегося не о том, как что-то создать, а о том, как контролировать власть, — да, может быть, наши автомобили не самые лучшие, но у нас их никто не отберет! В критических условиях мы должны производить сами, пусть криво-косо. Они говорят про импортозамещение как про меру, которая позволит им сохранить минимальный уровень производства, — может быть, это у них получится? Могут ли они добиться импортозамещения?

С. Петров: Спасибо, Олег, что напомнил. Я назвал две причины экономического застоя. Еще одна причина — это *желание остаться у власти*. Она доминирующая, это я вынес из моего девятилетнего опыта работы в Думе с правительством. Это желание никогда не артикулируется, но является постоянной доминантой всех действий.

Первый раз я прочел об этом в дневниках Анатолия Черныева, помощника Горбачева по международным делам, где он пишет о Громыко, об афганской войне. Громыко прямо сказал, что война — дурное дело, но ведь надо как-то объяснять народу падение уровня жизни, отсутствие масла, то есть нужна напряженность.

*Еще одна причина
экономического
застоя — это желание
остаться у власти*

Вот представьте себе: вы царь, а все остальные пресмыкаются не потому, что царь велит, а потому, что они сами хотят.

Я как-то спросил, в частности, Сергея Миронова, руководителя фракции «Справедливая Россия» в Госдуме, когда меня прессовали за «закон Димы Яковлева»:

— Что же вы меня не защитите? Вам, наверное, Володин не велел?

— Да нет, мы не хотели, чтобы вы сами себе создали проблемы...

Вот так: «Вам ведь хотят сделать лучше». Это врожденное — поста-

*Текст Хартии не исчез
и продолжал свой
триумфальный путь,
несмотря на продолжавшиеся
конфликты, разногласия
и войны*

вить впереди лошади телегу. Именно стремление сохранить власть является основной проблемой.

Если бы мы оказались сильнее и требовали изменений, у нас были бы сейчас демократические практики и мы не позволили бы уничтожить самоуправление. Люди просто не верят, что они могут

кого-то избрать. Избранного же контролировать надо, создать рядом какую-то еще мандатную или ревизионную комиссию. Нет практик. Не умеют, не знают.

Это квазиимпортозамещение — желание удержать людей. Но оно имеет, что называется, общий конец: мы уже видели, как развалился СССР, и знаем, куда это приведет — не сейчас, так позже. Эта неконкурентная среда рано или поздно столкнется с общим требованием нового поколения, и ее разрушит изнутри. В Европе корректировка происходит каждые четыре года на выборах. В России, где не знают, что такое компромисс, это произойдет иначе.

Сергей: Я родился в Барнауле, хочу задать вопрос про авиакомпанию S7, которая 5–7 лет назад строила огромные планы, покупала платформы для запуска ракет в океане, летает и до сих пор имеет достаточно хороший менеджмент. Как вы думаете, что ждет такие компании, которые были способны на что-то инновационное в России?

С. Петров: Чтобы выжить, вы должны как-то «пристроиться»: донатить «нашим ребятам» или разместить на своем офисе Z-символику. Не знаю, что сделает S7. Это действительно неплохая компания по сравнению с теми олигархическими структурами, которые мы с вами, к сожалению, принимаем за бизнес. Такие компании в разной степени пойдут в услужение; кто-то и до этого выступал в поддержку, но теперь им надо еще больше бегать с Z-плакатом, чтобы как-то себя оправдать.

Что они сделают? Они, конечно, выиграют бой, но проиграют войну. То есть долгосрочно они уже не смогут ни привлекать людей, ни написать под это какую-то миссию. Они будут, что называется, первым парнем на деревне, но, когда снова столкнутся с конкуренцией, с миром, вынуждены будут продаться, лечь под кого-то и заново учиться простым вещам.

Лидия: Олигархи, которые сейчас находятся при власти, богатые чиновники и вообще окружение Путина — все они являются бенефициарами системы, у всех них половина семьи в разных хороших странах, и все они, естественно, страдают от санкций. Аналитики все чаще ставят вопрос: насколько эти люди, личное положение которых ухудшается (а они об этом между собой говорят), готовы все это терпеть.

Я понимаю, что в основном люди готовы терпеть, потому что девать-ся некуда. Но, на ваш взгляд, каков шанс, что это недовольство перевесит и они что-то сделают, чтобы остановить войну?

С. Петров: Я читал, как лет 300–400 тому назад относился к своим царям российский «нобилитет». Кто-то из датских посланников описывал, как какой-то князь с кудрями бегаёт перед царем, что-то подстилает, суетится, весь вспотел, кудри сбились. И когда ему говорят: «Ну слушай, это даже как-то неэтично, уж совсем ты себя не ценишь, зачем уж так унижаться?» — он отвечает: «Мы, русские, служим нашему царю не так, как вы, европейцы, мы истинно преданные». То есть они этим даже гордятся! Как говорят немцы, *in vorausseilendem Gehorsam* — заранее послушные, все понимающие. Против других же, которые ведут себя независимо, — уголовные дела.

Так что это будет продолжаться, идет отрицательная селекция людей. Я так скажу: когда люди, по выражению Чернышевского, станут не особями мужского и женского пола, а гражданами, вот тогда они выступят и скажут: «Эй, парень, ты уже совсем нам надоел». А сейчас пока власть не чувствует давления снизу, со стороны избирателей. Посмотрите в сетях: где большинство тех, кто бы писал и говорил о необходимости независимого суда, демократии?

Марина, Беларусь — Польша: У меня после вашей лекции какой-то диссонанс. Вот вы говорили, что в наше время важна репутация. А я бы сказала, важен и личный бренд, маркетинг. У меня есть некий опыт в ресторанном бизнесе: в Варшаве я открыла два заведения. И знаю, как щепетильно россияне, украинцы, белорусы относятся к сервису, то есть они очень требовательны к этому. В целом люди, которые находятся в эмиграции, понимают, как должен развиваться бизнес, понимают, что у бизнеса должна быть миссия, а не только деньги.

В то же время вы говорите об импортозамещении. И мы видим людей, которые вполне нормально чувствуют себя в закрытом государстве. Я не понимаю, что должно измениться, чтобы они перешли на нашу сторону — или мы на их сторону?

С. Петров: Мы не перейдем на их сторону! Мы с ними «имеем стилистические разногласия», мы с ними не договоримся. Я бы тут сказал словами Черчилля: мы будем с ними драться на земле, в воздухе, на улицах. Потому что это не вопрос правоты «левых», «правых», патриотов или там глобалистов — это вопрос процедуры. Мы за то, чтобы все жили и

все имели доступ к средствам массовой информации. Людей надо убеждать и потом честно их спросить: «Сколько вас за меня и сколько за Марину? Все! Марина, четыре года твои, но защита меньшинства также гарантирована».

Ничего больше мы не просим. Мы понимаем, что либералов — избирателей, сторонников — даже в Европе процент небольшой; все либеральные партии — это 10% плюс-минус. Сегодня идет борьба за возможность сначала дышать, просто за первый шаг к тому, чтобы было гражданское общество, — без него спорить не о чем. В свое время я

*Сегодня идет борьба
за возможность
сначала дышать,
просто за первый шаг
к тому, чтобы было
гражданское общество*

призывал коммунистов, ведущих с кем-то в парламенте споры: «Кончайте!» Сначала сделаем так, чтобы мы могли с вами вместе жить и находить механизмы компромиссов.

Что касается ресторанов, Марина, — может быть, free lessons какие-то? Вы выбрали правильное направление. Если эти люди воспитаны на ценностях, на очень важном понятии честной игры, они уже наши.

Вначале нужно иметь хотя бы возможность разговаривать об этом, и нужно, чтобы не сажали, не убивали в тюрьмах политических противников. Когда произойдет очередная весна? Как я уже говорил, это вопрос поколений. Белорусы находятся западнее и быстрее придут к европейским ценностям, чем россияне, на мой взгляд.

Руслан, Уфа — Берлин: По поводу России понятно, хотя вопросы есть, конечно. По поводу Китая тоже. Я хотел бы спросить по поводу Европы и вообще западной экономики. Для нас, антивоенно настроенных россиян, украинцев, важно, чтобы европейская экономика чувствовала себя нормально. Германский автопром испытывает сложности. Например, концерт «Фольксваген», где есть все, о чем вы говорите: грамотный менеджмент, правильные принципы, обучение людей и прочее, — закрывает заводы, проигрывая конкурентам. Как вы это можете объяснить? Китай вроде как берет верх? Или здесь другие проблемы? Соответственно, чего ждать дальше? Если такими темпами будут возникать проблемы у немецкого автопрома, то что будет с немецкой экономикой? Что будет с поддержкой Украины? Что будет с санкциями против Путина?

С. Петров: Это уже два следующих вопроса: что будет, если...

Естественно, это все равно — я про «Фольксваген» и Китай — будет происходить, потому что уровень жизни в Китае хоть и вырос, но еще далеко не немецкий. Правда, Китай уже обходит Россию по зарплатам. Они выигрывают только за счет логистики, за счет того, что все более толково сделано западными же предпринимателями.

Дэмиан Ортега (Damián Ortega). Инсталляция «Controller of the Universe». 2007

Там, где дорого, можно производить очень дорогие машины — «Мерседес» S-класса или «Фольксваген-Фаэтон». Все дешевые машины надо выводить. Вы знаете, сколько стоит рабочая сила? Около 4,6%. Сейчас все больше и больше применяется крупноузловая сборка. На заводе под Сеулом, который выпускал «Хёндай-Сонату» (NF нынешний), работало 840 человек, а завод производил 300 000 машин — столько же, сколько АвтоВАЗ. Потому что им поставляют уже не руль, а всю торпеду целиком, весь блок, люди же только собирают. Поэтому везде борьба на уровне дешевых машин идет за сотню-другую долларов.

Я как дистрибьютор помню переговоры с «Митсубиси»: «Увеличьте продажи еще на 1000 машин, и мы дадим вам эту цену», — при этом продавать дешево нельзя, потому что тогда вы убиваете цену товара. Вы можете дать колесо в подарок, но вы не должны снижать цены.

Поэтому все проблемы «Фольксвагена» в том, что уже давно весь ширпотреб производится в Китае, а сейчас речь о более сложной продукции.

Эти проблемы есть там, где растет уровень жизни. Как менеджер, вы должны думать: или дальше повышать зарплату, потому что профсоюз

требует и надо что-то сделать, иначе люди забастуют, — или понижать цену на рынке.

Китай сейчас своей политической системой, видимо, доведет до того, что будет выводить производство из страны. Но пока Китай шантажирует, не дает уйти, например, «Сименсу» (Siemens): тот пытается в Сингапуре строить свой завод, а Китай говорит: «Тогда мы вам все закроем. Если вы там 500 млн вкладываете, то давайте вкладывайте еще и у нас столько же!»

Это очень сложная проблема, но она решается, потому что так и работает нормальная экономика.

Василий, Красноярск — Белград: У меня вначале ремарка по поводу вашего диалога с Олегом о том, что в России по-разному воспринимается импортозамещение. Вы говорили, как оно по-разному воспринимается сверху. А у меня как раз в связи с китайским автопромом есть наблюдения, как оно по-разному воспринимается снизу. Сейчас в России многие из моих знакомых, раньше ездивших на европейских и американских брендах, покупают китайские и утверждают, что это нормальные машины. Я знаю человека, у которого очень много денег, и он раз в год менял автомобиль: «Лексус 570», «Гелендваген», что-нибудь еще. А сейчас купил последнюю модель китайского «Танка» — и говорит: нормальная машина, я на рыбалку на ней езжу! То есть россияне считают, что если есть у машины четыре колеса, руль, подушка безопасности и в идеале рама, то уже хорошо. Они не чувствуют разницы и считают, что импортозаместились.

А вопрос такой. Сейчас в России власти как бы доверяют российское импортозамещение Китаю. Не думаете ли вы, что в ближайшей перспективе с китайским автопромом в России случится то же самое, что и с европейским? Как только европейский и другие рынки станут китайцам интересны и европейцы им скажут: «Ребята, мы откроем вам европейский рынок, но только если вы уйдете из России», — Китай сможет это сделать?

С. Петров: Китай производит сейчас около 25 млн машин в год. В 1999 году мы впервые в 40-градусную жару приехали в Китай, чтобы посмотреть на машины, и обратили внимание на резиновую прокладку, которая предохраняет водителя (и не только) от шума и пыли. Наш менеджер нажал на нее пальцем, а она растянулась, как жвачка, сантиметров на двадцать! Правда, это было при 40 градусах. Но это были плохие по качеству машины.

Однако Китай довольно быстро поднял качество своих машин, так же как Япония стала прекрасной за 20 послевоенных лет, потом Корея за 15 лет.

Мы не можем сказать, что китайские машины сейчас плохие. Они просто стоят на миллион или полтора дороже, чем они должны были

бы стоить. Но в Китае они гораздо дешевле, чем у нас. И из-за этого АвтоВАЗ в России *поднялся*, и из-за этого фактически весь сыр-бор.

Вы знаете, что такое произвести машину у нас? Производство машин осуществляется двумя способами: Semi Knocked Down и Completely Knocked Down*. То есть на заводе-изготовителе машину производят на конвейере, обкатывают, заливают в нее масла и все, что нужно, а потом все это сливают, вычищают, разбирают и отправляют по назначению — туда, где это предстоит собрать.

В результате машина уже стоит китайцам, и они хотят послать ее сразу для продажи. И у них, в отличие от европейцев, есть на это сила, власть. Россия сейчас полностью от них зависит. Ни Путин, ни Мантуров не могут им сказать «нет». Так что китайские машины, вы правы, можно покупать. Конечно, их качество будет хуже, но *в перспективе*. А мы смотрим на машину как на объект, который должен ездить.

Ведь что такое конкурент? Вы знаете, какие сейчас стоят задачи перед инженерами?

Еще в девяностые я увидел современный завод «Маруноути» (Maru-nouchi) в Японии, где каждая машина производилась для определенного рынка: эта машина — для африканского рынка, а эта — для финского, здесь у нее должно все гореть. Эта — для израильского, здесь два кондиционера, и т.д. Очень большой софт работает для того, чтобы все это сделать только для сборки. И сложность увеличивается — покупают дорогие машины под заказ, с разными опциями. Скажем, этот заказ сформирован из набора, который можно тут же завезти, но усложнение идет полным ходом.

Для дешевых машин проблема другая: если она рассчитана на семь лет и вы ее выбросили в утиль, а двигатель еще может работать тысячи километров, то вы заплатили ненужные деньги, на которых я мог бы выиграть долю рынка.

Может ли инженер сделать так, чтобы через семь лет дешевая машина заржавела, стукнул двигатель и сразу все отвалилось? Так не бывает. Но чем ближе вы к этому, тем конкурентнее на рынке. Эта задача пока не для китайского автопрома, она очень сложная. Она еще не решена, но к этому идет. Этим занимаются постоянно, и кто решает ее лучше, те выигрывают в конкурентной борьбе.

Если в России кому-то куда-то надо доехать — он, конечно, доедет. Просто завтра для него не будет нормальных дилерских сетей, чтобы привезти новую запчасть, придется ждать месяц вместо 3–5 дней. Это целая наука.

---

* SKD и CKD — крупноузловой и мелкоузловой тип сборки. Технология сборки автомобилей, при которой на место сборки с завода-изготовителя поставляются полностью готовые к сборке комплектующие, часто в виде крупных узлов. В народе ее называют «отверточная сборка», так как при этом не нужны сложные технологические процессы.

Я помню, в советское время главное было иметь на полках распределители: для «Жигулей» это была расходная деталь, которая постоянно ломалась. А когда мы начали учиться, нам говорили: полки складов надо держать пустыми, потому что это деньги лежат на полках складов. Значит, нужно иметь свой терминал VOR, обеспечивающий, как известно,

Никакое право невозможно обеспечить без политической конкуренции

навигационное руководство для операций на терминалах, таких как заход на посадку, вылет по приборам, когда какую-то деталь лучше привезти самолетом.

А для этого надо научить людей оценивать, сколько машин завезено, и так далее. Это в девяностые годы, когда у нас не было опыта, решали колоссальную, сложную, но интересную бизнес-проблему: камушки летят и разбивают стекла...

Максим: Я юрист. И я не услышал в вашем выступлении ни слова о роли права в будущих изменениях. При этом мы понимаем, например, что та же Европа живет одинаково: право ограничивает и бизнес, и правительство, и парламент как в Германии, так и во Франции и Англии. Право — это не инструмент, это то, что над всеми. Один из принципов верховенства права — предсказуемость, равное действие для всех, равенство всех перед законом.

Доживем ли мы до тех времен, когда право будет рассматриваться не как возможность «порешать вопросы с депутатами» или «зайти и в суд порешать вопросы», а действительно как то, что определяет смысл жизни, определяет ткань общества? Когда человек не будет стремиться менять под себя конституцию, бизнес-законы и так далее. Будет ли такое? Или все-таки нужна еще пара поколений?

С. Петров: Да, я всегда говорил, что право — это основа. Вы думаете, промышленная революция началась с изобретения паровой машины?

Нет права – не будет у вас передовой экономики, не будет такого хайтека, как в США

Я категорически не согласен: она началась 200 лет назад с изобретения всех этих GmbH, Ltd* и прочих, когда человек мог рисковать и не опасаться, что его посадят в долговую яму и будут выбивать из него деньги. Он мог принимать решения не бо-

ясь. Но при этом кто-то должен был оформлять, поддерживать, защищать эту мысль. Вообще простая мысль, что *все должны быть богаты и здоровы*, хорошо звучит. А дальше: как этого добиться? И понятно, что никакое право невозможно обеспечить без политической конкуренции. Не будет Стив Джобс работать без нормального судопроизводства, без права.

* GmbH (нем.), Ltd (англ.) — сокращения для обозначения частных компаний с ограниченной ответственностью.

Это процесс медленный, но он, как вода, точит камень. Нет права — не будет у вас передовой экономики, не будет такого хайтека, как в США. Кстати, в Китае патентов больше, но там в основном подгоняют какие-то внешние патенты под свою продукцию и патентуют. Это не те прорывные патенты, которые дает Америка со своей почти сотней нобелевских лауреатов. Это все только благодаря праву.

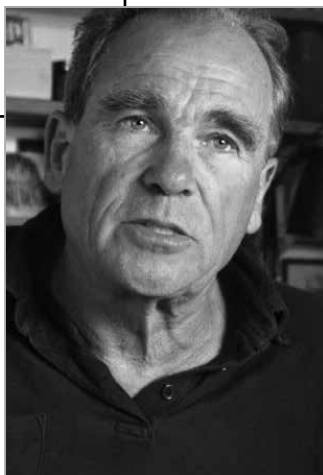
Например, я 30 лет строил компанию, а Путин взял и отдал ее племяннику Кадырова. Кто будет делать что-то в стране, где у него могут отнять все?! Ясно, что в ней будет процветать все тот же бизнес — перепродать селедку за углом на два рубля дороже. И понятно, к чему это приведет.

Без права ничего не будет. Это — основа. Я об этом не упомянул, но я думал, что в такой аудитории это само собой разумеется.

Юрий Сенокосов: Я слушал Сергея и вспоминал, как в 60-е годы прошлого века в Советском Союзе мы ведь уже построили первую фазу коммунизма — социализм. Напомню, какими утверждениями это сопровождалось: Советский Союз является первой в мире страной, построившей социализм, и его экономическое развитие продолжается «на собственной основе». Появилась «новая историческая общность — советский народ».

Сейчас, когда говорят об импортозамещении, имеют в виду, конечно, ту же «собственную основу», которая была построена трудом миллионов человек, уничтоженных советской властью. И мы видим, как продолжается разрушение этого бесчеловечного социального пространства.

Но такие выступления, как выступление Сергея, вдохновляют. Я думаю, что все присутствующие в этой аудитории прекрасно понимают смысл наших обсуждений. Понимают, что это серьезная, большая работа: работа ума, продолжающихся дискуссий о конкуренции, праве и других важных вещах.

Джонатан Ре,
британский историк-
фрилансер и философ

Чужестранцам нет / чужестранцев нет*

Кант был противником революций. В 1793 году он описывал их как деяния «государственных преступников» и «величайшую несправедливость». Однако, с другой стороны, он признавал, что иной раз революции приводят к положительным результатам: к примеру, в 1579 году голландцам с их революцией повезло, как и британцам в 1688-м. Что же до Французской революции 1789 года, то судить о ней, говорит Кант, еще рано, однако как минимум в одном аспекте она уже принесла французам успех и славу: волна сочувствия, которую она породила в остальном мире, показала, что человечество готово перейти от беспринципной политики личных интриг к новой политике «законных конституций» и «естественного права» или, иначе говоря, от кровавого безумия Ричарда III к просвещенному добросердечию Натана Мудрого. Чем бы ни обернулось дело во Франции, Французская революция вскрыла «в человеческой природе задатки и способность к совершенствованию, которые на основе происходившего до сих пор не смог бы открыть ни один политик»; поэтому, пишет Кант в «Споре факультетов», «подобное событие в истории человечества *не будет забыто*».

Новая политика должна была исходить из рациональных принципов, названных уже в революционном лозунге «Liberté, égalité, fraternité», но ей также придется столкнуться с трудностями, которым этот лозунг не склонен придавать большое значение: с проблемой территориальных границ и целым комплексом вопросов, связанных с международным и национальным, миграцией и убежищем, вторжением, колониализмом, войной. В эссе «К вечному миру», написанном в 1795 году, Кант прибегает к понятию *ius cosmopolitanum*, или «право всемирного гражданства» (*Weltbürgerrecht*): оно выводится из принципа,

* Jonathan Rée. No Foreigners. — *London Review of Books*. October 2024. Vol. 46 No. 19.

гласящего, что «право на земную поверхность» принадлежит всему человечеству и что, следовательно, «первоначально никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте Земли».

Впрочем, идеал «общего владения» подпортила географическая реальность: тот грубый факт, что Земля круглая, то есть что «люди не могут рассеяться» по ней «до бесконечности и поэтому должны терпеть соседство других». Отсюда — зловеющая дилемма, связанная с появлением

Fremdling, постороннего, чужака или иностранца, который несет с собой угрозу бесконечных конфликтов и вечную вероятность войны.

Для Канта война была характеристикой «естественного состояния», однако человечество могло превозмочь его, добавив к абстракции «права всемирного гражданства» простую добродетель «гостеприимства» — с тем, чтобы проводить политику «всеобщего гостеприимства» (allgemeine Hospitalität). Впрочем, «всеобщее гостеприимство» в щедрости своей заходит отнюдь не так далеко, как могло бы показаться: оно

означает в понимании Канта, что у всех нас должно быть «право посещения» (Besuchsrecht), которое дает возможность посещать иностранные державы, не встречая «враждебности» со стороны местных жителей; при этом «всеобщее гостеприимство» не дает нам «права гостеприимства» (Gastrecht), которое позволяло бы оставаться на

чужбине сколько нам вздумается. И наоборот: всеобщее гостеприимство раскрывает «чудовищную несправедливость» колонизации, которую Кант относил на счет «негостеприимного поведения <...> торговых государств», которые злоупотребляют своим «правом посещения», доводя его до «завоевания». Тем не менее Кант не сомневается, что когда человечество сделает обязательным для себя «право гостеприимства», оно начнет «все более и более приближать род человеческий к всемирно-гражданскому устройству» и, соответственно, «к вечному миру».

Своему эссе Кант предпосылает самоуничижительную шутку: слова «К вечному миру» могли бы послужить названием трактира, на вывеске которого изображено кладбище — чем не место упокоения для «философов, которым снится сладкий сон» о вечном мире? Шутка не то чтобы очень смешная, но она выдает смутное недовольство: Кант, которому к тому времени было уже за 70, должно быть, сознавал, что этой его вещице недостает той необычайной пронизательности, которая отличала

Согласно Канту, «право на земную поверхность» принадлежит всему человечеству и «первоначально никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте Земли»

Кант не сомневается, что когда человечество сделает обязательным для себя «право гостеприимства», оно начнет «все более и более приближать род человеческий к всемирно-гражданскому устройству» и «к вечному миру»

его более ранние работы, и, вероятно, пытался предвосхитить возможные насмешки критиков. Но двести лет спустя кантовским смятением воспользовался Жак Деррида, сделав его отправной точкой для весьма обширного семинара о «гостеприимстве», который он вел в Париже с зимы 1995 года до лета 1997-го*.

Начиная с 1960-го Деррида каждый год вел семинары в Париже, так что порядок был установлен давно и прочно: участники встречались раз в неделю, занятия продолжались два часа или дольше и предназначались для студентов, готовящихся к магистерскому экзамену по философии, хотя с разрешения Деррида их могли посещать и другие. Какие-то встречи отводились для свободных дискуссий, какие-то — для студенческих докладов, но большинство из них — как правило, десять в течение учебного года — предназначались для долгих презентаций самого Деррида (обычно он писал их полный текст за несколько дней до выступления). Свою последнюю серию семинаров он завершил в 2003 году (через год он умер в возрасте 74 лет), и оставшиеся после него распечатки выступлений — около 30 страниц на каждое, часто с правками, внесенными рукой автора, и в некоторых случаях в сопровождении аудиозаписей, на которых слышны частые взрывы смеха, отступления докладчика и реплики, его перебивающие, — представляют собой не только протоколы его преподавательской деятельности, но и своего рода интеллектуальный дневник, сохранивший его реакции на недавние события в политике, философии и литературе. Некоторые из этих распечаток уже вышли в прекрасных изданиях, а вслед за ними появились тщательно выверенные английские переводы, последним из которых как раз и стал семинар о гостеприимстве.

Первая встреча участников этого семинара состоялась 15 ноября 1995 года. Деррида начал занятие, зачитав «знаменитый пассаж», который должен был послужить матрицей для всего семинара: кантовскую попытку связать гостеприимство со всемирным гражданством как условием достижения вечного мира. Далее Деррида перешел к анализу каждого слова и сравнению общепринятых французских переводов с немецким оригиналом — впоследствии он будет требовать того же и от своих студентов. Потом он предложил считать выявленные при анализе странности и темноты не проявлениями слабости кантовского ума, а свидетельствами беспринципности и лицемерия, пронизывающих все вопросы, «намагниченные», как он выразился, «простым словом *гостеприимство*».

Возьмите классическую сцену приветствия, когда хозяин с распростертыми объятиями приглашает вас в дом, расточая приветствия и улыбки. Эти жесты могут быть выражением искренней дружбы, но в

---

* См.: Jacques Derrida. *Hospitality*. Vol. 1–2. Transl. by E. S. Burt and Peggy Kamuf. — Chicago, 2024.

Джим Шоу (Jim Shaw). Инсталляция «Конец здесь». 2015

то же время они — и этого не избежать — исподволь служат утверждению хозяйских привилегий: это мой дом, сообщают они, и даже если я говорю: «Чувствуй себя как дома», ты должен помнить, что находишься здесь благодаря моему разрешению и согласию. Истина гостеприимства, эта палка о двух концах, проявляет себя не только в делах, но и в словах. Как отмечает Деррида, французское *hôte* означает «гость», но одновременно и «хозяин», а исторические словари возводят его к латинскому *hospes*, родственному *hostis*, которое может также означать чужака, иностранца или врага. После этого Деррида обращается к неисчерпаемому *Vocabulaire des institutions indo-européennes*, составленному лингвистом и специалистом по семиотике Эмилем Бенвенистом: там слово «гостеприимство» прослеживается в греческом, санскрите и десятке других языков и связывается с отелями, госпиталями и хосписами, а также — довольно убедительно — с заложниками (*hostages*), деспотизмом и, наконец, с *ipso*’востью, то есть самостью, а следовательно, с приказами, авторитетом и контролем. Создается впечатление, что гостеприимство — гнездо парадоксов: не столько гостеприимство, сколько врагопристанство, выдумывает Деррида новый термин (*hospitality vs hostipitality*).

Следующий шаг, который делает Деррида, может показаться тяжелой: он отслеживает тему гостеприимства (или врагопристанства) и связанные с ней темы даров, приглашений, приветствий и дома — в литературных произведениях. Начинает он с XX века, с очень странной новеллы Пьера Клоссовски «Сегодня вечером, Роберта»: там фигурирует хозяин, гостеприимство которого доведено до такого абсолюта, что он уходит спать на гостевое место, пока его жена предается любовным утехам с гостями, причем происходит это в кровати, над которой он сам повесил в рамочке переписанные им от руки «Законы гостеприимства». Деррида пытается выяснить, что гостеприимство может значить в доме, «превратившемся в бордель», но тема кажется настолько «необъятной», что, приняв предложение одного из студентов, он обращается к истории, рассказанной в XVII веке моралистом Лабрюйером: в ней добродушный старик приходит в гости к соседу, но, будучи убежденным, что он по-прежнему у себя дома, он в конце концов начинает удивляться, почему его гость (то есть на самом деле хозяин) не понимает намеков и не идет домой. «Всем сердцем сочувствую», — говорит Деррида (*смех*). Тут в игру включается разница полов, и рассеянный герой Лабрюйера «приходит с визитом к даме, воображает, что это она пришла к нему в гости» и в конце концов приглашает ее остаться обедать.

Очевидная связь между *гостеприимством* и патриархатом возвращает Деррида к истории Лота, рассказанной в Книге Бытия. Лот — живущий в Содоме «пришелец», возмущивший своих соседей тем, что дал приют двум путникам: «городские жители» окружили его дом, требуя, чтобы он вывел им своих гостей. Лот, естественно, отказывается, но предлагает утешительный приз. «Вот у меня две дочери, которые не познали мужа, — говорит он. — Лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно, только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего». (На самом же деле двое гостей, которые оказались ангелами, спасают девушек, а также Лота и всю его семью, а содомлян истребляют вместе с их погрязшим в грехах городом.) Дядя Лота Авраам — еще один гостеприимный странник, только с соседями ему повезло больше. Когда его жена Сара умирает от старости, он обращается к ним с такими словами: «Я у вас пришлец и поселенец; дайте мне в собственность место для гроба между вами». Они предлагают ему «лучшее из погребальных мест», но он предпочитает пещеру: она и «досталась Аврааму», чтобы он «похоронил Сарру, жену свою... в земле Ханаанской» и был доволен. Как отмечает Деррида, идея о том, что мертвые заслуживают гостеприимства ничуть не меньше, чем живые, находит отражение у Софокла, чей измученный Эдип-скиталец прибывает в Колон, где его дочь Антигона устраивает для него могилу, чтобы свершилось «так, как он того желал»: «смерть принять в краю чужом», чтобы «мирно спать» там «под землей».

Деррида демонстрирует поразительный литературный кругозор и умение выхватывать детали, которые наверняка ускользнули бы от нашего с вами внимания. (Читать Деррида — все равно что отправиться на прогулку с приятелем, который найдет орхидею-призрак, заметит бабочку-шашечницу и обнаружит в небе белобрюхого стрижа, пока ты сам только и успеешь, что получить удовольствие от ходьбы и приятной беседы.) Отсылки к гостеприимству он замечает повсюду: например, духов, худших из неожиданных гостей, в «Улиссе» Джойса; призраков, из-за которых дома становятся жуткими (unheimlich), в «Жутком» Зигмунда Фрейда; мечту о защищенном от любого врага доме в «Норе» Кафки. Такого рода солипсизм сродни привязанности Ханны Арендт к родному языку («Для родного языка не существует никакой замены», — говорит она в интервью) и тоске Руссо по «материнской заботе» (которую он тоже назвал «незаменимой»), тогда как объятья, в которые святой заключает прокаженного во флорентинской «Легенде о св. Юлиане Милостивом» (Julien l'Hospitalier в оригинале), показывают еще один предел гостеприимства. На этом фоне Дон Жуан у Мольера принимает каменного гостя — статую убитого им человека, откликнувшуюся на его приглашение, что, в свою очередь, может напомнить, как Гамлет, устремляясь за призраком своего убитого отца, который «манит» и «зовет» его «подальше, в глубину», просит своих друзей проявить по отношению к нему обходительность («Как странника и встретьте это с миром»), а призрака приглашает чувствовать себя как дома («Успокойся, мятежный дух»), хотя в данном случае новое «явление/посещение» (visitation) приводит его в чувство. Шекспир, по словам Деррида, «самый богатый и самый мощный ресурс как для мышления, так и для словаря гостеприимства», но такой семинар «растянулся бы на сто лет», и он, Деррида, «даже пытаться не будет».

Шекспир, по словам Деррида, «самый богатый и самый мощный ресурс как для мышления, так и для словаря гостеприимства»

Складывается впечатление, что Деррида сам удивлен своими находками: если взять «литературу в широком смысле», пишет он, «трудно найти произведение, которое не годилось бы для того, чтобы либо проиллюстрировать, либо представить на сцене <...> то, что мы называем гостеприимством», но когда он обращается к философии, у него получается то же самое. Диалог Платона «Софист», отмечает Деррида, начинается с того, что Сократ приветствует персонажа, которого все называют не иначе как «чужеземцем» (Xenos). («Уж не ведешь ли ты, Феодор, — спрашивает Сократ, — сам того не зная, не чужеземца, но некоего бога?») Но и чужеземец оказывается непростым гостем: он берется «подвергнуть испытанию учение нашего отца Парменида» и просит, не без угрозы в голосе, чтобы его не считали «в некотором роде отцеубийцей». Впрочем, Сократа это не смущает, и когда в «Апологии»

он обращается с речью в свою защиту к присяжным-афинянам, он заявляет, что оказался в невыгодном положении: он привык изъясняться на обыденном греческом — так, как говорят «на площадях у меняльных лавок», — и вот когда «в первый раз пришел я теперь в суд», «здешний-то язык просто оказывается для меня чужим». Он предполагает, что к нему отнеслись бы с большей снисходительностью, если бы он и «в самом деле был чужеземцем» и не говорил бы по-гречески. И действительно, речь, которую он произнес в свою защиту, успеха не имела.

Заметив, что один язык — греческий, например, — может объединять в себе языки друг другу чуждые, Сократ пускает под откос саму идею родного языка; ницшевский Заратустра — тоже чужеземец вдали

Философом, которому в семинаре уделено больше всего внимания, оказался Эммануэль Левинас — выдающийся пример философа-чужеземца

от родины — сталкивается с похожей проблемой. Возвращаясь к себе в пещеру однажды вечером, он обнаруживает перед ней сборище неожиданных гостей: папу, чародея, тень, пару королей. Он приветствует их, как подобает доброму хозяину. «Здесь царство мое и владения мои, — говорит он, — но все мое на этот вечер и эту ночь должно быть и вашим. <...>

Милости просим, поклон вам, желанные гости мои!» Едва устроившись, они объясняют ему, с какой целью пришли: научиться «у тебя, о Заратустра, *великой надежде!*». Он решается растолковать им свою экзотическую мудрость «по-немецки и ясно» (*deutsch und deutlich*), сообщив, что он и вправду ждал гостей, но вовсе не их. Один из королей явно обижен: он жалуется, что «этот мудрец с востока» не понимает «милых немцев», которые пришли к нему в гости, и что он говорит «по-немецки и грубо» (*deutsch und derb*). Скиталец Заратустра вновь обращается к гостям с разъяснениями, но «внезапно прерывает речь свою».

Философом, которому в этом семинаре уделено больше всего внимания, оказался Эммануэль Левинас — давний друг Деррида и сам по себе выдающийся пример философа-чужеземца. Он родился в 1905 году в еврейской семье в Литве, языками его детства были русский и литовский; затем он освоил немецкий и библейский иврит; прожив несколько лет в Украине, он добавил в свой репертуар французский, получил степень по философии в Страсбургском университете, после чего ненадолго переехал в Германию, где учился у Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера. В 1931 году Левинас получил французское гражданство и начал преподавать в еврейском вузе в Париже — в *École Normale Israélite Orientale*, а также писать статьи и книги, знакомившие французского читателя с современной немецкой философией; в одном из эссе он обличал «философию гитлеризма», ставя ей в вину то, что она считает биологическое существование «не *объектом* духовной жизни, но ее сутью».

В 1939 году он записывается добровольцем во французскую армию, через несколько месяцев попадает в плен и следующие пять лет проводит как военнопленный — большую часть времени в лагере под Ганновером, где живет в официально организованной там еврейской секции и работает лесником, а в 1945 году возвращается к работе в еврейской высшей школе в Париже. Оглядываясь назад, Левинас повторял, что вся его жизнь прошла под знаком «предчувствия нацистского террора и памяти о нем», хотя после войны тематика его сочинений поменялась: он обратился отчасти к комментированию Талмуда, но главным образом к этике. Позже он начал преподавать в университете, где стал отцовской фигурой для нескольких молодых мыслителей, включая Деррида.

Деррида упоминает Левинаса на первом же семинарском занятии, обращая внимание на его работу о происхождении «жалости, сострадания, прощения и близости» и на его поразительные слова о самости: «Слово “я” отвечает всему и всем» («Le mot “je” répondrait de tout et de tous»). Левинас имел в виду, поясняет Деррида, что я не могу «принадлежать самому себе», пока не буду «рекомендован другому». Следовательно, мы все члены друг друга, неспособные в силу самой нашей конституции сосредоточиться исключительно на себе, быть самодостаточными или автономными. Вскоре после этого, в декабре 1995 года, Левинас

*Можно владеть столом,
тарелками и бокалами,
даже окнами, дверями
и стенами, однако само
место не может тебе
принадлежать*

умер, и на похоронах Деррида выступил с прочувствованной надгробной речью. На этом он не остановился и посвятил Левинасу четыре занятия своего семинара, охарактеризовав его как «великого мыслителя о гостеприимстве» и разбирая его мысль о том, что *accueil* — «прием» или, возможно, «открытость» и «восприимчивость» — фундаментален для человеческого бытия: как сформулировал Деррида, «если мне хочется найти прибежище в самом себе, прийти в равновесие внутри себя, я обнаружу, что другой уже там и что я гость этого другого».

Обычно считается, что гостеприимство возникает, когда ты приглашаешь людей в какое-то место — в комнату, в дом, в сад, — которое считаешь своим собственным, но Левинасу не нравилось думать о местах как о чьих-то владениях. Можно владеть едой и питьем, столом, тарелками и бокалами, даже окнами, дверями и стенами, однако само место не может тебе принадлежать — во всяком случае, в том же смысле, что и вещи: «Это моя собственность», потому что, пишет Левинас, «оно уже проявило гостеприимство (*hospitalière*) по отношению к своему хозяину». Более того, если ты приглашаешь к себе друзей в надежде, что их общество доставит тебе удовольствие, ты заключаешь банальную сделку, обменивая одно на другое; подлинное гостеприимство предполагает, что ты открываешь свой дом «чужому», о котором ничего не знаешь, или врагу, которого не можешь простить. Отсюда Левинас выводит

обязанность «дать кров на собственной земле или приютить у себя дома, терпеть присутствие безродных и бездомных даже на “земле предков” — даже на той земле, к которой ты относишься ревниво и любишь до безрассудства». Он имел в виду Израиль, однако мысль его шире: если Кант считал войну естественным состоянием, которое может быть прервано — возможно даже, навсегда — миром, то Левинас рассматривал мир как прямое следствие изначальной взаимности человеческого существования — «дружбы», как он ее называл, которая предшествует эгоизму и «устремляется к другому с желанием и добрыми намерениями». Для Левинаса мир возникает из вечного «приема», который живет в любом месте, даже в необитаемом, и который, заявляет он дальше, по существу своему феминен: «Принимающее par excellence, принимающее само по себе — существо женское».

Деррида хвалил студентам своего покойного друга, заявляя — довольно смело, — что Левинас ниспроверг «устоявшуюся традицию», определяющую самость как «ядро» или «костяк» индивидуального существования, и что он таким образом поставил под сомнение кантовскую идею этики, основанной на «автономии» «свободного субъекта». В то же время он призывал студентов к осмотрительности: то, что Левинаса привлекает «женский характер» человеческого существования, может, и можно рассматривать как часть «феминистского манифеста», однако в меньшей мере это акт «классического андроцентризма», оправданной реакцией на который будет «классический... протест». Более того, Деррида отмечает, что представления Левинаса о фундаментальной взаимозависимости отсылают не к светлому миру любви и дружбы, а к трагическому тупику, а в качестве иллюстрации рассказывает старый анекдот про двух евреев, занимающих противоборствующие стороны в давней междоусобице, которые встречаются в синагоге на Йом-кипур — День искупления, день поста, покаяния и прощения. После службы один просит прощения у другого, говорит: «Желаю тебе того же, чего ты мне желаешь» и слышит в ответ: «Ты опять за старое?» «Непостижимая история», говорит Деррида, и она, похоже, ниспровергает все виды на мирное будущее в «пучину невозможного».

Все беды идут, если верить Деррида, от Канта — как и оттого, что он остается «мыслителем нашей эпохи», который «и сегодня поднимает проблему международного права». Кантовская идея о сообществе наций, приверженных «праву всемирного гражданства» и праву «всеобщего гостеприимства», — часть концептуальной архитектуры нашего времени, в рамках которой предполагается, что вся обитаемая поверхность земного шара разделена между автономными национальными государствами, а каждый из нас должен принадлежать к какому-то из этих государств. (Животные избавлены от этого, отмечает Деррида: еще один поворот винта видовой дискриминации.) Государственные границы могут быть произвольными, изменчивыми, иррациональными, но

мы любим наделять их величием и святостью — теми же величием и святостью, что приписываются кантовскому суверенному «я», — и потом оказываемся перед необходимостью тратить массу политической энергии на разрешение, как выражается Деррида, «ненасытной проблемы» «контроля над иммиграцией».

Кантовский подход к международному праву, заявляет Деррида, ставит нас перед выбором между двумя видами безумия. С одной стороны, есть «безусловная этика гостеприимства», требующая от государств «впускать всех пришельцев до единого», — и пусть даже нам по душе такое отношение, мы прекрасно понимаем, что «никто не собирается всерьез брать на себя такое обязательство». Соответственно, гостеприимство теряет осязаемость, становится «мечтой и утопией», после чего его превращают в «локус, где любовь оборачивается ненавистью». Ласковые и приветливые ксенофобы будут открыто декларировать любовь к иностранцам — за исключением, естественно, тех, чье присутствие посягает на «законы гостеприимства» и кого поэтому надо немедленно вышвырнуть вон. Политику в такой ситуации захватывает «фантазматика реапроприации» — бессмысленная биологическая фантазия, в рамках которой нации пытаются вернуть себе чистоту, избавляясь от всего, в чем им видится скверна, в рамках процесса, который получит впоследствии название «этнических чисток».

Начало этому безумию положила, как утверждает Деррида, Французская революция, сперва провозгласившая «любовь к чужеземцам», а закончившая, как он выражается, «ненавистью к иностранцу... во имя чистоты революции». Тут он приводит в качестве примера историю прусского аристократа Анахарсиса Клоотса, который, наряду с Томасом Пейном, стал иностранным членом Конвента в 1792 году. В апреле 1793 года Клоотс выступает в Конвенте с восторженной речью, заявляет, что слово «иностранец» (*étranger*) — «варваризм», которому не должно быть места в лексиконе цивилизованного человека. «Освобожденное человечество, — провозглашает Клоотс, — уподобится природе, для которой никаких иностранцев не существует, и во всем мире воцарится мудрость». Однако изгнание слов вскоре превратилось в изгнание людей: Конвент предписал иностранцам либо покинуть страну, либо получить официальный «сертификат гостеприимства», который позволит им остаться еще на некоторое время при условии, что они будут носить на руке повязку с вышитым на ней словом *hospitalité*. Через полгода Конвент постановил, что «лица, рожденные в иностранной державе, лишены права представлять французский народ». Пейну удалось бежать, а Клоотса гильотинировали в марте 1794 года. Для Деррида эта последовательность событий говорит о Французской революции «почти всё».

*Кантовский подход
к международному праву,
заявляет Деррида, ставит
нас перед выбором между
двумя видами безумия*

Деррида всегда был в курсе всех новостей. Например, об истории Клоотса он узнал из книги Софи Ваних «Невозможный гражданин», увидевшей свет за несколько дней до этого. Любил он ссылаться и на газетные репортажи — иногда они касались депортации иммигрантов с ВИЧ, но гораздо чаще — кровавых последствий национализма в странах бывшей Югославии, в Чечне, Руанде, Стране Басков и т.д. Откликаясь на смерть Франсуа Миттерана, Деррида напомнил о его работе по предоставлению иностранцам права голоса на муниципальных выборах; позже он задавался вопросами, скажется ли клонирование овцы Долли на концепциях этнической чистоты, а мобильные телефоны — на этикете домашнего гостеприимства, и может ли «демократизация информации», достигнутая благодаря цифровым технологиям, быть поставлена на службу «полиции и политизации».

Убийство Ицхака Рабина, случившееся как раз перед началом семинара, заставило Деррида задуматься об ужасах интродуцированного национализма: «Евреи, разжигающие... неслыханную ненависть по отношению к евреям, ненависть, направленную против абсолютно иностранного иностранца, против ближайшего и самого дорогого».

Деррида говорил, что националисты давно научились рассказывать, что именно их национализму «присуща забота обо всем человечестве» и что поэтому их национализм «совсем не такой, как у других»

Впоследствии он был шокирован тем, что Верховный суд Израиля отменил запрет пыток, планы «создания новых поселений на палестинских территориях» привели его в ужас. Левинаса это обеспокоило бы куда меньше: он всегда рас-

сматривал сионизм как добрейший из возможных национализмов — единственный национализм, требовавший, по его словам, «заботы о чужих, о вдовах и сиротах, вовлеченности в дела других». Деррида не посчитал этот аргумент особенно убедительным, отметив, что националисты давно научились рассказывать, что именно их национализму «присуща забота обо всем человечестве» и что поэтому их национализм «совсем не такой, как у других». Кроме того, он пытался восполнить упущенное Левинасом и поднял вопрос — прекрасно осознавая, какие ограничения накладывает на него незнание языка, — «гостеприимства в исламе», где, как ему представляется, «пребывание дома» наделено совсем иным смыслом (возможно, в силу того что ислам берет свое начало в «номадической традиции»). Волна ненависти тем временем продолжает подниматься. «Меня беспокоит, — говорит Деррида, — то, что может произойти сегодня в Израиле».

Происходящее во Франции волновало его ничуть не меньше. Свобода перемещения внутри Европейского союза была достигнута за счет еще большего ужесточения правил въезда извне, и этим обязательно

A.POLO. Жак Деррида. XXI в.

воспользуются правые расисты во главе с Жан-Мари Ле Пенем. На этом фоне начались аресты по обвинению в «преступлениях гостеприимства» (*délits d'hospitalité*) — другими словами, за предоставление убежища иностранцам, незаконно пребывающим в стране. В то же самое время правительство разрабатывало законопроект, предусматривающий дальнейшие ограничения прав мигрантов, а президент Жак Ширак обвинял своих критиков в «ангелизме»: выступая за «утопический» мир без границ, заявил он, они играют на руку Ле Пену. С точки зрения Деррида, аргумент Ширака был разновидностью «шантажа», который — из опасения спровоцировать еще больший расизм — должен был принудить противников расизма к уступкам в «любых вопросах, связанных с миграцией».

В некотором смысле Деррида был политическим активистом и поэтому не упускал случая рассказать студентам, в каких демонстрациях они могли бы принять участие и какие петиции подписать. Один раз он дал высокую оценку организации, защищавшей рабочих-мигрантов (в ее интересах он написал статью о *délits d'hospitalité*), в другой раз зачитал отрывки из речи, с которой собирался выступить на следующий день на конференции Международного парламента писателей. Она называлась

«Космополиты всех стран, еще одно усилие!» и предлагала создать сеть городов-убежищ, готовых принять подвергающихся преследованию писателей и художников, даже если это будет нарушать правительственные указы. Идея восходит к тексту Ветхого Завета, где говорится о «городах для убежища... для сынов Израилевых и для пришельца и для поселенца между вами» (Числ. 35:15), и Деррида признает, что попытка возродить ее в мире, превратившем «суверенитет» в фетиш, должна казаться «полным безумием»; тем не менее он позволяет себе надеяться, что «испытание государств на прочность» может оказаться «провозвестником подлинного обновления», открыть «новые возможности» и даже показать, как могла бы выглядеть «демократия будущего».

Помимо подобного рода утопических вспышек, представления Деррида о политике были довольно-таки старомодными, пожалуй, даже докантовскими: политика, с его точки зрения, была связана не с созданием нового общества, а с ответами на разного рода конфликты, в которые

Враги политики для Деррида — не столько продажность и злонамеренность, сколько интеллектуальная узость, тупая самоуверенность и отказ от философской рефлексии и осмысления происходящего

нас вовлекает обыкновенный хаос общественного бытия. Исправно работающая политика, по Деррида, создает пространства, в которых враждующие стороны могут вести переговоры и о чем-то договариваться; когда политика перестает работать, «вражда подменяется ненавистью», заполняющей все вокруг себя. В идее о том, чтобы положить в основу политики какие-то принципы — гостеприимство, напри-

мер, или свободу, равенство, братство или моральную добродетель, — есть очевидная привлекательность, однако принципы легко превращаются в догмы, а потом и в поводы для шовинизма, насилия и геноцида. Враги политики для Деррида — не столько продажность и злонамеренность, сколько интеллектуальная узость, тупая самоуверенность и отказ от философской рефлексии и осмысления происходящего.

В философии Деррида тоже был традиционалистом: он воспринимал ее как древнюю дисциплину со своим каноном текстов, простирающимся от Платона и Аристотеля до Канта, Хайдеггера и Левинаса, а его цель как учителя состояла в том, чтобы привить студентам любовь к классике. Время от времени он предлагает полезные краткие пересказы тех или иных книг — например, объясняет, что Левинас рассматривал время не как «последовательность мгновений... а как ответ на что-то... как проблеск надежды во мраке отчаяния», что Хайдеггер воспринимал самость как «движение темпорализации, а не как инстанцию, внешнюю по отношению к темпорализации», а Кант считал Французскую революцию «признаком возможного прогресса в истории человечества». Тем

не менее он не был готов уступить требованиям «голой педагогики», как он выражался, сводящей «тонкие флуктуации» философской прозы к «последовательности шагов или аргументов». Он не любил двигаться прямо, предпочитая петлять «от одного отступления (*digression*) к другому» — или вообще передвигаться перебежками «от трансгрессии к трансгрессии [*смех*]» в надежде, что студенты оценят те моменты, которые иначе могли бы не заметить. Он зачитывал некоторые пассажи, выписывал на доску ключевые фразы, комментируя каждое их слово, приучал студентов следить за хронологией, не доверять переводам, справляться в словарях и находить параллели за пределами философии. Настоятельнее всего он рекомендовал им продолжать читать классику, причем «никуда при этом не спешить».

При всем своем философском традиционализме инноватором Деррида тоже был. Он учил студентов не быть в своем отношении к канону ни проникнутыми благоговением консерваторами, которые защищают старинные сокровища от огня критики, ни снобами, старающимися произвести впечатление, ни рейдерами, выхватывающими из целого корпуса несколько положений и перепрофилирующими их под собственные нужды либо в качестве объектов для насмешек, либо как максимы для личного пользования. Ему хотелось, чтобы они стали изобретательными наследниками, способными сохранять классику живой — на манер театральных режиссеров, переносящих старые сюжеты в новые условия и делающих, например, Шейлока женщиной или Тангейзера гомосексуалом. Он надеялся, что они приучатся улавливать тонкие концептуальные вибрации или мельчайшие словесные смещения, чтобы всегда быть готовыми к надвигающейся катастрофе — как животные заранее знают о скором землетрясении.

Деррида был, наверное, самым известным философом своего поколения, но, как свидетельствуют его опубликованные семинары, в той же мере он был и добросовестным, доброжелательным и неутомимым учителем. Судя по этим текстам, аудитория служила ему мастерской и лабораторией, можно даже сказать — была его интеллектуальным домом, а многие из его публикаций развивали идеи, возникшие на семинарах: читатель, к которому он обращался, был знаком с философским каноном и со всеми прочими упомянутыми там работами и горел желанием вновь обратиться к ним. Деррида не принадлежал к числу профессоров-знаменитостей, готовых забыть о своих студентах, чтобы подготовиться к престижным выступлениям где-то еще, — напротив, он попирал все законы академического гостеприимства, одаривая своих хозяев по всему миру лекциями, взятыми из его текущего семинара, со всеми их «девиациями, деривациями и дигрессиями», которые иной раз продолжались по два или три часа, приводя слушателей в некоторое замешательство.

Муханнад Шоно (Muhannad Shono). Песня тишины. 2024

На своих семинарах Деррида ссылается на множество самых разных авторов и произведений, но почти никогда не говорит о себе и своих сочинениях. Тем не менее однажды он все же позволил себе предаться воспоминаниям. Описывая характерные для Французского Алжира национальные парадоксы (мусульмане там считались французами, не будучи при этом гражданами Франции), он вспоминает, как он сам — как еврей, родившийся в пригороде Алжира, Эль-Биаре, в 1930 году, — во время режима Виши лишился гражданства, а вместе с ним и права ходить в школу. В 1949 году ему удалось поступить в лицей в Париже и пройти суровую философскую дрессуру, чтобы потом — не без поддержки Левинаса — самому стать учителем. Семинар был для него способом передать дальше то, чему он научился: он приглашал своих студентов обратиться к великой традиции «в качестве философов» — в надежде, что «сингулярности, происходящие в нашем мире» станут «для нас если и не более ясными и знакомыми, то хотя бы более мыслимыми».

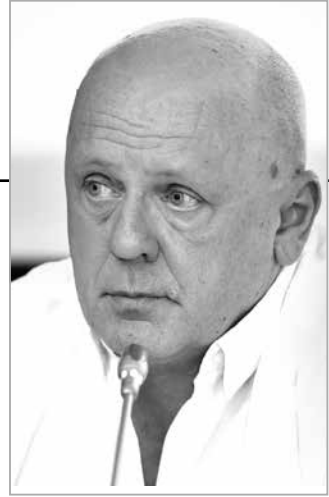
Перевод с английского Ольги Серебряной

«По следам “Стрелы познания” М. К. Мамардашвили» — так назвал доктор философских наук Руслан Лошаков свой курс лекций, который он читает в Риге для слушателей Свободного университета. Публикуем первую, вводную лекцию этого курса.

Разум имеет онтологические границы

Мы начинаем курс, материалом для которого нам послужит книга М. К. Мамардашвили «Стрела познания. набросок естественно-исторической гносеологии». Хотя над этой книгой Мамардашвили работал в течение длительного времени, она была опубликована лишь спустя шесть лет после его смерти под редакцией Ю. П. Сенокосова, близкого друга Мамардашвили.

В отличие от известных лекционных курсов, таких как «Лекции о Прусте», «Кантианские вариации» или «Эстетика мышления», которые были предназначены для широкой аудитории и в которых мысль Мамардашвили развивалась в интенции на восприятие ее слушателями и поэтому достигала максимальной ясности и законченности, работа над «Стрелой познания» шла в молчаливом диалоге мыслителя с самим собой, отмеченном колоссальным внутренним напряжением языка и мысли, когда мысль пытается выразить себя в языке, а язык чувствует свое бессилие в том, чтобы полностью вобрать в себя мысль. По этой причине «Стрела познания» исключительно сложна для понимания. Тем более что текст *СП* не целостен, а разбит на отдельные параграфы, между которыми имеется масса внутренних отсылок, в совокупности образующих внутреннюю структуру текста, выявление которой становится отдельной и довольно трудной задачей. Следует также отметить чрезвычайно сложный синтаксис этой работы. Высказывая какую-либо мысль, Мамардашвили тут же ее уточняет и комментирует, вследствие чего структура предложения становится многосоставной, разграниченной внутренними скобками, заключающими в себе либо уточняющие, либо корректирующие главную мысль высказывания. Поэтому чтение такого текста требует

*Руслан Лошаков,
философ*

от читателя большого и неослабного напряжения. Чтение *СП* вообще является исключительно трудным чтением. Всем этим объясняется то обстоятельство, что в корпусе произведений Мамардашвили *СП* занимает не просто особое, а маргинальное положение. Действительно, *СП* стоит особняком, к ней редко обращаются даже те, кто интересуется творчеством Мамардашвили. Разумеется, лекционные курсы Мамардашвили тоже сложны и тоже требуют непрерывных усилий для их понимания. Однако сложность *СП* совсем иного порядка: ее текст следует рассматривать, скорее, как *совокупность следов мысли*, между которыми, несомненно, имеется глубокая связь, и поиск этой связи порой похож на работу по дешифровке таинственного сообщения. Каждый такой след представляет собой своего рода *аббревиатуру мысли*.

Однако именно здесь нас подстерегает первая серьезная опасность. Встречаясь с текстом, требующим от нас чрезвычайных усилий для его понимания, мы склонны избрать стратегию полного погружения в текст, предельно ограничив себя его диапазоном. Возможно, такая стра-

Понимание философского текста всегда является событием мысли, поскольку мысль из самого текста непосредственно не вычитывается

тегия вполне оправдана, если речь идет о лингвистическом или даже филологическом его прочтении, но она становится контрпродуктивной в том случае, если мы имеем дело с философским тек-

стом, понимание которого возможно лишь в форме наших собственных ответов на поставленные в нем вопросы. Понимание философского текста всегда является *событием мысли*, поскольку мысль из самого текста *непосредственно не вычитывается*. Простая же рецепция мысли и ее последующее воспроизведение никоим образом не являются событием мысли, т.е. мышлением как таковым. Разумеется, философский текст должен быть прочитан, однако та задача, которую он перед нами ставит, а именно задача *мыслить текст*, сразу же помещает нас в определенную позицию *в отношении текста*, которую невозможно обрести внутри самого текста. Эту позицию мы можем назвать *экстопией*, что является лишь более экономным выражением того, что М. М. Бахтин называл «внеаходимостью».

Очевидно, нужно сразу же пояснить, что под экстопией-внеаходимостью следует понимать такую позицию, которую *невозможно определить содержательным образом*, которая в некотором смысле внеположна любому содержанию. Пока это выглядит лишь сугубо умозрительным предположением, так что мы постараемся подыскать для пояснения сказанного какой-либо очевидный для всех пример. Таким примером для нас будем мы сами. Каждый человек существует одновременно на различных уровнях и предстает в различных ипостасях, прежде всего в своем телесном облике, а также в том психическом своем выражении,

которое зовется личностным началом. Но исчерпывается ли человек своим наличным телесным или психическим составом? Попробуем подойти к себе со стороны нашей телесной организации, данной в самоаффектации нашего тела. Я имею здесь в виду то, что тело является не просто органом, обеспечивающим наше взаимодействие с вещами окружающего нас мира, ибо, помимо аффектации как результата воздействия этих вещей на нашу телесность, тело способно аффицировать само себя. Другими словами, каждый из нас обладает телесным самоощущением: рука чувствует себя рукой, причем правая рука чувствует себя именно правой рукой, а левая — левой, ноги ощущают себя ногами, а голова — головой. Вместе с тем, если мы позволим себе вдуматься в эту имманентность самоощущения, которую замечательный французский феноменолог Мишель Анри называл *самоаффектацией жизни*, то мы сразу почувствуем присутствие в этой имманентности некоего иноприродного ему начала, которое не позволяет нам полностью раствориться в телесности именно в силу того, что само оно не может быть телесно пережито. Это можно выразить таким образом, что мы всегда существуем *в некоем отношении к самим себе*, причем это отношение не может быть представлено исключительно на уровне тела и его аффектов. В нашем отношении к себе мы как бы существуем *вне себя*, представляя себя, оценивая себя, рассматривая себя как бы *со стороны*, каким-то посторонним зрением. Каждый из нас обладает каким-то *видением самого себя*, которое не относится к разряду визуальных эффектов. Более того, самоаффектация тела возможна лишь в открытости этого «вне себя», иначе о ней нельзя было бы вообще ничего сказать. Представить себе что-либо можно лишь на определенной дистанции от представимого, тогда как имманентность самоощущения не включает в себе никакой интенции выхода за свои пределы. Самоощущение всецело замкнуто на само себя, в то время как отношение к себе предполагает дистанцирование от себя. Получается, что в нашем непосредственном существовании мы располагаем позицией экстопии, являющейся необходимым условием нашего отношения к самим себе. Излишне говорить поэтому, что позиция экстопии, выявленная нами на телесном уровне нашего существования, может быть продемонстрирована и на его психическом уровне, поскольку и там и здесь наше существование характеризуется принципиальной *избыточностью* в отношении любого содержания, как телесного, так и психического. Эта избыточность принципиально нередуцируема, вследствие чего ее невозможно представить в терминах и категориях какого-либо *знания*. Всякое знание, начиная с простого обобщения обыденного опыта и заканчивая предельными теоретическими идеализациями, релевантно лишь в отношении того или иного содержания нашего обыденного или научного опыта и не может включать в себя то, что выходит за пределы любого содержания.

Таким образом, вводя этот термин — экстопия, — мы касаемся глубокой загадочности мысли как таковой, которая всегда дана в оболочке текста, хотя при этом она *существует вне текста*. Текст есть *плоть мысли*, но при этом мысль не сводится к тексту. Поэтому в мышлении мы всегда выходим за границы текста как изначальной данности, и, напротив, ограничивая себя рамками текста, мы утрачиваем ту позицию вненаходимости, которая является необходимым условием мышления. Поэтому в противовес выдвинутому Жаком Деррида центральному и скандальному тезису деконструкции, который гласит: «Нет ничего вне

Текст есть плоть мысли, но при этом мысль не сводится к тексту

текста», мы можем сказать, что мысль и есть подлинная *внетекстовая реальность*. В силу этого тщетны все попытки вычитать мысль непосредственно из текста, применяя к нему методы филологического анализа либо каким-то образом его «деконструируя».

Соответственно, не может идти никакой речи об «интертексте», к которому будто бы отсылает исходный текст, но который, в свою очередь, сам является текстом, возможным лишь в диапазоне очередного интертекста, и т.д., так что никогда мы не имеем дела с внетекстовой реальностью как таковой. Повторяю: именно мысль есть внетекстовая реальность, обозначением которой выступает экстопия как *позиция в отношении текста*, сама при этом не включенная ни в какой интертекст. В силу этого экстопия есть сама возможность подлинного диалога с мыслителем как автором философского текста.

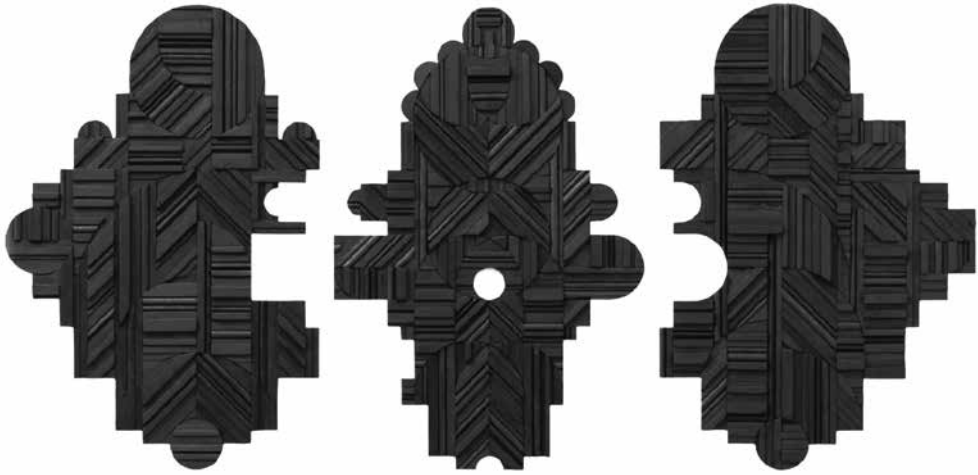
Однако, говоря о диалоге, следует старательно избегать каких-либо психологических коннотаций, ибо подлинный диалог ни в коем случае не является ни психологическим вчувствованием в состояние другого

Экстопия есть сама возможность подлинного диалога с мыслителем как автором философского текста

человека, ни похвальным намерением проявить широту своего кругозора и «принять во внимание» иную точку зрения на предмет, отличную от нашей собственной, ни столь известным нам «обменом мнениями», к которому зачастую сводятся научные или политические дискуссии. Мы и сами, опираясь на свой личный опыт, знаем, что такого рода «диалог»

ни к чему не приводит, что каждый из его участников остается *при своем* и его не может сдвинуть никакая аргументация, сколь бы неопровержимой она нам ни казалась. Диалог невозможен, пока мы остаемся *при своем*, обретая в этом «своем» непоколебимую позицию в мире. В самом деле, кого и когда хоть в чем-то убеждали рациональные доводы, если речь идет о том, что мы считаем своим, родным, собственным? С этим «своим» мы никак не можем расстаться, с ним не в силах справиться никакая логика. Однако то, что не под силу логике, — разбить или хоть как-то поколебать монолитную устойчивость «своего», — способно произвести в нас нечто такое, что, казалось бы, не имеет никакого отношения

Лаура Лаппи (Laura Lappi). Энигма. 2023

ни к разуму, ни к логике. К примеру, любовь, которая, как известно, всегда нечаянно приходит, когда ее совсем не ждешь. Любовь вовсе не есть нечто такое, что каким-то образом происходит *со мной*, вроде тех счастливых или печальных событий, которые то и дело случаются с нами, образуя колорит нашей жизни, не меняя, однако, ее состава. Любовь не происходит со мной, она *приходит ко мне*, и в этом смысле она всегда является событием прихода в нашу жизнь чего-то *другого*, что и выталкивает нас из собственной нашей идентичности, выводя за круг всего того, что почитается нами «своим». В предельном смысле любовь является *опытом Другого*, который невозможно обрести в ориентации лишь на свое собственное, тем более что такая ориентация всегда является скрытой или явной претензией на власть как на включение всякого другого в орбиту «своего». Отказываясь от «своего», любовь свободна как от похоти власти, так и от неизбежно сопутствующих ей гордыни, ревности, злых помыслов. Именно об этом сказано в том гимне любви, который мы находим в 13-й главе Первого послания к коринфянам апостола Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, *не ищет своего*, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине».

В предельном смысле любовь является опытом Другого, который невозможно обрести в ориентации лишь на свое собственное

Почему мы заговорили о любви, если до сих пор разговор у нас шел о мышлении как внетекстовой реальности? Однако разве мышление, о котором мы говорим, не есть сама философия? И разве философия не

является любовью к мудрости, а мудрость, в свою очередь, тем самым сорадованием истине, о котором говорит апостол Павел? Скажем поэтому, что подлинный диалог движим стремлением к истине, которое, коль скоро оно исключает позицию «своего» собственного, всегда означает встречу с другим и принятие другого. Диалог есть *совместность мышления*, а само мышление возможно лишь в направленности к истине. В противном случае мы имеем лишь имитацию мышления, которая предстает перед нами в явлении философической риторики, а также в разнообразии всякого рода «дискурсов». Технической реализацией этой имитации мысли можно считать «искусственный интеллект». Однако та встреча с другим, которая возможна лишь в совместности мышле-

Цель и замысел настоящего курса – встреча с Мамардашвили в том диалоге с ним, который является событием мысли

ния, есть *событие*, то есть нечто такое, что не может быть заранее рассчитано, предугадано, планируемо и что поэтому невозможно вывести из наличных, уже имеющихся обстоятельств.

Исходя из этого, мы можем с большей для себя ясностью определить цель и замысел настоящего курса.

Такой целью является *встреча с Мамардашвили* в том диалоге с ним, который является событием мысли. Однако поскольку мысль, как уже было сказано, является внетекстовой реальностью, то такая встреча не может состояться, если мы априори ограничиваем себя задачами герменевтики текста, разбором его смысловых блоков, отслеживанием его явных или скрытых источников, выяснением многообразных влияний и филиаций. Всякого рода текст представляет собой наличную данность. Так и текст *СП* находится перед нами в виде книги объемом в триста страниц, разбитый на 160 параграфов, которые можно читать последовательно, друг за другом, или выборочно, обращая внимание на те места, которые нам кажутся наиболее важными или интересными. Но коль скоро, как только что было сказано, событие невозможно вывести из уже данных, наличных обстоятельств, то и мысль невозможно вычитать из текста. Мысль априори превышает масштаб текста, отчего сам текст становится понятен нам только в том движении выхода за его рамки, которое и есть мысль как таковая. При этом всякий значимый философский текст (а в нашем случае текст *СП*) представляет собой большую и плотную массу, и как в физическом мире всякая большая масса создает вокруг себя поле гравитации, так и текст окружен полем ближайшего *контекста*, который как бы является его собственным гравитационным полем. В этом поле обитают контекст-анализ и деконструкция с присущими им стратегиями *прочтения текста*. Следовательно, мысль всегда сопряжена с огромным усилием, которого должно быть вполне достаточно для того, чтобы преодолеть притяжение текста, оставив позади себя уровень его интерпретаций, подобно тому как ракета должна иметь достаточный запас топлива, чтобы она смогла преодолеть притяжение Земли.

Всякие физические аналогии, будучи очень привлекательны по причине их наглядности, тем не менее способны увлечь нас на ложный путь, вследствие чего нужно пользоваться ими очень осторожно. Это относится и к нашей аналогии с ракетой, которая, прежде чем преодолет притяжение Земли, нуждается в ней как точке опоры. Однако мысли не на что опереться. Мысль экзотична в отношении любого своего содержания и не находит в мире никаких предметных соответствий, которые и послужили бы ей такой опорой. Вместе с тем именно это отсутствие всякой опоры и вводит нас в ту совместность мышления, которую мы называем диалогом. Нет и не может быть никакого континуального перехода от текста к мысли. Началом мысли является *разрыв* с любым содержанием, будь то содержание текста или содержание нашего опыта. Этот разрыв мы называем *парадоксом*. Поэтому встреча с Мамардашвили возможна не в поле ближайшего контекста СП, а лишь в пространстве мысли, куда нас вводит *онтологический парадокс мышления*, который мы можем сформулировать следующим образом: *никакой акт мышления не вытекает из природы мыслимого*. Другими словами, ничто в природе вещей, образующих окружающий нас мир, не указывает на то, что этот мир может быть каким-то образом нами мыслим. Мышление предстает здесь вовсе не как нечто такое, что вполне объяснимо через исследование его натуральных оснований — этим, собственно говоря, и занимается научная психология и примыкающая к ней «теория познания», — а как *чудо*. И если философия, по словам Аристотеля, началась с удивления, то таким удивлением и стало само мышление как способность постижения мира, сама из мира не вытекающая и никак из него не объяснимая. Мы должны теперь по возможности более ясно представить этот парадокс, что потребует от нас обращения к базисным понятиям феноменологии Эдмунда Гуссерля, с которой мысль Мамардашвили находилась в напряженном и очень сложном диалоге. Так, уже во Введении к СП Мамардашвили говорит: «В определенном смысле моя позиция противоположна или обратна гуссерлевской...»

Разумеется, речь здесь идет вовсе не об отбрасывании феноменологии Гуссерля, а, скорее, лишь о достижении такого ее предела, за которым нам открывается иное измерение феноменологии, возможно сокрытое от самого Гуссерля.

Мы начнем с констатации того факта, что все мы изначально являемся заложниками наивной онтологии, определяемой Гуссерлем в качестве «естественной установки сознания».

*Мысли не на что опереться.
Началом мысли является
разрыв с любым содержанием*

*Все мы являемся
заложниками наивной
онтологии, определяемой
Гуссерлем в качестве
«естественной установки
сознания»*

онтология заключается в некритическом убеждении, что вне нас существует мир вещей, локализованных во времени и пространстве, представления о которых формируются в нас через воздействие этих вещей на нашу чувственность. Мы получаем представления о вещах вне нас через визуальный, акустический, тактильный контакт с ними, и уже затем на основе этих чувственных представлений появляются те сложные синтезы, которые мы и называем мышлением. Такое представление может быть названо также *двумерной онтологией*, в которой та или иная предметная реальность *дублируется в сознании*, так что, с одной стороны, мы имеем мир вещей, существующих *вне* нашего сознания, а с другой — дубликаты этих вещей, обитающих *в* сознании в виде их ментальных отображений. В целом нельзя сказать, что такая онтология является ложной. Она не ложна, а лишь *наивна*, ибо в ней остается сокрытым третье измерение нашего опыта мира и нашего собственного присутствия в мире, выявление которого и становится делом феноменологии. Так, высказывая элементарное положение дел, к примеру: «На столе лежат книги», мы убеждены, что само это высказывание является простой рецепцией наблюдаемого нами положения дел во внешней для нас предметной реальности. Однако такое убеждение в действительности является не чем иным, как *онтической верой*, присущей той самой «естественной установке», находясь в которой мы всецело поглощены окружающим нас миром, пребывая в бесконечном круговороте вещей. В этой установке мы воистину являемся заложниками мира, выделяющимися из него лишь нашей большей рецептивной способностью отвечать на воздействия вещей, которую мы наивно принимаем за мышление. Наивность естественной онтологии обнаруживается в практике *феноменологической редукции*, выполнение которой обеспечивает переход из естественной установки сознания в установку феноменологическую, где нам и открывается *третье измерение* нашего присутствия в мире, до сих пор сокрытое в наивной двумерной онтологии. Речь идет о методическом приеме подвешивания реальности, когда мы как бы заключаем в скобки существование мира, воспрещая себе выносить суждения о реальности тех предметов, с которыми мы имеем дело. При этом феноменологическая редукция вовсе не принадлежит тем *играм воображения*, которым мы порой предаемся, представляя себе, что окружающий нас мир является всего лишь иллюзией нашего сознания и что за нашими восприятиями и представлениями не стоит никакой внешней реальности. Пример такой игры воображения мы находим в трилогии Льва Толстого «Детство. Отрочество. Юность», где ей предается Николенька Иртеньев, главный герой этой повести:

«Я воображал, что, кроме меня, никого и ничего не существует во всем мире, что предметы не предметы, а образы, являющиеся только тогда, когда я на них обращаю внимание, и что, как скоро я перестая думать о них, образы эти тотчас исчезают. <...> Были минуты, что я, под

влиянием этой *постоянной идеи*, доходил до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался в противоположную сторону, надеясь врасплох застать пустоту (*néant*) там, где меня не было».

Однако, выполняя феноменологическую редукцию, мы вовсе не сводим мир к состояниям нашего сознания, а, напротив, *открываем сознание как особое измерение самого мира*. Сознание не предстает миру, будто бы данному сознанию как внешняя ему реальность, но оно неким образом *уже* в мире, однако так, что *мир никогда не совпадает с собой* и, следовательно, никогда не может быть нам дан как исчерпывающая в своем наличном составе реальность. Это довольно сложный тезис, пояснение которого потребует от нас в будущем значительных усилий. Поэтому мы пока

*Выполняя феноменологическую
редукцию, мы открываем
сознание как особое измерение
самого мира*

лишь ограничимся той констатацией присутствия сознания в мире, каковой является понимание сознания как *интенциональности*, согласно которому акты сознания, к которым мы относим не только мышление, но также акты представления, восприятия или воображения, всегда направлены на то или иное предметное положение дел. Другими словами, не существует пустого сознания, т.е. *сознания ни о чем*. Поэтому если бы Николенька Иртеньев, быстро оглянувшись, вдруг увидел бы за собой не стол, не шкаф или не картину на стене, которые он привык всегда видеть на этом месте, а пустоту, то это и стало бы свидетельством изначальной пустоты сознания, которое, оставаясь сознанием, *задним числом* отражает в себе, как в зеркале, реальность внешнего мира. В этом случае мы обитали бы в поистине магическом мире, где вещи возникали бы из пустоты лишь в тот момент, когда мы обращаем на них наше внимание, и тотчас вновь рассеивались бы в ней, как только наше внимание их покинуло, обратившись к другим вещам. Однако подобная ситуация невозможна, поскольку сознание есть всегда *сознание чего-либо*, так что в любом акте сознания всегда уже дан предмет как содержание этого акта. Интенциональность сознания должна быть понята таким образом, что предмет сознания не возникает *из пустоты* вместе с направленным на него актом сознания, но что он неким образом *всегда уже дан сознанию*. Эту данность предмета сознанию Гуссерль называет *смыслом*. Таким образом, всякий акт сознания является, согласно Гуссерлю, *актом смыслопридания*. Смысл не рецепируется нами из предмета, как в этом убеждает нас наивная онтология, — напротив, предмет *наделяется смыслом* в акте направленного на него сознания.

Здесь, чтобы пояснить сказанное, нам следует снова обратиться к конкретике нашего опыта, тем более что такое обращение соответствует духу феноменологии и ее целям, озвученным самим Гуссерлем в его призыве: «*Zu den Sachen selbst!*» Возьмем в качестве примера восприятие нами звезды на ночном небе. До тех пор, пока мы находимся

в естественной установке сознания, акт восприятия звезды понимается нами как рецепция этого предмета нашим зрением с последующим представлением его *в сознании*. Но давайте поставим перед собой простой и в то же время очень сложный вопрос: что мы действительно

Всякий акт сознания является, согласно Гуссерлю, актом смыслопривидания. Таким образом, звезда есть не предмет, а смысл, которым сознание наделяет чувственную материю нашего опыта

видим, когда рассматриваем яркую звезду на ночном небосводе? Непредвзятое размышление над этим вопросом тотчас покажет нам, что мы видим лишь светлую точку на темном фоне, которую мы наделяем смыслом, когда утверждаем, что видим *звезду*. Таким образом, звезда есть не предмет, магическим образом транслируемый в сознание, а смысл, которым сознание наделяет чувственную материю нашего опыта, каковой является светлая

точка на темном фоне. Скажем поэтому, что *смысл не детерминирован предметом*. Открывающаяся здесь онтологическая *необусловленность* смысла является самой возможностью практики феноменологической редукции, когда мы заключаем в скобки предмет, получая в виде остатка смысл предмета, экспликация которого уже не нуждается в его отсылке к каким-либо натуральным основаниям. Возвращаясь к нашему примеру с восприятием звезды, скажем, что ее восприятие является не ментальным (и моментальным) отражением звезды как факта мира в нашем сознании, а сложным актом, в котором восприятие предмета неотделимо от смысла, которым сознание его наделяет, но который сам предмет из себя не индуцирует. Сознание не фиксирует задним числом факт наличия звезды в мире, ибо оно уже каким-то образом задействовано в восприятии того, что мы называем «звездой на ночном небе», а не просто светлой точкой на темном фоне. Все это говорит о том, что сознание входит в состав мира, но так, что при этом оно не совпадает с его наличной данностью. Сознание есть онтологическое различие в самом мире, и в дальнейшем мы назовем это различие *событием*.

Подводя краткий итог, скажем, что феноменологическая редукция расщепляет естественную слитность предмета мышления с мышлением предмета и тем самым подрывает основание нашей онтической веры в соприродность мышления и мыслимого. Открываемое при выполнении феноменологической редукции поле чистых смыслов является *сферой сознания*. Разумеется, мы никоим образом не должны рассматривать сферу сознания как некое ментальное отражение вещей и явлений окружающего нас мира в понятиях и категориях мышления. Коль скоро феноменологическая редукция расщепляет естественную слитность мышления и мыслимого, то сфера сознания выступает как такое *измерение мира*, которое, если воспользоваться одним из ключевых терминов самого Мамардашвили, будет *трансверсально* в отношении вещей

и фактов, образующих область как нашего обычного опыта, так и естественных наук. Соответственно, здесь уже не действуют те практики и нормы мышления, которые сформировались в естественной установке. Так, мы знаем, что естествознание невозможно без нормы каузального объяснения, требующей от нас возведения того или иного явления к породившему его основанию. К примеру, когда мы объясняем цвет растений воздействием световой энергии, то такое объяснение вполне законно в рамках естественной установки, поскольку оно описывает каузальные отношения *внутри* предметного мира. Однако, выводя принцип каузальности из области отношений между вещами и распространяя его на отношение мышления к вещам, или, другими словами, полагая мышление чем-то *производным от мыслимого*, мы не только попадаем во власть онтической веры, но и ставим мышление и мыслимую в его актах ту или иную предметную данность в совершенно превратное и ложное отношение. Открывающаяся нам в практике феноменологической редукции *онтологическая*

*Такова экспозиция
онтологического парадокса
мышления, согласно которому
никакой акт мышления
не вытекает из природы
мыслимого*

необусловленность мышления властно воспрещает нам понимать отношение мышления и мыслимого по образу отношений между вещами, трактуя мышление в качестве того, что производно от мыслимого как его причины: *нет и не может быть никакого каузального отношения между мышлением и его предметом*. В этом смысле мышление изначально, отчего не существует таких начальных условий мышления, исходя из которых можно было бы представить его исчерпывающий генезис. Объяснение внутримирных обстоятельств протекает в актах мышления, однако невозможно объяснить само мышление, выводя его акты из внутримирных обстоятельств. Такова экспозиция онтологического парадокса мышления, согласно которому никакой акт мышления не вытекает из природы мыслимого. Принимая этот онтологический парадокс мышления в целом, не пытаясь обойти его при помощи логической казуистики, мы получаем возможность увидеть в истинном свете проблему «начальных условий», как она формулируется в современной космологии. Разговор об этом еще впереди, но уже сейчас мы можем сказать, что коль скоро мышление невыводимо из каких-либо начальных условий, то если мы мыслим, то уже мыслили.

В этом контексте, поскольку целью нашего курса является диалог с Мамардашвили, возможный, как уже было сказано, не в пространстве текста, а в совместности мышления, следует дать слово самому Мамардашвили. Я приведу одно место из параграфа 48а *СП*, где Мамардашвили рассуждает о начальных условиях мышления: «...чтобы могло начаться естественно-историческое понимание и изучение мыслительных явлений, из начальных условий последних должны быть устранены всякие

натуральные представления их предметов (всякое нечто, известное им свойственное «само по себе», в силу положения, в силу различающих и идентифицирующих «скрытых сил», «качеств», «способностей» и тому подобное). Лишь то можем допускать, что можем породить на собственной, созданной основе».

Сразу же сделаем такое пояснение, что под «естественно-историческим пониманием» Мамардашвили вовсе не подразумевает какого-

*Именно так, заключая
в феноменологические скобки
все натуральные основания
мышления, феноменология
открывает доступ
к подлинной жизни
сознания*

либо естественно-научного исследования процессов мышления вроде тех, которые нам ныне предлагает нейробиология, усматривающая в мозге специфический орган мышления и рассчитывающая через изучение нейронных структур мозга подойти к описанию процессов мышления в строго научных терминах. Собственно говоря, всякий естественно-научный подход к мышлению априори подводит под

него некий натуральный субстрат, полагая мышление свойством этого субстрата, т.е. *эпифеноменом*, разъяснить который возможно путем его возведения к данному натуральному основанию. Феноменологическая редукция, устраняя все натуральные основания, является в этом смысле подлинным *апофеозом беспочвенности*. Однако именно так, заключая в феноменологические скобки все натуральные основания мышления и все его предметные соответствия, устраняя натуралистический предвзгляд, усматривающий в сознании магическое зеркало, каким-то непонятным образом отражающее в себе внешнюю ему предметную реальность, феноменология открывает доступ к подлинной жизни сознания. Акты сознания — это не эпифеномены какого-либо субстрата, выступающего в отношении этих актов в виде *скрытых качеств* или *скрытых параметров*, так что полный анализ этого субстрата окончательно развеял бы загадку сознания. Так, мозг, который, по убеждению многих, является материальным субстратом сознания, можно рассматривать в качестве типичного примера «черного ящика»; считается, что, воспринимая идущие из мира воздействия, мозг перерабатывает эти внешние импульсы в представления вещей, продуцируя из себя различные акты сознания. Однако проблема заключается здесь в том, что между *входом*, откуда в мозг поступают идущие от вещей материальные воздействия, и *выходом* из него тех или иных актов сознания остается темная, непроницаемая для анализа зона, наличие которой не дает ответа на принципиальный вопрос: каким именно образом воздействия внешнего мира преобразуются в акты сознания? Поэтому, рассматривая акты сознания как производное от неких идущих к мозгу внешних воздействий, мы неизбежно вводим в наши представления о сознании скрытые параметры.

Ина Воронцова. Horror vacui (Боязнь пустоты). 2023

Здесь можно привести уже отнюдь не поверхностную аналогию с ситуацией в квантовой механике, в которой, как известно, мы вынуждены отказаться от жесткого детерминизма, полагающего, что события в мире связаны между собой однозначно каузальным образом. Критики квантовой механики, в числе которых был и Альберт Эйнштейн, исходили из того, что вероятность квантово-механического описания объясняется его неполнотой, связанной с тем, что нам остаются неизвестными

некие скрытые параметры, определение которых сразу же устранил вероятностный характер квантовой механики, сделав описания субатомных явлений столь же точными и однозначными, как в классической физике. Однако проблема скрытых параметров в квантовой механике была полностью решена в 1960-х годах, когда вместе с доказательством невозможности их допущения была обоснована полнота квантовой механики.

Отметим в заключение нашего разговора ту любопытную метаморфозу, которую на протяжении нескольких столетий европейской истории претерпевало понятие сознания, берущее свое начало от Декарта и Локка. Становление новой науки в трудах Галилея и самого Декарта

*Радикальным средством
избавления от всех
скрытых качеств и стало
картезианское разделение
сознания и протяжения*

происходило в ожесточенной борьбе с перипатетической теорией «скрытых качеств», при помощи которых схоластическая физика разрешала для себя проблему движения и объясняла ряд качественных метаморфоз вещей. Так, способность тела к движению в отсутствие его контакта с двигателем объяс-

нялась наличием движущей силы — импетуса как присущего самому телу качества, проявляющегося лишь в момент его движения. Некоторые из этих скрытых качеств благополучно пережили творцов новой науки. Так, еще в XVIII веке химики объясняли процесс горения наличием в телах такого скрытого качества, как флогистон, а физики пользовались понятием теплорода, при помощи которого они объясняли нагревание тела. Радикальным средством избавления от всех скрытых качеств и стало картезианское разделение сознания и протяжения. В самом деле, если мы полагаем между сознанием и миром реальное различие, вынося сознание из мира, то в результате такой операции мир сводится к чистой протяженности, а всякое тело предстает как конфигурация пространства, аналогом которой может служить механическая модель. Ведь механизм есть агрегат частей, между которыми имеется исключительно пространственное различие, так что эти части соотносятся между собой сугубо внешним образом. Механизм можно определить как целое, в точности равное сумме его частей. Поэтому разбор механического целого на части никогда не даст нам в остатке чего-то такого, чему мы не сможем подыскать наименования, безмолвно замерев перед загадкой его природы. В механизме нет и не может быть никаких скрытых качеств! Таким образом, картезианское различие между сознанием как *res cogitans* и миром как *res extensa* явилось основанием новой физики, в представлении которой из мира исключены все скрытые качества, а описание мира полностью изоморфно самому миру. Однако затем начинается постепенный процесс *натурализации сознания*. Так, уже у Локка сознание обретает психологическую плотность и становится *гносеологическим субъектом*, полагаемым в основание *теории познания*. В конечном

счете таким субъектом становится человек как *носитель сознания*, а само сознание начинает трактоваться в психологических и физиологических терминах, относящихся к природе человека. Здесь совершается поразительная метаморфоза понятия сознания, о которой я упомянул в самом начале. Сознание, будучи изначально введено в целях изгнания из мира всех скрытых сил и качеств, само проникается этими скрытыми качествами, когда в описание сознания вводятся такие понятия, которые не могут быть элементами никакого сознательного опыта и нуждаются в их отсылке к скрытым натуральным основаниям. Я уже говорил, что *представление о сознании как функции мозга неизбежно включает в себя представление мозга как «черного ящика»*, в котором процесс перекодировки внешнего воздействия в представление этого воздействия в мысли остается для нас полностью непроницаемым.

*Представление о сознании
как функции мозга
неизбежно включает в себя
представление мозга
как «черного ящика»*

Подводя итог этого разговора, скажем, что феноменология представляет собой не что иное, как *денатурализацию сознания*. Более того, такая денатурализация сознания есть вместе с тем и его *дегуманизация*, ибо сознание не может быть сведено к человеку, понимаемому в качестве психофизического существа. Но поскольку так понимаемый человек является еще и субъектом классической, идущей от Локка теории познания, то очевидно, что теория познания, равно как и примыкающая к ней *эпистемология* как теория научного знания, содержит в себе в качестве не критических допущений определенную совокупность скрытых качеств, выявление которых должно стать задачей феноменологической критики познания. В «Стреле познания» Мамардашвили мы находим именно такую критику, в строгом и специфическом смысле представляющую собой *глубинную эпистемологию*, которая через выявление полагаемых в основание теории науки скрытых и неочевидных презумпций выводит нас к онтологии свободного действия.

Материалы «круглого стола», посвященного А. Д. Сахарову*

Политик или пророк?

Ведущий. Выступая на похоронах Андрея Дмитриевича, Д. С. Лихачев сказал, что Сахаров был пророком в древнем, исконном смысле этого слова. Казалось бы, очень высокая оценка. Но многие извлекают из нее и определенный негативный смысл. Даже среди людей, которые относились к нему хорошо, бытовало такое мнение: Сахаров — человек очень честный и искренний, но он не политик, и те предложения, которые он выдвигает, в реальной жизни воплощены быть не могут. Эти взгляды в некоторой степени сохраняются и сейчас. Согласно точке зрения, представляющей другую крайность, Сахаров, наоборот, был великолепным политиком, он очень точно рассчитывал все варианты развития событий, и потому нужно неукоснительно следовать каждому его слову.

Какая же из этих двух позиций ближе к истине? Если вопрос предельно заострить, он будет звучать так: Сахаров — политик или пророк?

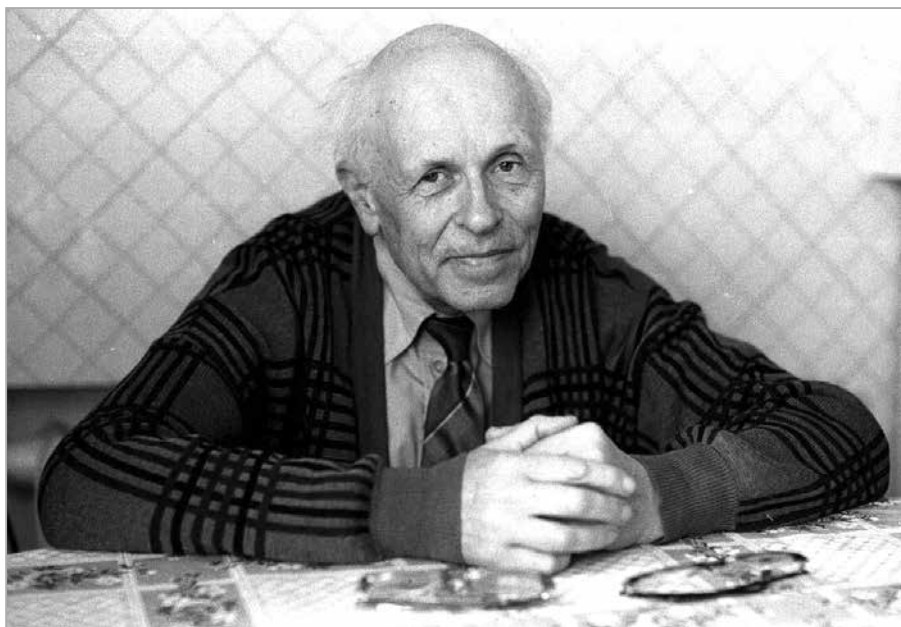
В. В. Журкин. Не знаю, можно ли однозначно сказать, что Андрей Дмитриевич был политиком, но что наряду с научным подходом в его мышлении проявляется и политический — это несомненно. <...> Для политической концепции академика Сахарова характерны именно гуманизм, приоритет общечеловеческого. Но тем не менее, что отличает политика? Как мне кажется, способность сочетать благородство целей с реализмом в выборе средств их достижения. И если, например, взять его анализ стратегической ситуации или подходы к различным сценариям применения ядерного оружия, то здесь явно говорит очень конструктивно мыслящий политик в самом высоком смысле этого слова.

С. А. Ковалев. Андрей Дмитриевич постоянно чувствовал свою личную ответственность за происходящее и старался разобраться в проблеме, которую считал важной, настолько профессионально, насколько мог. А после этого от своих выводов не отступал, не беспокоясь о том, кто что подумает. <... >

Л. А. Шелепин. На мой взгляд, Андрей Дмитриевич не был ни политиком, ни пророком — он был прежде всего ученым. И его «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» начинаются именно с тезиса, что научные методы должны быть внесены

* <https://sakharov.redis.tv/lib/volnomyslie-materialy-kruglogo-stola-posvyashchennogo-a-d-saharovu>

Полный вариант см: Вольномыслие. «Круглый стол» с участием В. В. Журкина, С. А. Ковалева, М. К. Мамардашвили, Б. Н. Топорнина, Л. А. Шелепина // Природа. 1990. № 8. — С. 81–103.

и в политику, и в общественные науки. <...> Кроме того, насколько я могу судить, важной особенностью подхода Андрея Дмитриевича являлся диалог. С ним можно было спорить, не соглашаться, он никогда не навязывал своих взглядов, и в ходе дискуссий они могли меняться, совершенствоваться. Таков был его метод анализа, тоже научный метод. Он не боялся пересматривать свои взгляды и этим сильно отличался от многих политиков, которые, раз высказавшись, уже ни за что не изменят свою позицию. И в этом отношении у него был научный подход. <...>

М. К. Мамардашвили. Я не могу принять саму постановку вопроса. Мне вообще непонятно, что такое политика, вернее, что политики называют политикой и как они сами себя воспринимают, и как затем под их внушением воспринимаем политику мы. Политикам кажется, что политику делают они. Думаю, вся жизнь и деятельность Сахарова доказывают, что они заблуждаются. Ведь политика существует там, где существует открытое и артикулированное общественное мнение, точнее, общественное понимание, т.е. понимание общества, которое не из департаментов наук заимствовано, а живет и развивается в головах субъектов общественной жизни, чем бы они ни занимались — наукой, экономикой или чем-нибудь еще. Это понимание само по себе уже политично. И профессиональные политики могут только считаться с ним, если они умны, или же не считаться, если глупы. Сахаров предъявляет права мысли, а не науки. Когда он говорит, что не хватает науки, которая была бы неким средством руководства политикой, экономикой, искусством, образованием

*Андрей Дмитриевич
не был ни политиком,
ни профокон — он был
прежде всего ученым*

и военным делом, нужно понимать, что в действительности он не имел в виду методы науки, как они представлены в департаментах (моделирование, математическая обработка или что-то еще в этом роде). Он имел в виду один принципиальный вопрос: может ли в общественных, политических, военных и других делах главенствовать разум и здравый смысл. Реальность XX века, в особенности реальность Советского Союза, показывала ему, что участие разума в них минимально. Если же мы скажем, что руководить обществом нужно посредством науки, мы просто повторим прекраснородушные заблуждения раннего Просвещения. Дескать, возможна некая системно-управляющая мысль (нас все не отпускает мечта, что ее удастся выработать или в отдельной голове, или в комплексе различных голов), и эта мысль будет управлять политикой, экономикой, искусством, образованием и военным делом. Прежде всего, это находится в радикальном противоречии с научным стилем XX века. Такие идеи были возможны в XVIII, XIX, но не в XX веке, когда везде, в том числе в самых строгих науках — математике и физике — явно учитываются свойства саморегуляции и самоорганизации живых процессов (а политика — это живой процесс, как и экономика, образование, искусство). Так что же, забудем весь опыт современной физики,

Политикам кажется, что политику делают они. Думаю, вся жизнь и деятельность Сахарова доказывают, что они заблуждаются. Ведь политика существует там, где существует открытое и артикулированное общественное мнение

космологии, квантовой механики, экономической науки и опять начнем мечтать о стройном ранжире, о единой системотехнике научного управления, которого якобы не хватает? Не хватает другого — не хватает мысли, разума. Потому что система науки сама бывает заражена иррациональной силой, так что все модели, все расчеты могут оказаться неостановимым потоком бессмыслицы. И тогда разговор о научном планировании — вообще кафкианский бред. У нас план — это внеэкономический механизм вынуждения труда. При таких разговорах мне кажется, что я вижу людей, которые беседуют на лестничной площадке и договариваются зайти друг к другу в гости, не замечая, что лестница случайно построена вне дома.

Хороший пример — деятельность бывшего Минводхоза. Все проекты гидроэлектростанций, все проекты ирригации — это сложнейшие научные проекты, наверняка рассчитанные в соответствии с моделями. Разве можно исправлять их теми же методами, которыми они получены, — улучшать модели, уточнять расчеты? Неужели Сахаров это имел в виду? Да нет, он имел в виду, что массовое поведение по отдельности, казалось бы, разумных людей характеризуется максимальной иррациональностью и непроницаемостью для мысли. А мысль (это всякий ученый понимает)

всегда связана с корнем, который лежит в личном достоинстве человека, его интеллектуальной честности. В самом акте мысли заложена определенная мера справедливости.

По-моему, сахаровское «буйство» было реконкистой этих вытесненных в подполье качеств, неотъемлемых от самой мысли, независимо от того, выступает она в строгом естественнонаучном одеянии или же более вольном общественно-гуманитарном. Я сказал бы, что он нам помог понять две основные вещи.

Первое: политика не может быть целиком доверена политикам, так же как военное дело — военным. И потому рассуждать о том, насколько Сахаров был политиком, а насколько ученым, значит исходить из представления, которое внушают нам политики, — что именно они действительно делают политику. Я утверждаю, что это не так, во всяком случае в развитом европейском обществе. Политика только тогда становится профессиональной областью деятельности, когда она осознанно присутствует в гражданской жизни всех членов общества, чем бы они ни занимались. И второе: неправомерность жесткого профессионального разделения людей, их «прописанности». Скажем, ты занимаешься политикой. Что это значит в России? Ты назначен заниматься политикой. Ты ученый? Изволь заниматься наукой, ты назначен ею заниматься. Нетрудно представить себе, что человек, ощущающий себя носителем мысли, в один прекрасный день может восстать против этой ситуации. Не против того или иного конкретного политического решения (хотя и против него тоже) — против самой такой предопределенности.

Ведущий. Но такое деление отчасти задается образованием, профессионализацией.

М. К. Мамардашвили. Совершенно верно. Но когда речь идет о гражданской мысли — а в ней синкретично присутствуют и научная мысль, и искусство, и многое другое, — мы говорим о способе ориентации современного человека в мире. И тогда мы, конечно, понимаем, что всякое «назначительство» есть архаический остаток крепостничества в России. И незачем переодевать это в термины других проблем — скажем, профессионализации. Вопрос очень прост. С тех пор как есть Евангелие и есть Слово, нет ничего, что не имело бы ко мне отношения, и нет делегирования мысли, делегирования ответственности. Таков первичный, евангелический смысл христианства. И потому ученый не посажен в лабораторию. Он занимается наукой, поскольку ему это интересно. А для общества ценны мысли любого его члена, в том числе и человека в лаборатории, о том, что происходит. Он личность, и важно, что он думает о происходящем, в том числе и о том, что пытаются объявить своей монополией политики. В современном взаимосвязанном мире не существует такой монополии. <...>

На вопрос о пророке я бы ответил так. Сахаров — это человек, который не захотел быть пророком. Не захотел, потому что статус пророка — архаический статус, совершенно противоречащий современному обществу. Этот статус даже в Евангелии подвергнут сомнению. К сожалению, в России он ассоциируется с христианством. В Новом Завете сказано (и эта мысль проводится дважды): «Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царство Божие благовествуется и всякий усилием входит в него» (Лк. 16:16). Имеется в виду, что Закон и пророки — это архаический статус духовности и мысли в мире, где есть Закон, который может совершенно автоматически функционировать, и есть только один противовес ему — выкрик пророка. А Евангелие говорит: ничего не предвзается ни Законом, ни пророком — твоим собственным усилием берется, и ко всему твое усилие касательство имеет.

С. А. Ковалев. Я хотел бы поддержать Мераба Константиновича в его, если можно так сказать, евангельских аналогиях. Мне кажется, что христианство, отойдя от идеи, что все, до последних мелочей, может и должно быть регламентировано, возложило на людей страшную, подчас непосильную задачу — на каждом шагу делать выбор. Предложены некоторые основные принципы, но не дается рецептов, как поступать в том или ином случае. По-моему, Андрей Дмитриевич осознавал всю меру ответственности, и это многое определило в его жизни.

М. К. Мамардашвили. Когда на Руси обсуждают вопрос о пророках и уважении или неуважении к ним, он сразу же превращается в вопрос о всяком мастере своего дела, который является государственной крепостной собственностью. И потому он может заниматься своим делом, выплясывать па в балете, делать научные открытия (которые будут собственностью государства, как и он сам), но в любой момент, когда он огорчит хозяина, т.е. тех же самых политиков, его могут наказать на конюшне. Вот проблема всякого человека свободной мысли в нашей стране, полностью унаследовавшей крепостную структуру от российского общества XIX века. И сама эта структура приводит таких людей, как Сахаров, к общественно-политической деятельности, потому что достоинство ученого не может с ней смириться. Это продолжение традиции, которую я называю традицией Вернадского. Вернадский повторял: если нет свободы мысли — гроб и свечи современному обществу. Под свободой мысли он подразумевал не просто свободу от цензуры, но присутствие мысли во всех делах — победу умной силы, как он выражался. А она-то и отсутствовала в управлении экономикой, искусством, образованием и военным делом. Между умом управителей и умом, который накапливался в обществе, к тому моменту образовался чудовищный разрыв. Поэтому в статьях Вернадского, его дневниках все время слышна печальная внутренняя нота. И вслед за ним Сахаров предъявил управителям — скудоумным и безнравственным — счет, который может

предъявить оскорбленная в своем достоинстве мысль. Сахаров — феномен самодостойности мысли, не нуждающейся ни в каких прислечениях — ни к внешним авторитетам, ни к власти, ни к коллективу. Его слова адресованы к «инстанции» свободной внутренней мысли. Нет, он не пророк, потому что отрицал саму такую «назначенность» — быть пророком. Пророк как бы доносит до властей предержавших голос реальности, справедливости и меры. Тем самым он говорит за всех других. А Сахаров считал, что каждый может и должен говорить.

Диалог с человечеством

Ведущий. Сам он именно так и поступал. Он говорил, вернее, мыслил вслух: ведь Сахаров не был трибуном в привычном смысле этого слова, хотя многим он запомнился именно так, выступающим на трибуне съезда. Этому, однако, предшествовал долгий процесс эволюции — от ученого, чья мыслительная мощь понадобилась государству, до человека свободной мысли, которая государством оказалась не востребованной. И сейчас, говоря об итогах этой эволюции, нельзя не задуматься об ее основных этапах, не попытаться проникнуть в мотивы, которыми он руководствовался в своих действиях. В частности, загадка для многих — его отношение к собственному участию в создании термоядерного оружия.

С. А. Ковалев. Алесь Адамович разговаривал с ним на эту тему и до сих пор удивляется ответам Сахарова, не согласен с ними и считает, что через несколько лет, может быть, Сахаров ответил бы иначе. Существует такая расхожая модель: Сахаров сделал бомбу, потом ужаснулся творению своему, и совесть заставила его искупать прежние грехи. Сам Сахаров так не считал и мягко, но настойчиво с такой интерпретацией спорил. Он говорил, что не раскаивается в своем участии в этих разработках, хотя понимает, что результаты попадали совсем не в чистые руки и последствия могли быть страшными. И все же, если бы ему пришлось заново переживать жизнь и столкнуться с тем же выбором, он, вероятно, снова принял бы участие в разработках ядерного оружия. А потом снова стал бы протестовать против его использования. Насколько я понимаю, он считал, что тогда это было необходимо. Это было непростое решение. Тем не менее, задумываясь о нем совсем недавно, он пришел к выводу, что сделал правильный выбор — безупречный нравственно, но все же правильный. История, считал он, показала правильность этого выбора, потому что в последние годы мир был сохранен именно благодаря балансу сил. Мы балансируем на грани, но балансируем уже десятки лет.

<...>

Л. А. Шелепин. На мой взгляд, представления Андрея Дмитриевича о нашем обществе и путях его развития претерпевали не менее интересную и сложную эволюцию. К примеру, в «Размышлениях...»* он говорит о социализме, его нравственных основах, преимуществах. В середине и конце 1970-х годов к этой теме он уже не возвращается, зато подвергает жесткой критике правительство и его действия. И здесь нет противоречия, потому что в начале 70-х в стране, как говорят физики, произошел фазовый переход. В чем он заключался? Если до начала 70-х годов и экономика развивалась, и трезвая самооценка была возможна (в частности, имелась достоверная статистика), то затем произошло следующее. Статистику заменили сплошные приписки — недаром серьезные экономисты

Основа процветания постиндустриального общества – не крупные предприятия, не усиленная эксплуатация, а внедрение передовых технологий, быстрое реагирование на изменения рынка

пользуются статистическими данными только до 1972 года. Стяжательство и карьеризм приобрели государственный масштаб. В этом же масштабе начали образовываться различные мафиозные структуры. Короче, произошло качественное изменение нашего государства. Это и уловил Андрей Дмитриевич. Поэтому никаких противоречий в его позициях нет. Эволюция его взглядов связана с эволюцией общества. В 60-е годы наша страна еще могла относительно безбо-

лезненно повернуть на путь, который он указывал. Мы могли бы избежать скатывания к кризису. Но предупреждение не было оценено и понято, это был глас вопиющего в пустыне. И правительство не сделало нужных шагов.

М. К. Мамардашвили. Началась, как я ее называю, «эпоха запаха бифштекса». Раньше людей держал страх. Потом его заменил запах бифштекса, и он оказался более надежным способом уплотнения социального пространства.

Ведущий. Говоря о капитализме, обычно подразумевают Швецию, ФРГ, США. А есть еще Уругвай или Индия. Значит, одной капиталистической идеи еще недостаточно для процветания?

Л. А. Шелепин. Существует принципиальная разница между капитализмом в слаборазвитых странах и передовых. Если в первых строй напоминает ранний капитализм, то во вторых возникла новая формация — постиндустриальное общество... Ее принципиальное отличие в том, что прибавочная стоимость появляется благодаря науке. Основа процветания такого общества — не крупные предприятия, не усиленная эксплуатация, а использование достижений научно-технического

* Имеется в виду статья А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» 1968 г.

прогресса, немедленное внедрение передовых технологий, быстрое реагирование на изменения рынка. Это новое общество. Андрей Дмитриевич, на мой взгляд, был провозвестником такого общества у нас — его плюрализма, свободы мысли, уважения к науке... Мы могли перейти к новой формации, но трагедия в том, что наше общество не стало социалистическим по своим основам. И оно начало приближаться к обществу раннего капитализма.

М. К. Мамардашвили. Конечно, в деятельности Сахарова присутствовал тот же мотив, что у небольшого числа государственных деятелей, так называемых инициаторов перестройки. Мотив этот — глубокое осознание несовместимости существующих экономических и социальных структур с научно-техническим прогрессом и понимание того, что в современном мире вес сверхдержавы полностью определяется ее научно-техническим потенциалом. Речь идет не просто о машинах, а самом способе делать любое дело, в том числе вести войну. Современная война содержит элементы логистики и высших технологий, а такую войну Советский Союз в том виде, в каком был, проиграл бы. Напор реальности просветлял чье-то сознание, заставлял задуматься: что будет представлять собой Россия в начале следующего века, каково будет ее присутствие перед лицом истории? В этом истоки того, что называют перестройкой. Естественно, возникает необходимость пересмотреть учение о формациях и всю «формационную» терминологию: феодализм, капитализм, социализм. Нужно учитывать одну простую вещь. Язык, на котором мы формулируем эти проблемы, — европейский язык, а «формационные» термины — кальки слов, возникших в Европе. Беда в том, что для нас все эти слова — просто языковые «псевдоморфы», как называл О. Шпенглер термины, которые обозначают несуществующие явления и построены по формальным законам языка, а не родились на основе опыта. Ни для одного из них в нашей реальности нет внутреннего эквивалента, и не был живым сам принцип образования этих слов. Может быть, в силу этого в России действительно был построен социализм в прямом смысле слова. Мы можем использовать слово «социализм» в таком смысле, но это не то, что подразумевает европейская традиция. То, что у нас случилось, частично связано с трагической некорректностью мышления Маркса, частично с тем, что русские социалисты превратили теорию формаций из области научной мысли в средство манипуляции массами.

Существует европейское гражданское общество, сформировавшееся на базе промышленных городских демократий. Капитализм, если понимать его как максимальное извлечение прибыли на основе крупной промышленности, предполагающей разделение труда и массовое производство товара, — один из феноменов этого общества, существующий наряду с другими. Другие феномены возникли на других основаниях и не проникнуты никаким капиталистическим принципом, а

взаимодействуют с капитализмом как с особым феноменом. Если мы так посмотрим на реальность, то поймем, что европейское гражданское общество должно быть описано не в терминах капиталистической формации, а в совершенно других, более широких. Это, по-моему, очевидно. Но если капитализм не существует как формация, то социализм существует. Можно показать, что у нас социалистические принципы — это стержень, пронизывающий любые общественные институции.

Что же происходило с капитализмом? Все другие феномены гражданского общества, в том числе и такие традиционные, как религия или

Существует европейское гражданское общество, сформировавшееся на базе промышленных городских демократий

парламентаризм, взаимодействовали с ним и ассимилировали его. Ему нашлось определенное место — как и социалистической идее, принадлежавшей тому же гражданскому обществу и имевшей в нем реальный эквивалент. А в Советском Союзе этого не было. Здесь еще должно возникнуть граж-

данское общество, которое ассимилирует социализм и превратит его в один из феноменов наряду с другими, в частности научно-техническим прогрессом, растворит его в гражданском обществе. Поэтому, если мы говорим об Уругвае, нужно разобраться, насколько развито там гражданское общество, и мы обнаружим архаические слои, не соответствующие никакому гражданскому обществу, и придется рассматривать взаимодействие капитализма с этими архаическими слоями и т.п. Мы сразу уточняем проблему, вместо того чтобы ломать голову, сопоставляя социализм и капитализм как европейские идеи с псевдоморфами «социализм», «капитализм» в Советском Союзе. Мне кажется, все мысли и высказывания Сахарова сформулированы в социально-прагматических терминах. Такие термины — продукты наблюдения, и сам акт наблюдения служит их внутренним эквивалентом, корнем возникновения и употребления слов. Поэтому, например, у Сахарова появляется идея конвергенции. Он не исходил из слов. И оказалось, что, когда не исходишь из слов, что-то понимаешь. А когда исходишь из слов, то не поймешь ничего.

Ведущий. Есть пример еще более далеких, казалось бы, мировоззрений: Япония и Западная Европа. В Японии и языковое отчуждение сильнее, и система нравственных ценностей очень сильно отличается от европейской. Два разных мировоззрения, а результаты сегодня достигнуты близкие. Нет ли здесь противоречия?

М. К. Мамардашвили. Ответ прост: у них не было никаких псевдоморфов, у них все было другое. Пример из социальной области. Идеей права или правом как таковым можно исправить несправие. Иными словами, культуры, в которых вообще отсутствует идея права, могут усвоить эту идею и создать правовые структуры. Но может ли право исправить

«антиправо» в строгом смысле слова? В России псевдоморф «право» уже есть, т.е. есть имитация права, и никакое истинное право проникнуть в него не сможет. <...>

Ведущий. Но между каждой отдельной личностью и обществом в целом, по крайней мере в нашей стране, существуют такие общности людей, как нации и народности. В наши дни проблемы суверенитета наций и межнациональных отношений приобрели особую остроту, и решения, предлагаемые нынешней Конституцией, не снимают напряженности. Во многих республиках активизируются национальные движения самого разного толка.

М. К. Мамардашвили. Прежде всего, нужно понять, что такое национальное движение в Советском Союзе. На мой взгляд, это просто форма, в которой происходит возрождение гражданского общества — некоторой общественной структуризации, независимой от государства и существующей рядом с ним как автономная сила. А национальные проблемы — прежде всего проблемы гражданских свобод, гражданского общества, выраженные в национальной форме. Говорят, что частная собственность не отчуждаема, и это основа гражданского общества. Следовательно, власть и собственность в таком обществе разделены. Советская структура есть полное смешение власти и собственности, и всякая попытка разорвать их — это попытка возродить феномен частного или гражданского общества. Частный случай частности — жизнь нации. Нацию можно определить в терминах единства некоторой совокупности людей перед судьбой и историей. Тогда становится ясно, что нация — продукт конституционного процесса. Поэтому в национальном движении всегда есть люди, стоящие на конституционных позициях и понимающие, что нация есть не этнос, а продукт работы конституции в теле этноса. Мне кажется, вносить в национальные движения правовой конституционный подход должна в первую очередь интеллигенция.

*Национальное движение
в Советском Союзе —
это форма, в которой
происходит возрождение
гражданского общества*

Любое тоталитарное государство по определению мононационально. А главный враг, уничтожению которого посвящает свою жизнь тоталитарное государство, — это гражданское общество, которое, конечно, полинационально, и потому его возрождение или появление на свет принимает форму национальных движений.

Б. Н. Топорнин. Все мы сегодня направляем острие своего критического анализа в прошлое и настоящее. И это понятно. Невозможно идти вперед, не раскрыв размеры и причины деформаций, просчетов и заблуждений, которые привели наш Союз к кризису. Болезни можно успешно лечить, только владея всей необходимой информацией. Но вместе с тем крайне важно представить, как нужно перестраивать Союз,

чтобы он отвечал не догмам, схемам или субъективистским целям, а реальным, продиктованным самой жизнью интересам советских народов. Андрей Дмитриевич пытался найти ответ на этот вопрос, который считал одним из самых принципиальных...

Дар свободы

<...>

Ведущий. Многим кажется удивительной такая способность Андрея Дмитриевича не опускать руки даже в самом безнадежном положении и находить решения, которые когда-нибудь, пусть в далеком будущем, дадут результат. Два года назад вы, Мераб Константинович, опубликовали в «Природе» статью, где писали о ситуации абсурда, в которой «всегда уже поздно» и которую изнутри понять и исправить нельзя. Андрей Дмитриевич начал активную общественно-политическую деятельность в ситуации, которую можно отнести к ситуациям абсурда. Что помогло ему выйти из нее?

М. К. Мамардашвили. Это действительно роковой вопрос: что можно сделать в ситуации, когда всегда уже слишком поздно? Только одно: сменить сами координаты проблемы и саму почву, на которой возникает узел «уже поздно». И деятельность Сахарова была именно такой. Марсель Пруст говорил: «Ум не знает тупиковых ситуаций». Не знает в том смысле, что феномен ума есть разрешение тупиковой ситуации — не выход из тупика, а смена всех данных проблемы. Поскольку изнутри

*Что можно сделать
в ситуации, когда всегда
уже слишком поздно?
Сменить сами координаты
проблемы и саму почву,
на которой возникает
узел «уже поздно»*

ситуация неразрешима, можно лишь вынести себя из нее и создавать другую почву, на которой подобные ситуации не возникали бы, — только это будет осмысленной деятельностью.

С. А. Ковалев. На вопрос о том, что делать, когда решения не видно, Андрей Дмитриевич отвечал совершенно прямо и однозначно. Надо принимать принципиальные

решения, потому что все равно в существующей системе отношений ничего не поделаешь. И этого держался. Есть известное интервью, которое он дал в Горьком. Его спросили, надеется ли он на изменение общей ситуации в обозримом будущем. Андрей Дмитриевич ответил, что таких надежд не питает. Что же делать в этих условиях? Строить идеал, сказал он, потому что интеллигенция всегда только этим и занималась. Но тут же заметил: впрочем, крот истории роет незаметно. Уж если вспомнить разговор о пророке, то элемент пророчества только здесь и есть.

М. К. Мамардашвили. В ситуации абсурда важен сам факт ее публичного обсуждения. Актом обсуждения мы повторяем элементы

ситуации — не меняем ситуацию, а повторяем ее. Может быть, в этом повторении и происходит какая-то тайная работа истории. За это время может подействовать крот истории, которого Сахаров имел в виду.

С. А. Ковалев. Да, не тот, который уже на поверхности, а тот, который еще появится.

М. К. Мамардашвили. Божьи жернова мелют очень медленно, но основательно. Поэтому приходится строить какую-то идеальность, не ожидая, что она реализуется за время твоей жизни. Кстати, это очень старая нота русской культуры. В свое время Чаадаев предлагал отказаться от одной из трех христианских добродетелей — любви, веры и надежды. Он предлагал отказаться от надежды (пускай Господь нас простит), поскольку любое действие в болоте ситуации еще глубже погружает нас в это болото. И спасением может быть только свободная, трезвая мысль.

Сахаров был современным мыслителем-профессионалом, для которого мысль, подчиненная только законам самой мысли, — дело собственного достоинства и чести. Это особый тип, не слишком характерный для русской интеллигенции, которая фактически была крестомосным орденом радикализма. Такой тип возникал в начале века рядом с радикальной интеллигенцией — я не случайно вспоминал Вернадского. И эту традицию

Сахаров был современным мыслителем-профессионалом, для которого мысль, подчиненная только законам самой мысли, — дело собственного достоинства и чести

продолжил, мне кажется, Сахаров. Из того портрета, который рисовал Сергей Адамович, выступает облик антинигилиста, а это весьма существенная фигура в российской истории. Она отрадное исключение на фоне всеобщего нигилизма, в частности правового. Я бы сказал, что Сахаров был бескомпромиссным сторонником компромисса, то есть человеком, который способен сотрудничать с существующей властью, а не углублять пропасть между ней и обществом. Но стремление к сотрудничеству никогда не заставляло его извращать свою мысль, делать ее услужливой. Это замечательный пример, особенно необходимый в сегодняшней ситуации, которая поразительно напоминает ситуацию 1900-х годов в России, воспроизводит те же комбинации политических сил и платформ, а следовательно, может воспроизвести и результаты. Перед нами снова разверзается пропасть нигилизма. В обществе господствует настроение, что, во-первых, во всем виновата власть, во-вторых, из рук власти мы не хотим ничего — ни хорошего, ни плохого, а в-третьих, если чего-то и хотим, то хотим немедленно, всего сразу и целиком. Это классический случай нигилизма. Пропасть между властью и обществом тем более опасна, что в пустоту всегда входит третья сила. В такую пустоту уже однажды вошли большевики. Они воспользовались как раз нигилистическим состоянием общества, которое возникло, когда естественное

развитие Российской империи было прервано в 1914-м. Это точнее, чем называть 1917 год. Не нужно делать историческое описание актом обвинения против каких-то лиц — скажем, большевиков; в такой форме это было бы просто нелепо. Говоря словами Бердяева, произошла космическая катастрофа. Стоит ли искать конкретных виновников?

К сожалению, сегодня по-прежнему очень мало людей, способных занять позицию, подобную позиции Сахарова. И мы снова сталкиваемся с опасностью предательства интеллигенции. Однажды такое предательство уже случилось — в 1900-х годах. Я имею в виду предательство, заключающееся в невыполнении интеллигенцией своей функции,

*Сахаров был
бескомпромиссным
сторонником компромисса,
то есть человеком, который
способен сотрудничать
с существующей властью*

каковой является мысль, а не забота о народе. Ни в одном развитом гражданском обществе не существует неразрешимой проблемы «народ и интеллигенция», и интеллектуалы не спорят о том, что они должны сделать для народа. Мысль не производится ни для кого, мысль производится ради мысли.

С. А. Ковалев. Необходимо сохранять независимость, потому что без независимости и мысли нет. А те русские, к которым первоначально относился термин «интеллигенция», всегда выбирали какую-то сторону баррикад и в конце концов оказывались ангажированными, зависимыми. Какая уж тут мысль!

Мысль — это нечто, за чем следует итог. Если решение есть раньше мысли, то для мысли не остается места. Русская интеллигенция всегда принимала решения до мысли, при этом произносились высокие слова о справедливости, обиженных, униженных и оскорбленных. Совершенно прав Мераб Константинович: при этом интеллигенция автоматически отделяла себя от народа. Она могла заявлять о своей вине перед народом, но чувствовать себя народом не умела и не хотела. И раз на ней вина перед народом, она должна народу помочь, и тогда приходится выбирать сторону баррикад. Только этим и занималась русская интеллигенция. Конечно, не вся, но, скажем, правовое движение 1900-х годов заглохло опять-таки из-за выбора баррикад. Сторонники права оказались в меньшинстве и были заклеены обеими сторонами именно за попытки сохранить независимость.

Ведущий. Даже сохраняя независимость мысли, порой очень трудно найти верное решение. Ведь, с одной стороны, нельзя отказываться от идеалов, а с другой, нужно действовать реалистично, ответственно. Но умению Андрея Дмитриевича строить идеал, одновременно выдвигая и конструктивные предложения, боюсь, научиться невозможно: как и евангельская мораль, это жизненный принцип, а не набор рецептов.

М. К. Мамардашвили. С этим я не могу согласиться. Настоящие идеалы предполагают четкое осознание человеческого несовершенства и, следовательно, помогают вести политику прагматическую, т.е. не построенную на идеализации человека. Это и есть реализм. Например, Конституция Соединенных Штатов основана на простой вещи — в ней заложено понимание зла человеческого и разработаны социальные балансы и противовесы, компенсирующие одно зло другим. Европейцы, а тем более американцы, умеют одевать идеалы в плоть трезвого понимания человека. А российская традиция — провозглашение идеальности человека и расчет на нее. Если мы от нее откажемся, то сумеем действовать в духе Сахарова, это будет естественно получаться.

В Конституции Соединенных Штатов заложено понимание зла человеческого и разработаны социальные балансы и противовесы, компенсирующие одно зло другим

Идея создать нового человека и на этой основе построить коммунизм уже не популярна, но остатки ее в нас прочно проросли, так что в тайниках и закоулочках она все еще дает побеги. Это антихристианская идея. Почти все заповеди в Евангелии принадлежат так называемой исторической части христианства и только две из них внеисторические, метафизические, и обе они потакают человеку. Нам завещаны две вещи — вечная жизнь и свобода, невыносимый дар свободы. Других заветов нет.

Ведущий. И принимая этот дар, мы можем вслед за Андреем Дмитриевичем искать опору лишь в независимой мысли, абсолютной честности, ответственности перед другими и любви к живым, невыдуманым людям. Быть может, это и есть главное послание нам, которое заключено во всей жизни и делах академика Сахарова?

Одновременно по всему миру 22 октября 2024 года на 26 языках вышли мемуары Алексея Навального «Патриот». Он начал писать этот текст еще до возвращения в Россию и продолжал работать над ним в тюрьме. На русском языке книгу Навального выпустили близкие и соратники политика. Писатель и журналист **Михаил Зыгарь** рассказывает, почему этот страшный текст дарит надежду.

Голгофа*

Что останется от нас через сто лет? Что будут знать о нас и о нашем времени те люди, которые будут жить в следующем столетии? Они вряд ли запомнят много. Два-три имени? Может быть, несколько фильмов и книг? А может, и того меньше? Кто будет для них главным героем России начала XXI века? Путин или Навальный?

Я прочитал книгу «Патриот» примерно месяц назад и с тех пор думаю об этом. У меня даже есть ответ.

Это книга в очень понятном жанре. Это Евангелие. Оригинальное Евангелие было написано две тысячи лет назад Лукой, Марком, Матфеем и Иоанном. Для новой российской версии евангелисты не понадобились. Оттого читать его еще страшнее. Это Евангелие от Мессии — книга о том, как человек осознанно идет на смерть. По пути он терпеливо объясняет, зачем это делает, как к ней готовится — и как ее победил.

Книга начинается со слов: «Умирать было совсем не больно». С одной стороны, мы понимаем, что автор, то есть Алексей Навальный, так шутит. С другой — мы знаем, что с автором, то есть с Алексеем Навальным, в итоге произошло. Сюжет этой книги нам вообще хорошо известен. Что тут особенного? Человек идет на Голгофу, старо как мир. Однако мы все были свидетелями этой истории: он все это время шел мимо нас. Мы хорошо его видели, некоторые из нас с ним общались, кто-то писал ему письма, кто-то митинговал в Гефсиманском саду, а кто-то твитил: «Варавва невиновен!». Но поскольку мы были

* <https://meduza.io/feature/2024/10/22/golgofa>

внутри, мы не узнали этот сюжет. Наша оптика не позволяла распознать в нем библейский. Поэтому Алексей написал для нас книжку. Не для нас даже, а для наших правнуков. На расстоянии им будет намного легче разобраться.

Самое пугающее в этой книге не сама история, мы ее знаем наизусть, — а то, как меняется слог автора по мере того, как он приближается к смерти.

Начинается книга весело и легко. Навальный шутит, вспоминает старые анекдоты, подробно рассказывает истории из детства. Внимательно воссоздает атмосферу позднего Советского Союза и разрушенной России начала 1990-х. Поначалу кажется, что это автобиографический художественный роман. Вот автор маленьким мальчиком едет в деревню около Чернобыля. А вот он, укутанный в самую теплую одежду, забирается в промерзший автобус, чтобы вернуться домой из детского сада. А вот его обворовывает старший одноклассник, и Навальный, который не любит драться, а любит читать, — не знает, как ему быть.

Книга начинается так только потому, что у Навального-автора еще есть время. В августе 2020 года его отравили «Новичком», но неудачно. Он лечится в Германии. И в этот момент приступает к тексту. У него достаточно времени, чтобы пошутить, провести историческую параллель, сделать так, чтобы книга выглядела увлекательным чтивом.

Но потом, в январе 2021 года, Навальный прилетает в Россию и его немедленно сажают в тюрьму. В своем тексте он подробно объясняет, зачем вернулся, причем несколько раз: это его выбор, его Голгофа, он осознанно идет навстречу собственной гибели — потому что это его жертва ради России.

Он дописывает автобиографию в прежнем ключе до самого, наверное, важного и любимого момента в своей жизни — знакомства с Юлей. Это наиболее смешная и светлая часть книги. Ее Навальный пишет в тюрьме — и мы знаем, что его к тому времени уже разлучили с женой. Более того, мы — из сегодняшнего дня — знаем, что навсегда.

В следующих главах Навальный гонится: он торопится, чтобы успеть. Опускает подробности, уместает несколько лет на одну страницу. Эти десять лет, с 2010-го по 2020-й, — самые активные, самые звездные, самые яркие годы его политической жизни. В этот период Навальный был острым, резким, саркастичным, — но в книге у него больше нет времени на подробности. Он бежит наперегонки со смертью — кто знает, может быть, его убьют уже на следующий день, — поэтому он должен успеть написать книгу до конца.

*Это Евангелие
от Мессии – книга
о том, как человек
осознанно идет
на смерть*

*В январе 2021 года
Навальный прилетает
в Россию и его немедленно
сажают в тюрьму.
В своем тексте
он подробно объясняет,
зачем вернулся: это его
выбор, его Голгофа*

Он успеваеt. Он заканчивает свою автобиографию — вплоть до посадки в тюрьму. И в этот момент начинается следующая часть книги. И это уже совсем другая литература — и совсем другой Навальный. Дальше — его тюремный дневник.

Это очень страшная часть. Потому что он пишет в основном про еду. Каждый день про еду. А потом он начинает голодовку. И тоже пишет про еду — но уже про то, что он и вправду голодаеt и не собирается сдаваться, пусть даже сотрудники тюрьмы подсовывают ему в карманы

*В тюремном дневнике
видно совсем другое лицо:
ему очень тяжело.
И читать эти строки
тоже очень тяжело*

конфетки и жарят у него на глазах курицу.

Эта часть поразительна тем, что в ней появляется Навальный, которого лично я не знал. Я никогда не наблюдал его таким. Я не помню момента, когда было видно, что он страдал, — момента, когда у него не было больше сил улыбаться.

Навальный постоянно писал из тюрьмы письма. Некоторые из них стали постами в инстаграме. Еще он писал сотням друзей и тысячам незнакомых людей. Писал и мне. И во всех этих посланиях он был неизменно лучезарным: всегда очень смешно шутил, подбадривал — и никогда не давал понять, насколько ужасна его жизнь в тюрьме. Даже собственную голодовку он всегда комментировал с ироничной ухмылкой.

В тюремном дневнике видно совсем другое лицо: ему очень тяжело. И читать эти строки тоже очень тяжело. Этот бесстрашный человек, политик и интеллектуал, пишет про еду, про еду, про еду. Это ужасает, но оторваться все равно невозможно. Потому что ты начинаешь понимать, что изменение стиля — точное отражение эволюции самого героя.

Английская версия, кстати, отличается от русской, там приводятся еще и инстаграм-посты. Я надеюсь, что следующие русские версии тоже будут ими дополнены. Для будущих поколений этот контекст тоже важен.

А потом, после окончания голодовки, слог меняется еще раз. Вместо маленьких записочек начинаются философские размышления. Навальный готовится к смерти.

Например, он описывает, как его убьют. Размышляет, как надо относиться к предстоящей смерти. И объясняет, как примирился с нею.

Потом рассказывает, как готовил к своей смерти Юлю. И радостно констатирует, что Юля все поняла правильно: она справится. Жена относится к неизбежному так же твердо, как и он сам.

Записи становятся все более редкими. У Навального все меньше возможности писать: ему банально не дают бумагу и ручку, ему не позволяют ничего передавать адвокатам и даже самих его адвокатов сажают в тюрьму. Наконец, две или три его тетради изымают охранники — очевидно, какая-то конфискованная часть этой книги где-то сейчас лежит в сейфах ФСБ.

Стрит-арт с портретом Алексея Навального в Петербурге просуществовал несколько часов.
28.04.2021

В последних страницах книги появляется Иисус — старик Иисус, как называет его сам Навальный. Он отзывается о нем как о старшем сокамернике, товарище по несчастью, коллеге, который тоже через все это прошел, поэтому поймет и поможет.

Книга обрывается. Главный герой действительно убит — ровно так, как и предвидел.

Что делает эту книгу Евангелием? То, что в ней есть очень ясная идея. Навальный объясняет, ради чего умер: он твердо верил, что Россия может быть свободной демократической страной. Не империей, не диктатурой, не исключительным царством с какой-то сверхмиссией, загадочной душой и особым путем. А нормальной страной, в которой люди будут счастливы.

Идея, ради которой Навальный-человек пошел на Голгофу, может научить новые поколения верить. Россия так долго была страной циничных людей, которые знали, что ни во что верить нельзя. Да и вообще, верить во что-то казалось просто глупым. Но у будущих поколений есть шанс измениться и поверить.

Вряд ли мы скоро узнаем, кто победил в этом историческом споре — мессия или царь Ирод. Через сто лет люди будут точно это знать.

Что делает эту книгу Евангелием? То, что в ней есть очень ясная идея. Навальный объясняет, ради чего умер

*Анатолий Ахутин.
Война и интеллект. —
Рига: Школа гражданского
просвещения, 2024. —
112 стр. — (Серия
«Своевременная мысль»).*

Знакомим читателя с нашими новыми изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Книга Анатолия Ахутина «Война и интеллект» — это своего рода философский дневник первых месяцев открытого военного вторжения России в Украину, цель которого — превратить состояние войны в норму повседневной жизни. Это война хаоса с космосом, грозящая уничтожением мира.

Понимающий разум, проделывая особую работу обоснования своей универсальности, истинности и законности своей власти, тем самым противопоставит абсолютному злу — уничтожающему ничто.

Автор отказывается быть «вне политики», когда Украина отстаивает себя в экзистенциальной войне с нашествием политического нигилизма. Опираясь на бахтинское понятие участного мышления, он утверждает: интеллект ответствен за человека как виновника и соучастника исторических событий. Сюжет книги – мышление (интеллект) как ответственность.

Война и интеллект

Предисловие автора к русскому изданию

Публикуемые тексты не предназначались к печати. Это своего рода дневник первых месяцев открытого военного вторжения России в Украину. Теперь благодаря моим украинским друзьям из издательства «Дух і літера», прежде всего Леониду Финбергу, эти тексты стали книгой, она переведена на украинский язык (спасибо замечательному переводчику Антону Бондаренко) и недавно издана (Ахутін А. Війна і інтелект. Київ: Дух і літера, 2023).

Мой давний друг Юрий Сенокосов предложил издать ее русскоязычный оригинал, и я с благодарностью согласился. Жанр дневника не предполагает основательной правки при переиздании, я внес только несколько уточнений и исправлений. Скажу здесь пару слов о передуманном за эти годы (вот уже почти три года полномасштабной войны, а с 2014 года, когда Россия начала войну «гибридную» и мы с женой уехали в Украину, — все десять).

Ползучая война России, начавшаяся аннексией Крыма и созданием гибрида «Новороссия — ДЛНР», перешла в открытую агрессию против Украины. Террористический характер войны, развязанной Россией против населения Украины, стал очевиден. Разрушение энергетической инфраструктуры, уничтожение городов, поселков, хозяйственных угодий, подрыв Каховской ГЭС, саботаж зернового соглашения, ракетные обстрелы портовой техники, продовольственных складов, амбаров,

ядерный шантаж — это не «военная операция» против арсеналов, а военный террор против населения, война на истощение и угроза истреблением.

Три определения российской войны, которыми я тогда попытался обозначить ее характер, а именно: экзистенциальная, мировая и нигилистическая, — кажутся мне верными по сей день, и мне не раз встречались схожие формулировки. Эти предикаты определяют не только характер войны, но и само существо агрессора: война эта — не чрезвычайная и потому временная «операция» некоего политического субъекта «государство Россия», а сам способ его существования, его состояние, *status belli* как *status quo*. Вся пропаганда в России разжигает агрессивную ненависть и милитаристский патриотизм, мобилизуя людей на войну против виртуальных врагов-«русофобов» и наскоро придуманных укронацистов и используя привычные символы: НАТО, США, Запад.

Уничтожение Украины отнюдь не главная цель — необходимо превратить состояние войны в рутину, в норму повседневной жизни. Военный террор и ядерный шантаж в имперских отношениях с миром (миф «русского мира»), милитаристская мобилизация и репрессивный террор по отношению к собственному населению — такой политический режим получил теперь точное название: рашизм. Нацизм без явного расизма, но с «русским миром», фашизм без явной власти одной партии, но с «вертикалью власти», большевизм без коммунизма, но с полновластием ЧК и чекистом в вождях, сталинизм без ГУЛАГа, но с тотальным надзором и репрессивной судебной системой. Всюду гибридность, псевдонимность, лицемерие.

Однако тема моих разговоров с самим собой другая. Всю сознательную жизнь я занимался философией и вот столкнулся с парадоксом: то, что в философии обычно зовется разумом, отказывается разуметь, понимать происходящее. Впрочем, не стоит преувеличивать — конечно, это не философия недоумевает, а всего лишь я не умею понять. Не могу принять, не хочу вмещать тотальный нигилизм и пустое самоутверждение, грозящее уничтожением мира, в какую-то знакомую мне разумную систему. Ведь это и значит понять: волей-неволей принять и оправдать. Или нет?

Вот в «естественном свете» знакомого нам научно-объективного разума Гоббс, например, увидел войну как естественное состояние, то есть состояние самого естества, природы человека. Относительно естественной войны, стало быть, мир, который люди хотят обеспечить себе, учреждая законосообразное государство, — состояние неестественное. Государство — искусственная конструкция, временка, держащаяся силой, пусть и легитимной. Война, дескать, в природе вещей, а мир надо строить и удерживать богоподобной монархической силой, потому что «природа» никуда не уходит.

Вот Лейбниц со своей теодицеей, которая одновременно и космодицея, будет нас учить оправданию разумности всего в конечном счете.

Вот Спиноза скажет нам: не возмущайтесь, не презирайте, не смейтесь и не рыдайте — а понимайте. То, с чем ваша страсть (эмоция) не может смириться, выяснится внимательной мыслью (социологической или политологической наукой) в своей необходимости, и вы полюбите божественное творение интеллектуальной любовью, сколь бы ужасными ни были ваши случайные — местные и временные — обстоятельства.

Томистский разум (заимствованный у Аристотеля) — уже не естественный, а сразу божественный — распорядится миром по-своему, но все в нем будет на своем месте, со своим назначением и равно причастным благому божественному замыслу.

Идея общего блага освещает платоновский космос, образец для разумного устройства и человеческого полиса. И в идеальном государстве Платона монархия политической разумности не держится сама собой, как космическая, она требует стражей для противоборства хаосу и анархии.

Это наводит на мысль, что и космос не просто сияет благоустройством, а находится в противоборстве хаосу, в войне с ним. Да и Гераклит нам скажет, что война (полюмос) — отец всего и царь всего, а его космологос есть не кристалл, а «вечно живой» огонь.

Итак, если мы хотим уловить тотально нигилистическую войну (своего рода абсолютное зло), стоит присмотреться к двоякой природе «естественного» (или «божественного») разума. Надо различить в состоянии мнимого мира как бы две латентных войны: позитивное противоборство внутри искусственного разума политической системы и негативную войну против самой системности (=разумности). Есть война, сражение, противоборство внутри разумного мира, и ее, значит, можно этим миром-разумом уразуметь, понять, принять. Но вот есть война против самой разумности: системности, космичности, законности. Различим войну полисов и войну с самой политической разумностью (законом, правом, договором, конвенцией), противоборство внутри космо-логоса и войну хаоса с космосом, войну, вмещающую в благоустройство целого, и гностическую войну с самим благоустройством мира, войну суверенных государств и войну «естественного состояния» (то есть войну всех против всех) против «искусственной» государственности — против самого искусства, науки, разума быть государством и строить межгосударственные отношения. Ведь разуму не трудно сообразить, что все эти политические существа именно в силу их неестественности, условности, конвенциональности, добровольности нуждаются в насилии власти, пусть и легитимном. Соответственно, приходится различить два разума: разум-строитель и (так получается) разум-разрушитель. Разуму-строителю не гарантировано метафизическое бытие, он включает в свое бытие возможность не быть, а значит, особое усилие,

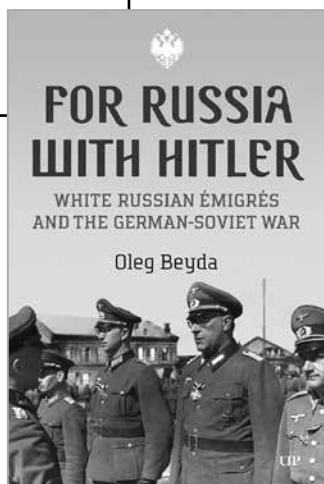
Одесса. 28.03.2022

особую работу, чтобы быть, — работу своего начинания, учреждения, отстаивания, доказательства, оправдания, обоснования своей универсальности, истинности, своего благомыслия и потому законности своей власти. Условностью (условленностью) этого «потому» и ограниченностью легитимной власти пользуется власть, ничем себя не ограничивающая, в своей деструктивной войне.

Однако мы не в духе Гегеля, всем этим занимается не Разум, а смертный человек, но человек политически озабоченный. Стоит, стало быть, вдуматься, что это за «экзистенциал» — «политическая озабоченность». И как это так вышло, что современный человек большей частью находит себя «вне политики», то есть политически беззаботным?

На этом месте я вспомнил понятие участного мышления, однажды мельком разобранный М. Бахтиным в раннем очерке «К философии поступка». Как нельзя удачнее оно стало для меня ключом для узнавания самого себя в моем собственном положении. Я участник — хотя бы мысленный — в событии Украины. Украина становится собой, отстаивая свой политический и национальный суверенитет, свой политический «космос», свою разумность. Украина отстаивает себя в экзистенциальной войне не с другим государством, а с нашествием политического нигилизма. Суверенный украинский полис отстаивает свое разумное частное бытие, сражаясь с существом аполитическим, безыдейным, неморальным, внутренне беспредельным, а потому кажущимся безумным.

Октябрь 2024 года

Oleg Beyda. For Russia with Hitler: White Russian Émigrés and the German-Soviet War. Toronto — Buffalo — London: University of Toronto Press, 2024. — 392 p.

«Альтернативная Россия» и Гитлер

Хоть с чертом, но против большевиков.

*Петр Врангель,
деятель Белого движения*

Олег Бэйда, историк из Мельбурнского университета (Австралия), написал книгу, которую, во-первых и как ни странно, долго пришлось ждать и которая, во-вторых и как ни парадоксально, вдруг оказалась более чем злободневной. Поясню, что имеется в виду.

Работа стала долгожданной потому, что несмотря на бескрайние моря литературы, посвященной белой эмиграции как таковой, до сих пор крайне мало исследований, в которых целенаправленно рассматривалось бы участие бывших белогвардейцев во Второй мировой войне. Пренебрежительное отношение специалистов к этому сюжету отчасти можно объяснить тем малоприятным фактом, что, как подчеркивает автор, большая часть русских эмигрантов в 1939–1945 годах связала себя не с демократическо-коммунистической коалицией, а с державами «оси», и прежде всего с Третьим рейхом (р. 4). Однако наличие ошутимой лакуны этим едва ли оправдывается, особенно в свете того, что применительно к странам Западной и Восточной Европы коллаборационизм изучается давно, глубоко и всесторонне. Русских же пособников Гитлера привычно ассоциируют с генералом Андреем Власовым и его Русской освободительной армией (РОА), а это, как опять-таки справедливо указывает автор, необоснованно сужает исследовательскую перспективу. Дело ведь в том, что большинство белоэмигрантов, оказавшихся в немецких воинских формированиях, вообще не имели отношения к РОА.

Таким образом, с научной востребованностью все более или менее понятно. Но при чем тут упомянутая выше политическая злободневность — ведь речь же идет о событиях весьма стародавних? Здесь тоже нет никакой натяжки, поскольку судьбы «альтернативной России, враждебной Советам» (р. 3), изучаются

автором в тот исторический момент, когда за российскими пограничными столбами вновь, как и после 1917 года, буквально за несколько месяцев сложилась многочисленная и пестрая диаспора, которая в большинстве своем тоже недолгоживает (и это в некоторых случаях мягко говоря) нынешнюю российскую власть и которая хотела бы видеть на ее месте что-нибудь другое. Отсюда, собственно, и вытекает сюрреалистичная переключка дилемм, встававших и вставящих перед «альтернативными» россиянами прошлого и настоящего, включая фундаментальный вопрос (очень похожий на тот, что мучил барона Врангеля): на что можно идти ради смены неприятного режима и допускается ли для этого делать то, чего делать нельзя?

Как известно, «альтернативная Россия» прошлого отвечала на это утвердительно: Советы для большей ее части были хуже Гитлера. «Альтернативная Россия» настоящего не столь однозначна, ибо она менее идейна: для многих ее представителей исход 2022 года мотивировался не политическими, а какими-то иными причинами. В этом плане эмигранты, проигравшие Гражданскую войну, кажутся куда более «индоктринированными», чем эмигранты, проигравшие Болотную площадь. Но как раз в этом для белогвардейцев и таился главный подвох. Любая идеология на то и идеология, чтобы затребовать себе человека всего, целиком и полностью. У нее заранее приготовлены ответы на любые вопросы, и в этих ответах ни в коем случае нельзя сомневаться. Поэтому образцово-идейным человеком в указанном смысле выступает фанатик — существо с пламенеющим сердцем и отключенным разумом. Именно это обстоятельство толкало многих изгнанников первой волны в объятия Гитлера, превращая их в «большевиков наизнанку», ибо, как пишет О. Бэйда, «на первый план белоэмигранты выдвигали свой антибольшевистский идеализм» (р. 8). К счастью, нынешние «релоанты» в большинстве своем гораздо трезвее.

Австралийский историк представил читающей публике обстоятельное и фундированное исследование, базирующееся на неизвестных ранее данных, извлеченных из сорока архивов десяти стран. Вопросы, которые он ставит, один другого интереснее. Каким образом «белые» русские обособляли себя от немцев, которые их окружали? Как они воспринимали оккупированную страну, своего врага и мирное население,

Судьбы «альтернативной России, враждебной Советам», изучаются автором в тот исторический момент, когда за российскими пограничными столбами вновь сложилась многочисленная диаспора, которая тоже недолгоживает (мягко говоря) нынешнюю российскую власть

Австралийский историк представил публике исследование, базирующееся на неизвестных ранее данных, извлеченных из 40 архивов 10 стран

включая еврейскую его часть? Как они, находясь на территории СССР, вели себя по отношению к гражданским и военнопленным? Когда они наблюдали реалии войны, приходилось ли им испытывать какие-либо сомнения в правоте собственного дела, и если да, то как они с ними справлялись? Разбираясь во всем этом, О. Бэйда раскрывает перед читателем главную трагедию «белых» приверженцев фюрера: их идеалистические упования изначально были несбыточными, поскольку национал-социалисты в силу природы собственного движения — с присущей ему биологической ненавистью к славянам — были неспособны их реали-

Авторский вердикт беспощаден: «Реальность войны, как выяснилось, коренным образом отличалась от планов и надежд, вынашиваемых в изгнании»

зовать. Хорошо известно, что вермахт на протяжении всей войны держал оказавшихся под его знаменами бывших белогвардейцев — а таких нашлось около пяти тысяч — в черном теле: им фундаментально не доверяли, поручая второстепенные функции, вершиной среди которых была работа переводчиков.

Но самый главный фактор, начисто подрывавший все надежды, декларации и планы белогвардейцев-нацистов, заключался в том, что, «соглашаясь на коллаборацию, эмигранты были вынуждены принять и бескомпромиссную русофобию Гитлера» (р. 11). В свою очередь, реформирование России на подобной почве выглядело чудовищным абсурдом, и многие участники кровавого действия в конечном счете осознали это сами. Авторский вердикт в этом плане вполне беспощаден: «Реальность войны, как выяснилось, коренным образом отличалась от планов и надежд, вынашиваемых в изгнании. Предаваясь радужным мечтам о будущем “освобожденной России”, бывшие белогвардейцы сражались на стороне армии, которая и не думала освободить “восточные народы”, но вместо этого всеми силами стремилась поработить их» (р. 13).

Олег Бэйда — один из самых интересных молодых историков, связавших себя со Второй мировой войной. Целая серия его работ, посвященных русским коллаборационистам, выполненных исключительно профессионально и ранее опубликованных на русском языке, значительно расширила наши представления о том, какие странные вещи порой могут происходить с человеком, оказавшимся в жерновах грандиозной международной бойни. К сожалению, в нынешнем безумном мире знание такого рода не устареет: спрос на него не только сохраняется, но и устойчиво растет. А это значит, что в ближайшие месяцы и, наверное, годы тот профессиональный цех, в котором трудится и автор настоящей книги, предложит заинтересованному читателю еще много интересного.

Андрей Симбирцев

Контрапункт

О формировании американской нации

Чтобы представить, насколько в свое время неожиданным был успех Американской революции, обратимся к сравнению биографий Наполеона Бонапарта и Томаса Джефферсона, третьего президента Штатов.

В 1803 году оба лидера договаривались о продаже Штатам Луизианы — принадлежавших Франции обширных территорий в Северной Америке: от Канады на севере до Мексиканского залива на юге.

Джефферсон представлял интересы американцев, потому что выиграл выборы в 1801 году. Бонапарт представлял интересы Франции, потому что в 1799-м при поддержке нескольких влиятельных политиков и с помощью своих солдат разогнал революционное правительство. Ко времени государственного переворота революция во Франции продолжалась десятый год, и французские беженцы появились даже в Москве и Санкт-Петербурге. Парижане устали от хаоса и радикализма, были запуганы террором, и потому протестов в городе почти не было. Многие приветствовали переворот: генерал Бонапарт обещал навести порядок, а генералы, как известно, умеют это делать. Не без грубости, но тем не менее.

Через год после сделки с американцами Наполеон объявил себя императором и провел свою коронацию. Его следующими шагами были закрытие оппозиционных газет, преследование оппонентов и фактическое упразднение парламента.

Джефферсон оставил пост президента в 1809-м — строго по расписанию, после двух сроков подряд с законным переизбранием между сроками. Передав пост и получив овации, он уехал в свой дом на высоком холме в Вирджинии и там в тишине и покое занялся мемуарами.

У Наполеона, как это часто случается с императорами, которые короновали себя сами, срока истечения полномочий указано не было. Он лишится власти только в 1815 году после серии военных катастроф и

Максим Горюнов,
философ

экономических кризисов, заключения под стражу, побега, неудачной попытки переворота и снова заключения. В Штатах в 1817 году, согласно все тому же расписанию, был избран очередной, уже пятый по счету президент.

Джефферсон умер в 83 года, примирившись с соперниками, любимый и уважаемый многими. Наполеон умер в заточении на каменистом острове в Атлантике, окруженный британскими солдатами. Ему был всего 51 год. Слухи о том, что его отравили, популярны и в наши дни.

Почему реформы случились на другом берегу океана?

Почему Наполеон жил как на Диком Западе, а Джефферсон, для которого Дикий Запад и был домом, жил как в Париже?

Как нетрудно заметить, биография Наполеона напоминает греческую трагедию: много насилия, много неожиданных поворотов, много страстей и в итоге удручающий финал. На этом фоне биография Джефферсона выглядит довольно скучно. Джефферсон, ставший президентом в соответствии с процедурой и ушедший с поста точно в срок, не очень революционен.

В сравнении с Наполеоном Джефферсон похож на преуспевающего клерка из французского антибуржуазного кино, и это удивительно. В отношении изменений в обществе Франция со Штатами как будто поменялись ролями. Но ведь все должно было быть ровно наоборот.

В конце XVIII века Париж был в двадцать раз больше самого крупного американского города. В Париже были библиотеки, театры, Академия наук и, что еще важнее, департаменты с высококлассными бюрократами. Кроме бюрократов, в городе были тысячи юристов, и они не бедствовали.

Согласно известному анекдоту, дом второго президента США, Джона Адамса, куда он удалился, проиграв перевыборы, был заметно меньше тех, которые обычно снимали для себя начинающие парижские адвокаты. Адамс, надо отметить, тоже был юристом, и, по мнению современников, одним из лучших в своем поколении.

Джефферсон бывал в Париже. С его точки зрения, юным американцам не стоило посещать этот город: если они увидят Париж в раннем возрасте, захотят ли они потом вернуться в родные леса и прерии? Иными словами, в Париже не должно было быть революции. В Париже должны были пройти реформы, умные и тактичные.

Почему реформы случились на другом берегу океана? Почему Наполеон жил как на Диком Западе, а Джефферсон, для которого, выражаясь фигурально, Дикий Запад и был домом, жил как в Париже? Ответ на этот вопрос исследователи ищут в разных направлениях, включая самые неожиданные. Например, в общем для отцов-основателей интересе к парковому искусству и огородничеству.

Дети учатся садоводству в парке Джефферсона, Нью-Йорк, между 1910 и 1915 гг.

Известно, что даже по меркам XVIII века они были увлеченными садоводами. Рощи и аллеи вокруг их усадеб, как утверждают критики, можно считать произведениями искусства. То же самое можно сказать и об их грядках с тыквами, фруктовых садах и клумбах. Те из основателей, кто не располагал возможностью содержать собственный парк, были не меньше увлечены дискуссиями, как должен выглядеть сад у дома. Миниатюрные по размеру, но пышные цветочные клумбы за окнами были важной темой общения и для них.

Кто знает, может быть, долгие часы, проведенные с деревьями и цветами, сделали их такими практичными и позволили избежать «французского варианта»? И, кстати, «русского варианта» тоже. И «германского варианта», безусловно. И еще десятков других вариантов переустройства общества, которые обходились безумно дорого всем, включая дальних и близких соседей.

При желании в уходе за садом можно и в самом деле увидеть школу практичности и терпения.

Парк президента Джефферсона был посвящен свободе

Планирование сада подразумевает знакомство с естественными стадиями роста, цветения и увядания. Стадии роста трудно — или невозможно — обойти, нельзя отменить или ускорить. Садовнику нужно уметь учитывать времена года, капризы погоды, типы почв и

особенности растений. Сажены деревьев, высаженные не в то время, не в том климате и не в ту почву, вряд ли приживутся. А если и приживутся, то поздно дадут плоды. Или не дадут никаких плодов вообще. То же самое и с цветами: некоторые сорта, оказавшись рядом, могут мешать друг другу, и в пору цветения клумба будет смотреться уныло. Другие, наоборот, становятся сильнее и цветут обильнее.

Следует еще уточнить, что садоводство, которое практиковали основатели Штатов, было не из «крестьянского календаря» и не из «народных святцев». Оно было искусством и опиралось на доступную науку того времени и даже философию. Парки, которые интересовали Вашингтона и четвертого президента США Мэдисона, были одного класса с Летним садом в Санкт-Петербурге и с Александровским садом в Москве. Что касается их грядок и парников, то аналоги следует искать в екатерининских оранжереях Царицына и в Аптекарском огороде в Коломенском. В основе создания таких парков, садов и грядок лежал замысел. Парки были трактатами под открытым небом. Много раз перечитанные книги на столе у заказчика парка и план его парка перекликались. Иными словами, садоводство основателей было интеллектуальным занятием. И в этом смысле их опыт разведения растений мог иметь влияние на их видение того, что следует и чего не следует делать.

В книге писательницы Андреа Вульф «Садоводы-основатели: Революционное поколение, природа и формирование американской нации»^{*} отцы-основатели описаны именно как общество садовников. А. Вульф много лет пишет о садах и природе, среди ее достижений есть книжная премия Американского общества садоводов.

Уникальность ее подхода в том, что она предлагает читателям ознакомиться с теми документами на рабочих столах отцов-основателей, которые ранее было принято не замечать. После первых десяти страниц ее подход кажется настолько логичным и очевидным, что сам собой возникает вопрос: почему об этом никто не написал ранее?

Всем известно, что основатели были читающими людьми. Письменные столы в их кабинетах выглядели так, будто принадлежали вечным студентам: на них стопками лежали толстые тома о демократиях античности; старые и новые политические памфлеты из Лондона, Парижа и Амстердама, проекты того, как можно было бы улучшить общество; утопии, сатирические пьесы, трактаты философов, пособия по политической истории; горы писем от друзей с размышлениями о недостатках и преимуществах британских законов. У самых любознательных можно было обнаружить Коран.

Интеллектуальная диета каждого из отцов восстановлена с впечатляющей точностью. Смысл этой точности в том, что из этих книг вырос

---

^{*} *Andrea Wulf. Founding Gardeners: The Revolutionary Generation, Nature, and the Shaping of the American Nation. Knopf/Doubleday, 2012. — 368 p.*

американский проект со всеми его сложностями и успехами. А. Вульф утверждает, что в эти списки следует обязательно добавить и литературу о парках и садах. Основание у нее следующее: на практике о парках и в целом о ботанике основатели читали не реже, чем о римских консулах. У многих из них каталоги растений были любимыми настольными книгами. Имена известных садовников того времени упоминаются в переписке почти с той же регулярностью, что и имена философов. Множество строк в их личных письмах посвящено видам деревьев и кустарников, цветам и даже навозу.

Нельзя сказать, что этот углубленный интерес к ботанике был чем-то особенным и редким. В XVIII веке ботаникой интересовались если не все, то очень многие. Тогда от урожаев зависели доходы, и потому интерес к растениям и почвам был изначально коммерческим.

Как и остальные земледельцы того времени, основатели находились в постоянном поиске культур, которые можно было бы у себя вырастить. Вырастить, чтобы продать, разумеется. В наши дни с той же настойчивостью финансисты ищут перспективные компании для инвестиций.

Известна, например, история о том, как Томас Джефферсон искал сорт риса, который можно было бы выращивать, не заливая поля водой. Рис давал хорошие урожаи. Но рисовые поля повышали влажность воздуха и были признанными рассадниками инфекционных заболеваний. В течение нескольких лет Джефферсон собирал сведения о высокогорных сортах риса, чья потребность в воде существенно ниже. Поиск включал чтение ботанических справочников, консультации с французскими учеными, переписку с капитанами кораблей, с главами азиатских княжеств. Джефферсон изучил сорта риса из Вьетнама, с Суматры, из Италии и в итоге нашел подходящий сорт в Западной Африке. Как это часто бывает в сфере инвестиций, успех предприятия был ограниченный. Ввезенный Джефферсоном сорт не заменил того, который требовал много воды. Тем не менее его стали выращивать для домашнего употребления.

В этом смысле простое описание интереса основателей к парковому искусству вряд ли будет важно. Уникальность работы А. Вульф в том, что, изучая отношение основателей к садоводству, она сумела найти сюжеты, которые помогают точнее понять их образ мысли.

Одна из самых интересных глав в книге — о том, как генерал Джордж Вашингтон, вернувшись домой после победы в Войне за независимость, перестраивает свой приусадебный парк, созданный согласно последней европейской моде. Ему не нравятся прямые линии, не нравятся изгороди и заборы, он недоволен их прямизной и математической идеальностью. И ему не нравятся завезенные из Европы деревья, кустарники и цветы. Для Вашингтона прямые линии, ограды и растения с другого

Как и остальные земледельцы того времени, основатели находились в постоянном поиске культур, которые можно было бы у себя вырастить

континента являются символами тирании, против которой он и его армия воевали восемь долгих лет.

Его новый парк должен быть посвящен свободе. Это значит, что не математика и геометрия должны определять внешний вид парка, но природа, ее внутренние ритмы. Дорожки должны стать извилистыми, цветы, кустарники и деревья должны быть расположены спонтанно. И самое важное: растения в парке должны быть американскими.

Новый парк должен быть посвящен свободе. Это значит, что не математика и геометрия должны определять внешний вид парка, но природа, ее внутренние ритмы

Как пишет А. Вульф, Вашингтон любил и знал природу своего континента, как никто другой из основателей. Когда он был дома, его день всегда начинался с продолжительной прогулки верхом. Прогулку не могли отменить ни дождь, ни морозы, ни жара. Одна из таких прогулок стала в итоге причиной его смерти: Вашингтон умер от простуды, которую

подхватил, проведя несколько часов под ледяным дождем. Его ненасытный интерес к природе можно проследить до самой юности. Молодой Вашингтон, будучи на военной службе, много времени проводил в девственных лесах вблизи современной Канады. В его письмах того периода можно найти почти поэтические строки о туманах, закатах и горизонтах.

Когда он говорил, что его новый парк будет имитировать природу, а не учебники геометрии, он хорошо понимал, о чем идет речь. На первый взгляд может показаться, что его план как будто исключает участие человека. В самом деле, если Вашингтону были нужны извилистые дорожки и американские растения, то лучший способ добиться такого результата — ничего не делать.

Когда прямые аллеи разрушены и завезенные растения выкорчеваны, парк, который был бы свободен от человека, появляется сам. Ветер, птицы и звери засеяли бы новое пространство семенами растений из ближайших роц. Двести лет назад в Северной Америке, покрытой

Отказ от прямых углов не означал отказа от планирования. Речь скорее шла о принципиально новом видении

сплошным лесом от берега Атлантики до Тихого океана, это произошло бы достаточно быстро. Через пару лет вокруг дома Вашингтона стоял бы молодой дикий лес. И, конечно, такой лес был бы абсолютно американским по своему происхождению.

Хотел ли Вашингтон вернуть свои земли природе? Точно нет. Отказ от прямых углов не означал отказа от планирования. Речь скорее шла о принципиально новом видении: осознанно сокращать усилия по исправлению того, как удобно природе. Деревья, кустарники и травы росли так, как если бы они не были высажены человеком. При этом их общее расположение, их

Люди учатся фермерству в парке Джефферсона, Нью-Йорк, между 1910 и 1915 гг.

близость или удаленность друг от друга, их состав и численность — все это было в ведении человека и к его пользе. К примеру, американские деревья, в отличие от европейских, очевидно не нуждались в адаптации к климату, что существенно упрощало уход за ними. С другой стороны, Вашингтон собирал деревья со всей страны.

Будущему первому президенту нужен был парк, который демонстрировал бы в том числе и идею плодотворного единства тринадцати штатов. Даже после победы в Войне за независимость у жителей разных штатов была разная идентичность. Различия между штатами были такими глубокими, что и сам Вашингтон, несмотря на все его желание объединить американцев, описывал растения не из своего штата как «экзотические». Чтобы жители разных штатов увидели себя как одно целое, растения в парке высадили американские в самом широком смысле. Белые сосны, магнолии, тюльпановое дерево, дубы — эти и другие деревья, посаженные в новом парке, представляли регионы новой страны. Деревья Юга и Севера разместили по соседству друг с другом с расчетом на то, чтобы их сочетание было эстетически приятным. Посетители парка, из какого бы штата они ни были, легко могли найти знакомые им деревья и увидеть, как гармонично и просто они сочетаются с растениями их соседей.

Чтобы жители разных штатов увидели себя как одно целое, растения в парке высадили американские в самом широком смысле

А. Вульф добавляет важную деталь: Вашингтон придумал свой американский парк, непрерывно читая книги двух популярных британских садоводов, Филипа Миллера и Бетти Лэнгли. Справочник первого был с ним каждый день. Когда он заказывал деревья из штатов, с природой которых был знаком не очень хорошо, он опирался на описания Миллера. Друзья отмечали, что Вашингтон в принципе не читает ничего, кроме пособий по ботанике и британской истории. Что касается Лэнгли, то он один из первых предложил отказаться в парках от прямых линий и позволить растениям быть такими, какие они есть.

Интерес к британским паркам был общим для основателей, и это важный момент для понимания связи Американской революции с эволюцией идей на Британских островах.

Речь идет не об американцах, а о британцах

В книге «Храмы наслаждения: Ландшафтные сады Стоу» другого автора, архитектурного критика Джона Мартина Робинсона*, подробно описывается парк, который был источником вдохновения не только для Вашингтона, но и для многих политически активных американцев того времени.

Книга вышла в 1990 году, и о ее авторе следует знать, что, помимо написания колонок в журналы про приусадебные сады, он исполнял обязанности королевского герольда и был среди организаторов коронации Чарльза Третьего. Сюжеты, описанные автором, часто совпадают с теми,

С точки зрения вигов, порядок в обществе является результатом добровольного договора между гражданами и государством

о которых рассказывает А. Вульф, — с той лишь разницей, что действующие лица здесь не американцы, а британцы, и не в конце XVIII века, а на сто лет раньше, в конце XVII. В обоих случаях речь идет о периоде после успешной революции, когда сторонники свободы перестраивали парк, чтобы он отвечал их новым представлениям о том, что есть истина.

Парк Стоу — до сих пор крупнейший парк на Британских островах — принадлежал богатейшей семье Темпл-Гренвилл. Ее члены были заметны в партии вигов, которая считала необходимым ограничить власть монарха и поддержать верховенство парламента. С точки зрения вигов, порядок в обществе является результатом добровольного договора между гражданами и государством, а выборные представители и парламент — лучший способ искать выход из социальных и политических кризисов.

Их противники, тори, были против верховенства парламента, поскольку верили в божественное происхождение права королей на

* John Martin Robinson. Temples of Delight: Stowe Landscape Gardens. London: National Trust: G. Philip, 1990. — 176 p.

управление страной. С их точки зрения, парламент, который ограничивает монарха, — это нарушение божественного порядка.

Темпл-Гренвиллы были в числе основных бенефициаров Славной революции 1688 года, результатом которой стало подтверждение независимости парламента от монарха.

Первая половина XVIII века была золотым веком британского парламента. Виги праздновали свою победу над фанатичными монархистами и видели себя римским сенатом, счастливо вернувшимся из небытия. Дебаты с конкурентами сознательно велись с опорой на образцы из классической риторики. Отдельные выступления звучали так, словно были написаны Цицероном или Катуллом.

Три поколения семьи Темпл-Гренвилл перестраивали Стоу, делая его все менее и менее похожим на безупречный геометрический парк, как у деспотичных французских королей. Как позднее Вашингтон, они заменяли прямые линии на изогнутые, напоминающие лесные тропы; отказывались от стройных, словно на параде, рядов одинаково подстриженных деревьев в пользу имитации дикого леса; в каждой детали они ценили естественность и плавность. Из европейского паркового искусства был взят, помимо прочих, прием, когда граница между парком и окружающим ландшафтом стирается. Парк плавно переходил в примыкающие к нему леса, луга и фермы, словно они были его логичным продолжением. Важной ролью аллей, рощ и цветов было способствовать размышлениям. Прогулка призвана была помочь сделать шаг от эмоций к состоянию, когда разум может оставаться светлым и открытым.

Из европейского паркового искусства был взят, помимо прочих, прием, когда граница между парком и окружающим ландшафтом стирается

Близнецовое сходство парков британских сторонников парламента и американских сторонников республики лишний раз говорит об культурном родстве их владельцев. В отдельных случаях это было родство и в социальном смысле тоже. Предки Вашингтона происходили из того же сословия, к которому принадлежала семья Темпл-Гренвилл, но были, очевидно, менее удачливыми. Можно представить себе ситуацию, когда в XVI веке предки обеих семей посещали одни церковные службы во время своих визитов в Лондон.

Вашингтонам пришлось переплыть океан, чтобы сравняться с Темпл-Гренвиллами и обогнать их. При этом отрицание, как выразились бы в России, «вертикали власти» и видение свободы как естественной для человека возможности обсуждать свои проблемы осталось для них общим. Плавная закругленность линий в парках по обе стороны океана, как и антивертикальные конституции, тому подтверждение.

*Диана Пинто,
историк, писательница
(Париж)*

*Наконец-то Просвещение!**

Открытие памятника Канту в Лагосе, Нигерия,

30 сентября 2084 г.

*(спекулятивное упражнение
в интеллектуальном иконоборчестве)*

Вместо того чтобы размышлять о судьбе Просвещения в 2024 году, я решила предложить для конференции Enlightenment on Trial — Conference at the Einstein Forum, Potsdam, July 2024 (Эйнштейновский форум, Потсдам, июль 2024 года) его возможное развитие в будущем, а для этого отправилась в 2084 год, к трехсотлетию знаменитого произведения Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?».

Я решила создать нечто подобное «Персидским письмам» Монтескье, высказываясь от вымышленного лица — 95-летнего нигерийского философа, которого попросили открыть памятник Иммануилу Канту в университете Лагоса и который, оглядываясь на прожитую им долгую жизнь, рассказывает о том, как он нашел у Канта ответ на свои поиски образа более справедливого, взрослого и ответственного нигерийского государства и общества. С тех сложных времен, когда философ обратился к Канту, прошло уже шестьдесят лет. Я решила поместить эту вымышленную историю в Нигерию по одной важной причине: Просвещение должно будет избавиться от традиционной ориентированности на Запад и обратиться ко всему человечеству, ибо только так оно сможет доказать действенность своих универсальных ценностей. Это особенно важно, поскольку в наше время противники Просвещения стремятся убедить всех в лицемерности западных ценностей, апеллируя к их культурной ограниченности. Этим пользуются Китай, Россия и в определенной степени страны Глобального Юга, чтобы дискредитировать само понятие универсальных ценностей, отвернувшись от демократии в сторону собственной «культурной» идентичности.

---

* См.: *Celebrating the Kant Jubilee*
<https://www.einsteinforum.de/tagung/enlightenment-on-trial/>

Мой текст — это критика как всего мира, так и нашей, западной его части, чья нынешняя растерянность перед вызовами со стороны правых сил омрачила наши представления о неизбежном прогрессе.

Слова приветствия

Госпожа президент Нигерии, дорогая Окуата, в прошлом моя студентка, если позволите мне это воспоминание! Уважаемые иностранные гости, члены правительства, сограждане и коллеги! Я польщен и глубоко тронут тем, что вы попросили меня, 95-летнего человека, открыть памятник Иммануилу Канту в трехсотую годовщину публикации его замечательного произведения «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Памятник Канту будет стоять не в укромном месте философского факультета или кампуса — он будет приветствовать студентов, преподавателей и посетителей при входе в наш старейший и самый уважаемый университет здесь, в Лагосе.

Наконец-то Просвещение!

Официальное открытие памятника знаменует собой ключевой момент в развитии Нигерии, но и не только ее. Мы больше не захолустье, а третья по численности населения страна на Земле, политическая, культурная и экономическая держава. Наша политическая и экономическая жизнь наконец-то воссоединилась с нашей литературной, художественной, музыкальной и кинематографической жизнью во всем ее великолепии. Наши диаспоры вернулись, и теперь отъезд из страны уже не является больше поездкой в один конец. В то время как Китай и Индия остаются замкнутыми в своих собственных культурных и религиоз-

*Присутствие Иммануила
Канта среди нас знаменует
начало новой эры*

ных мирах, мы, Нигерия, постепенно заместили Соединенные Штаты Америки в открытости, жизнеспособности и плюрализме. Поэтому присутствие Иммануила Канта среди нас знаменует начало новой эры, которую я называю «Наконец-то Просвещение!». Движение, зародившееся в XVIII веке в Европе, обрело поистине универсальный характер. Мы радуемся этой победе тем более, что она не была ни легкой, ни очевидной. Я воспользуюсь привилегией своего преклонного возраста, чтобы проследить ключевые, поворотные моменты на этом долгом пути к Просвещению.

Значение памятника

Но прежде позвольте мне подчеркнуть значение памятника Канта. Это первый во всей Африке памятник «мертвому белому человеку», как сказали бы в свое время наши радикалы. Мы прошли через период сноса памятников «белым» в первой половине этого века; счастливики попадали в музеи, но большинство просто сносились и разрушались.

Открытие такого памятника означает, что мы наконец-то преодолели узость «политики идентичности» и что мы чествуем великих мыслителей независимо от места их происхождения. Но я должен подчеркнуть: чествуя такого человека, мы чествуем себя, а не преклоняемся перед интеллектуальным превосходством «белых».

Я не знаю, как Кант встретил бы меня и каким образом он отреагировал бы на мое присутствие. Я знаю, что Кант, вопреки насмешкам его антисемитски настроенных студентов, горячо приветствовал философа Моисея Мендельсона, еврея по происхождению, когда тот нанес ему неожиданный визит в университет в Кёнигсберге. Увидел бы он во мне равного себе или, скорее, переодетую в академическую мантию обезьяну с «только лишь смешными чувствами», как он однажды выразился? Мне все равно. Меня также не волнует то, что он не был последователен в своих принципах и очень мало сделал для защиты разделенной Польши; что он был весьма польщен, когда его приняли в Санкт-Петербургскую императорскую академию наук и художеств, — кажется, даже направил благодарственное письмо русской императрице.

Для меня важны его мысли и слова, а также то, что они продолжают вдохновлять и наставлять самых разных людей в разное время и в разных широтах.

Моя эволюция как нигерийца

Всегда ли я был последователем Канта? Вряд ли. Мои детство, юность и начало взрослой жизни были сформированы присущим мне тогда антизападным мировоззрением. Африканская мысль имела свои собственные превосходные традиции. Проблемы Африки являлись лишь результатом рабства и жестокого колониализма. Нашу самобытность искалечило иностранное угнетение. Для того чтобы сохранить достоинство и подняться на ноги, необходимо было отвергнуть доминирующие западные модели и перестать им подражать. Африка, *a fortiori* Нигерия, должна была найти свою собственную дорогу, вдалеке от соблазнов западной цивилизации. Я родился в 1989 году, в знаменательный для Запада год свободы. Однако мои европейски образованные и придерживающиеся научных взглядов родители всегда говорили мне, что день 9 ноября* для них практически ничего не значил. Связи Нигерии с Советским Союзом, а затем и с Россией были слишком важны, чтобы было придавать этому какое-то значение.

Но для нас имело значение освобождение Нельсона Манделы из тюрьмы в следующем году и конец апартеида в 1994 году. В то время мне было всего пять лет, но я до сих пор помню крики радости и празднование на улицах Лагоса. Мне было десять лет, когда после правления

---

* 9 ноября 1989 года — день падения Берлинской стены: правительство ГДР объявило о снятии ограничений на сообщение с Западным Берлином.

военных Нигерия стала демократическим государством, и в памяти живо счастье, царившее в нашей семье. Однако я не помню, чтобы хоть как-то соперничал Америке 11 сентября 2001 года. Мне было 12 лет, а в этом возрасте ты уже способен распознать, что чувствуешь в глубине души. Это было не то чтобы *Schadenfreude*, злорадство, но что-то очень на него похожее, притом что для моих родителей исламские террористы уже тогда были опасностью, способной разрушить африканскую стабильность. Мне исполнилось двадцать лет, когда шел начавшийся в 2008 году экономический спад, и мое отвращение к капитализму, к его вероломству и бесчеловечности росло в геометрической прогрессии. Несколько молодых банкиров в Нью-Йорке поставили под угрозу благополучие и даже просто существование множества людей по всему миру.

К тому времени я уже был готов к поступлению в университет в Лагосе. Я изучал экономику развития, получил стипендию для продолжения

Бен Энвонву (Ben Enwonwu). Атлант. 1980-е гг.

учебы в Великобритании и с радостью поддался общему настрою, который царил в антикапиталистических и постколониальных исследованиях. Я шел путем самодовольной злободневности, мои интеллектуальные запросы определялись модой того времени. В Великобритании я прослушал несколько курсов по философии, но должен признаться, что мне очень не понравились Смит (слишком заметно, что пишет белый человек), Локк, Юм и Милль — высокомерные выразители экономического порядка своего времени, эгоистичные в своем прагматизме, с совершенно неприемлемым пониманием индивидуализма, чересчур тесно связанного с силами рынка.

Путь к Канту

Как я пришел к Канту? Попросту говоря, по причине отсутствия какой-либо реальной философской альтернативы. Путь был нелегким и определялся не столько внутренними философскими поисками, сколько удручающей политической реальностью Нигерии, сложившейся к тому времени, когда мне исполнилось тридцать лет и я получил свою первую университетскую позицию. Демократический дух 1999 года превратился в пустую оболочку. Федеральное правительство было сла-

*Спустя 60 лет после
обретения нами
независимости я понял,
что было ошибкой делать
бывшую колониальную
державу ответственной
за наши недостатки,
некомпетентность
и коррупцию*

бым, коррумпированным до мозга костей, в его составе и даже в армии были влиятельные сторонники «Боко харам» на Севере, а также алчные (self-centered) выскочки из Порт-Харкорта. Организация «Боко харам», провозгласив джихад, начала террористическую деятельность против всякого федерального учреждения. На Юге в 2018 году пятидесятая годовщина отделения Биафры и гражданской войны почти не упоминалась с обеих сторон: ни политического самоанализа, ни примирения — только тяжелое молчание. Для элиты

это было просто, поскольку ее карманы наполняли нефтяные дивиденды. Но у остального населения денег не было: в силу ли структурной бедности, или потому что карманы изрешечены пулями либо опустошены коррупцией. Сейчас мы, конечно, знаем, что наличие нефти оказалось не благом, а национальным проклятием.

Это было больше, чем я мог выдержать, следуя навязанному самому себе пониманию колониальной вины, в котором британцы — главные виновники всех нигерийских бед. Спустя 60 лет после обретения нами независимости я понял, что было ошибкой делать бывшую колониальную державу ответственной за наши недостатки, некомпетентность и коррупцию. Десятилетия дружбы с Советским Союзом, а затем с Россией дали нам много военной техники, но не принесли никакой стратегии, а воспитали лишь раболепие, которому мы не очень-то хотели

противостоять. Конечно, оглядываясь назад, можно сказать, что преклонение перед новым идолом, Китаем, оказалось гораздо опаснее. Китай, как вирус, проник в наши национальные «клетки». Инициатива «Пояс и путь» (The Belt and Road) звучала эффектно и многообещающе. Но это был не более чем захват наших инфраструктур, ростовщическое предложение финансовой помощи, а также, возможно (это стало понятно не сразу), самое расистское вторжение в нашу национальную жизнь, в сравнении с которым власть Британской империи казалась почти великодушной. Не было никакого диалога с китайцами, никакого их участия в жизни нашего населения, никаких взаимных уступок. Только лишь жестокий отъем, диктуемый исключительно их собственными интересами.

Переломный момент в моем портрете

В день моего тридцатилетия один южноафриканский друг написал мой портрет, где ему удалось мастерски передать мое душевное состояние. Было время, когда я носил футболки с джинсами, на бесконечные конференции надевал безликий синий пиджак, а постоянно ходил в *дашики**. Я был, к счастью, слишком молод, чтобы носить «костюм Мао». На картине я сижу по-прежнему в джинсах, но обратите внимание на рубашку дашики. Куда идет стадо слонов на ней? Откуда скачет и куда направляется — или они попали в тупик? Может быть, они топчутся по моей душе? А на каминной полке что стоит — бомбейский джин, колониальное наследие и алкогольное проклятие? Сам камин нарисован теплой африканской охрой, но способен ли он согреть мою душу? А что выгляжу я нездоровым — это просто из-за символического цвета, который выбрал художник? На книжной полке надпись «pire» (по-французски это «худший»), «em-» в начале слова закрыто, — может быть, это намек, что есть империи с судьбой похуже, чем у той? И о чем говорит мой печальный и безвольный вид? Картина называется «Мудрость», но, если вспомнить то время, единственная мудрость, которую я сумел извлечь, это что надо порвать со своим интеллектуальным прошлым и начать смотреть на мир не опираясь на готовые фразы.

*Не существует
«африканской философии»,
а есть только философия
в поисках универсальных
истин*

Что такое Просвещение?

Именно в этот экзистенциальный момент я открыл для себя силу мышления Канта. Не то чтобы я не читал его раньше, но, когда ум слеп, чтение может быть пассивным, почти механическим занятием. Старик, стоящий перед вами, сегодня считается достойным преемником

* Традиционная яркая африканская одежда.

великого африканского философа Паулина Хаунтонджи, который осмелился оспорить западную снисходительность к африканским «ценностям» и «мировоззрениям», заявив, что не существует «африканской философии», а есть только философия в поисках универсальных истин. Но пусть не будет никаких недоразумений на этот счет. Я продолжаю гордиться нашими лучшими африканскими традициями, мудростью наших изречений, уважением к старшим и деревенскими обычаями коллективной помощи. Только не называйте эти добродетели «философией».

«Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине»

Мне трудно передать вам, уже преисполненным (благодаря нашему спокойному и самокритичному влиянию) духом философии Канта, какое воздействие оказало на мое ослепленное идеологией «я» простое высказывание: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершен-

нолетия, в котором он находится по собственной вине». Как замечательно высказывание Канта о том, что незрелость не в недостатке рассудка (тем более знаний, которых у меня предостаточно), но в недостатке «решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого!» Его «*Sapere aude!*» и простое утверждение, что все мы способны научиться личностному самостоянию даже ценой падений, изменили мою жизнь и направили меня на путь, ведущий к воссозданию главных ценностей Нигерии.

Большинство тех, кто не является знатоком философии Канта, всегда останавливались на первых строках его статьи, рассматривая остальную ее часть как имеющую исключительно историческую значимость, где проявляется присущий Канту прусский — авторитарный — склад ума. И, конечно же, мы не можем забыть, как один из самых страшных преступников человечества, Адольф Эйхман, посмел извратить (*misuse*) категорический императив Канта, чтобы обосновать необходимость подчиняться приказам и защитить себя от обвинений в нацистском прошлом и участии в Холокосте.

Позволю себе не согласиться. Сегодня, в трехсотлетнюю годовщину выхода в свет этого сочинения, значение Канта в Нигерии и во всем мире включает в себя все аспекты его видения Просвещения. В 20-х годах нынешнего века нам было крайне необходимо не только покончить с нашей незрелостью, в которой повинны мы сами. Нам нужен был план построения нового нигерийского государства. Я верю, что Кант снабдил нас этим планом. Кантовское видение призывало к созданию государства, которое не только защищало бы свободу личности, но и позволяло бы свободу высказываний тем, кто занимает важные посты в государстве и обязан ему подчиняться. Подчиняться в качестве государственного служащего, имея при этом право критиковать свое правительство

в качестве частного лица. Это не стерилизованная свобода слова, а условие развития дискуссий в обществе. Ни одна диктатура, включая такую авторитарную, как в Сингапуре, не представила в последующие века подобной концепции свободы. Но Кант предложил план, который остается актуальным и по сей день.

Когда в конце 10-х — начале 20-х годов нашего века я прочитал эти слова Канта, я был заряжен на действие. В молодых сферах государства, в журналистике, политике, университетах нас было достаточно много, чтобы понять: Нигерии требуется не очередная порция технической экспертизы «правил и формул» (выражаясь словами Канта), будь она от МВФ, Всемирного банка или от наших собственных технократов, погрязших в глупых компромиссах.

Нам нужно было моральное и философское пробуждение: построенное по заповедям Просвещения сильное, некоррупцированное государство, в котором чиновники способны не только критически мыслить в качестве частных лиц, но и уважать выбор, сделанный уважающим свободу государством, и подчиняться ему. Нам было нужно государство, стоящее выше этнических и племенных различий. Вот почему я никогда не объявлял о своем племенном происхождении. Я нигериец! Нам было необходимо государство, которое достаточно хорошо оплачивает труд служащих (по сингапурской модели), чтобы уберечь их от соблазна коррупции; государство, которое будет бороться за свои принципы и не пойдет ни на какой компромисс с религиозной нетерпимостью и фанатизмом; государство настолько сильное, что способно защитить на своей территории всех, кто разделяет его ценности; государство, которое не будет вступать в международные союзы и соглашения, исходя лишь из интересов своей элиты и не принимая во внимание их длительных негативных последствий для граждан в целом.

Погрузившись более основательно в Канта, я понял, что это будет не односторонняя реформа определенной элиты. Это должна быть национальная цель. Ключевым словом такой цели, конечно же, было «образование».

Первыми ли мы начали мыслить в таких понятиях? Конечно, нет. Поколение наших отцов-основателей после обретения независимости тоже верило в образование, но их программа была основана на понятии социального, научного и экономического прогресса, а не на глубоком философском поиске. Они потерпели неудачу. Поколение моих родителей пыталось выжить, как могло, в коррумпированном мире. Но суждено ли нам было преуспеть? Мы не задавали себе такого вопроса, зная, что ответ на него может появиться лишь спустя десятилетия.

*Нам нужно было моральное
и философское пробуждение:
построенное по заповедям
Просвещения сильное
государство, стоящее выше
этнических и племенных
различий*

Мы сами были поражены тем, какую массовую поддержку нашли наши идеи. Вот примеры из статей и деклараций, показывающие, насколько прижились кантовские заповеди в стране, жаждущей идеального образа государства:

«Этическая позиция Канта и проблема коррупции в Нигерии».

«Этический императив Канта: парадигма для политического развития нигерийского общества».

«Деонтологическая этика Канта и ее значение для политического развития общества».

«Категорический императив Канта: панацея от этнополитики в Нигерии».

«Оценка деонтологии Канта как средства решения проблем нравственности в Нигерии».

«Категорический императив Иммануила Канта и вопрос об абортах в Нигерии».

«Кант в современных реалиях сестринского дела при онкологии».

И даже:

«Кант как основа феминизма».

«Сильные женщины — сильные нации».

И, возможно, немного надуманно:

«Оценка традиционного траволечения в Нигерии с точки зрения концепции доброй воли Канта».

Это было только начало. Далее последовало нечто гораздо более важное. Был создан национальный «Кантовский корпус» (Kant Corps), как

*Мы добились успеха.
Нигерия в 2084 году — это
процветающая, культурная
и уверенная в себе страна*

мы его называли между собой. Мы отправили наших самых перспективных выпускников и тысячи молодых активистов в необъятную нигерийскую глубинку, где они помогали федеральным детским садам и школам, местным организациям и

были готовы защищать мечети, церкви и культурные центры от банд террористов. Социальные службы должны были работать для всех граждан, а не служить рассадником будущих мракобесов и оппортунистов. Это требовало мужества, а также доверия к тем нашим единомышленникам, которые медленно, но верно поднимались по лестнице военной карьеры, чтобы посвятить себя своей стране, а не личному обогащению.

И сегодня я стою перед вами, чтобы подтвердить: да, мы добились успеха. Нигерия в 2084 году — это процветающая, культурная и уверенная в себе страна, где религиозные и племенные противоречия отошли на второй план по сравнению с гораздо более ценными общенациональными и индивидуальными правами и где решения на высшем уровне принимаются с учетом потребностей всех граждан.

Должен признаться, что обращение к Канту, зарождавшееся в 2020-х годах, все еще имело основанием превосходство Запада над нами в многовековом осмыслении кантовских идей. Таким образом, мы готовились отметить трехсотлетие со дня рождения Канта как младшие соратники в этом деле.

Трагический переломный момент 2024 года в западном мире

Популистское мракобесие победило. Конечно, крайне правые и раньше приходили к власти, но в менее значительных странах, таких как Италия или Дания, а также в течение многих лет в Польше (Россию я оставляю в стороне). Однако сам факт, что крайне правые могут победить в двух первых демократиях XVIII века, США и Франции, считавших себя детищами Просвещения, потряс нас до глубины души. Еще до роковых результатов выборов 7 июля во Франции и 5 ноября в Америке мы поняли, что пришло наше время. Мы, преклонявшиеся перед Декларацией прав человека и клявшиеся на «Федералисте»*, теперь были представлены самим себе.

Запад, отпраздновавший 80-ю годовщину высадки союзников в Нормандии, казалось, снова рушится. Постепенное возвращение расизма, невежества, фальшивых идолов (социальные сети), лживых обещаний, малодушные уступки российскому соседу, диктатору и захватчику, — Запад словно отказался от своей мантры «никогда больше».

В результате того, что произошло в 2024 году, созрели наши честолюбивые замыслы. Больше никаких «догонялок»! Мы решили стать новым маяком в мире, где правят разум и мораль. Не нужно было больше извлекать уроки извне. Мы понимали, что станем одновременно и наследниками, и преобразователями этой благородной традиции. Я никогда не любил Гегеля, но в данном случае можно говорить о том, что Дух Истории решил выйти из переживающего кризис западного мира и достичь наших берегов. В который раз гегелевская притча о господине и рабе доказала свою истинность. Коль скоро мы были рабами (даже у самих себя), мы оказались сильнее.

Большинство из вас, должно быть, недоумевают, почему я посвятил столько времени тому, что было шестьдесят лет назад, когда многие из вас еще не родились, и теряют терпение.

В наше время благодаря прогрессу в медицине шестьдесят лет — это всего лишь 60 или 70% жизни. Но для того, чтобы изменить представления и образ действий правительства страны, времени нужно больше. Потребовалось время, чтобы наше движение зародилось в университетской среде и распространилось в самых широких слоях общества, чтобы каждый из наших выпускников стал первопроходцем в своей

---

* Сборник статей в поддержку ратификации Конституции США, опубликованных в нью-йоркских газетах в 1787–1788 г.

области. Потребовались десятилетия, чтобы освободить нашу страну от грязи коррупции, от неряшливой политической организации, от неэффективной и зачастую упадочной элиты, от военной слабости, от груза раскольнических традиций. Потребовались десятилетия, чтобы выстоять против Китая в экономическом, политическом и прежде

*Нужны были десятки лет,
чтобы изменить сознание,
приучив страну думать о себе
как о нравственно взрослом
человеке, ответственном за
свои поступки*

всего моральном плане. Потребовались десятилетия, чтобы стать лидером того, что раньше называлось Югом, перед тем убедившись, что в своей постколониальной неприязни к Северу он не выплеснул вместе с водой и ребенка. Потребовались десятилетия для того, чтобы установить прочный мир на всем континенте через

постепенное изживание трайбализма — и осознать, что, пока в нас глет ностальгия по прошлому, у нас нет будущего. Нужны были десятки лет, чтобы изменить сознание, приучив нашу страну думать о себе как о нравственно взрослом человеке, ответственном за свои поступки.

Поэтому я, старый человек, открывая памятник Иммануилу Канту, хочу напоследок сказать присутствующим здесь представителям молодого поколения: не считайте наши достижения само собой разумеющимися. Согласно Канту, ни один человек и ни одна страна никогда не могут считать себя просвещенными, поскольку Просвещение является бесконечной задачей, которую каждое поколение должно решать заново. Западу пришлось пройти нелегкий путь, чтобы научиться этому, и лишь сегодня он медленно выходит из десятилетий упадка, когда был утрачен внутренний компас и моральные устои. Пусть же Нигерия никогда не попадет в эту ловушку, а продолжит следовать своим благородным устремлениям — для себя, для Африки, для всего мира.

Перевод с английского Руслана Лошакова

TABLE OF CONTENTS

No. 4 (95) 2024

TO THE READER

The School of/for Life
Yan Levchenko 5

FEATURED ARTICLE

“Any change is possible
on the political stage”
Danuta Przywara 9

The Winter of Discontent
for Polish Democracy
Sławomir Sierakowski 23

CIVIC SOCIETY

Why Democracy?
Valdis Birkavs 26

ELECTIONS

Georgia is neither a dictatorship
nor an ally of Putin's Russia
Ivan Belyayev 35

Why the current political system in
Russia will persist for a long time
Igor Mintusov 40

I knew it
Sergey Medvedev 43

ECONOMICS

On Import Substitution
Sergey Petrov 46

PHILOSOPHY

No Foreigners Allowed
Jonathan Rée 64

The Mind Has Its Ontological Limits
Ruslan Loshakov 79

HISTORIC EXPERIENCE

Freethinking
Materials from a “Round Table” Dedicated
to Andrei Sakharov 94

IN MEMORIA

The Calvary
Mikhail Zygar 108

PREVIEW

The War and the Intellect
Anatoly Akhutin 112

BOOKS

For Russia with Hitler
Andrey Simbirtsev 116

The Counterpoint
Maxim Goryunov 119

NOTA BENE

Finally, the Enlightenment!
Diana Pinto 128

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2024 год

К ЧИТАТЕЛЮ

Пол Браммел

Будущее находится в ваших руках
(№ 3)

Вальтер Кауфман

Как мы можем работать вместе
(№ 1)

Ян Левченко

Школа (для) жизни (№ 4)

Лена Немировская

Надо учиться понимать Другого
(№ 2)

ТЕМА НОМЕРА

Ингеборг Брейнес

Войны начинаются в умах людей
(№ 2)

Лев Гудков

Перечитывая Геллнера (№ 3)

Анна Кулешова

Существует ли гражданское
общество? (№ 3)

Марк Лантен

Внутренняя и международная
политика Китая в год выборов
(№ 2)

Елена Лукьянова

Отмена права (№ 2)

Михаил Минаков

Прыжок в цезуру (№ 3)

*Лена Немировская, Юрий
Сенокосов.*

Обращение к творцам
Третьей научно-технической
революции — создателям
квантовых компьютеров (№ 1)

Жанна Немцова

О партнерстве (№ 3)

Мелисса Парк

Как предотвратить ядерный
Армагеддон искусственного
интеллекта (№ 1)

Данута Пишваря

«На политической сцене возможны
любые изменения» (№ 4)

Владимир Рыжков

До краха коммунизма гражданское
общество не вызывало интереса (№ 3)

Петр Свитальский

Без государства (№ 3)

Юрий Сенокосов

О гражданском обществе, демократии
и мировом праве (№ 3)

Славомир Сераковский

Зима недовольства польской
демократии (№ 4)

Михаил Фишман

Подъем и упадок современной России
(№ 2)

Александр Шмелев

Общество — первично (№ 3)

Денис Ягодин

Искусственный интеллект и
гражданское общество (№ 1)

*Олег Грешнев, Анна Кулешова, Николай
Квантелиани, Кишиштоф Мейснер,
Ян Альбрехт*

Искусственный интеллект,
информация и свобода (№ 1)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Валдис Биркавс

Почему демократия? (№ 1)

Валдис Биркавс

Почему демократия (№ 2)

Валдис Биркавс

Почему демократия (№ 3)

Валдис Биркавс

Почему демократия? (№ 4)

Андреас Буммель

Современная международная архитектура невозможна без участия гражданского общества (№ 1)

Николас Рид Ланген

Судный день демократии (№ 1)

Григорий Охотин

Стратегия, зачем она нужна и какой может быть (№ 3)

Екатерина Шульман

К вопросу о российском обществе и коммуникации с ним извне страны (№ 1)

СОВЕТ ЕВРОПЫ

Клаудиа Лучиани

Совету Европы 75 лет (№ 3)

СМИ И ОБЩЕСТВО

Виктор Мучник

Личные истории времен войны (№ 2)

РОССИЯ О РОССИИ

Андрей В. Колесников

Белоусов — идеолог (№ 2)

ВЫБОРЫ

Иван Беляев

«Грузия — это не диктатура и не союзница путинской России» (№ 4)

Сергей А. Медведев

Я так и знал (№ 4)

Игорь Минтусов

Почему нынешняя политическая система в России будет существовать долго (№ 4)

ЭКОНОМИКА

Сергей Петров

Об импортозамещении (№ 4)

ФИЛОСОФИЯ

Руслан Лошаков

Разум имеет онтологические границы (№ 4)

Джонатан Ре

Чужестранцам нет / чужестранцев нет (№ 4)

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Василий Жарков

Тупик без выхода: останавливаться или продолжать? (№ 3)

Иван Крестев

«Мы себя ведем так, как будто мы последние люди на земле» (№ 1)

РОССИЯ В ИЗГНАНИИ

Стефан Ингварссон, Мария

Доманьска

Поддержка российских политических мигрантов как инструмент повышения европейской безопасности (№ 1)

ОПЫТ ИСТОРИИ

Вольномыслие.

Материалы «круглого стола», посвященного А. Д. Сахарову (№ 4)

Василий Жарков

Империя Москвы: новейшие технологии и архаическая идеология (№ 1)

Адам Михник и Томас Венцлова

Об опыте примирения Польши и Литвы (№ 1)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Григорий Померанц

Выбор XXI века (№ 2)

Алексей Юсупов

Как война влияет на демократию (№ 1)

Денис Яковлев

Примерно каждый второй недоволен тем, как работает демократия в его стране (№ 1)

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Тоби Гати

Бороться за институты, а не полагаться на них (№ 1)

IN MEMORIAM

Михаил Зыгарь

Голгофа (№ 4)

ДИСКУССИЯ

*Иван Преображенский,
Георгий Чижов*

Симуляция избирательных процедур в условиях военного положения: причины, риски и последствия (№ 3)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ

Руслан Лошаков

Разум имеет онтологические границы (№ 3)

НАШ АНОНС

Анатолий Ахутин

Война и интеллект (№ 4)

Михаил Минаков

Постсоветский человек и его время (№ 1)

КНИГИ

Виктория Матисон

О книге Марии Макеевой
«Медвежьи уши. Янтарный человек»
(№ 3)

Андрей Симбирцев

«Альтернативная Россия» и Гитлер
(№ 4)

Андрей Симбирцев

Войны больше не будет (№ 1)

Андрей Симбирцев

Диктатуры и люди (№ 3)

Андрей Симбирцев

Предпоследняя утопия (№ 2)

Максим Горюнов

Контрапункт (№ 1)

Контрапункт (№ 2)

Контрапункт (№ 3)

Контрапункт (№ 4)

NOTA VENE

Геннадий Аляев

Предисловие к «российскому»
номеру журнала Studia z historii
filozofii (№ 1)

Андрей В. Колесников

Площадь Азиопы (№ 3)

Михаил Немцев

Лига Вечного мира (№ 2)

Наташа Омелькова

Париж — Олимпиада — июль 2024
(№ 3)

Диана Пинто

Наконец-то Просвещение! (№ 4)

Леонид Рагозин

Впечатление (№ 2)

Сьюзен Сонтаг

Об Иосифе Бродском (№ 2)

Василий Чернышев.

Из стихов, написанных вдали

Людмила Нукневич

Рукописи горят? (№ 1)

НАШ АРХИВ

Владимир Рыжков

Алексей Михайлович Салмин (№ 1)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ДЕМОКРАТИЯ, СВОБОДА, ЭКОНОМИКА

Наши авторы:

Иван Беляев

Валдис Биркавс

Максим Горюнов

Ян Левченко

Руслан Лошаков

Сергей Медведев

Игорь Минтусов

Адам Михник

Сергей Петров

Диана Пинто

Данута Пшивара

Яцек Ростовский

Славомир Сераковский

Андрей Симбирцев

Александр Шмелев